

Каширин И.Ю.



**КАК СТАТЬ ОБЕЗЬЯНОЙ
или
КАК Я ОДНАЖДЫ БЫЛ СТУДЕНТОМ**



НА ФИГА ЭТО НУЖНО (ПРЕДИСЛОВИЕ)

Первый вопрос студента: «На фи́га мне это нужно». В науке же это называется «актуальность». Итак, зачем было написано то, что там следует дальше.

Дело в том, что в свое время я прожил весьма бурную жизнь, полную удачных и неудачных событий, удивительных ярких приключений и даже откровенной гадости, о которой и вспоминать не хочется. То есть, было все как у всех.

Однако некоторой особенностью является то, что самое смешное, что происходило со мной и моими друзьями, было в 1970-х годах, и все, что тут написано, основано на чистой правде. Так что мне даже и придумывать ничего не нужно было.

А какие это были деньки! Прямо полет души, феерия волшебства, яркие эмоциональные брызги счастья и мелкие нелепости... А? Это была студенческая жизнь! Жизнь настоящая, искренняя и очень глупая (если посмотреть строгими взрослыми глазами).

Что в те годы было главными мечтами студенчества? На что оно тратило все свое время? Куда вкладывало свою молодую жизнерадостную энергию? Отвечаю.

1. Постоянное желание поплотнее и калорийней пожрать или даже хоть что-то, пусть какие-нибудь малосъедобные крохи, но покушать.
2. Кипящая и жужжащая в душе любовь ко всему, что движется. Главным образом, конечно к девушкам и женщинам, невзирая на их скромность, стервозность, грустные и жестокие очи (имеются в виду глаза).
3. Праздники, праздники, праздники. Особенно предпраздничные деньки. Кстати, это также связано и с предыдущими двумя пунктами.
4. Все остальное.

Тут ведь нет ничего удивительного? Да, конечно.

Но ведь как мы умели дружить, смеяться, уходить в полный отрыв!

Студент поступал в вуз глуповатым, забитым, но эгоистичным юношей. Основными своими достижениями он считал владение *всеми* разновидностями русского языка, умение плоско шутить, курить сигареты, пить пиво и с гордым видом плевать себе под ноги. А еще каждый только-только поступивший на первый курс студент знал о своей исключительности и понимал, что его ждет если не мировая, то уж точно всесоюзная слава. Правда, за что она ему достанется, пока было не очень понятно.

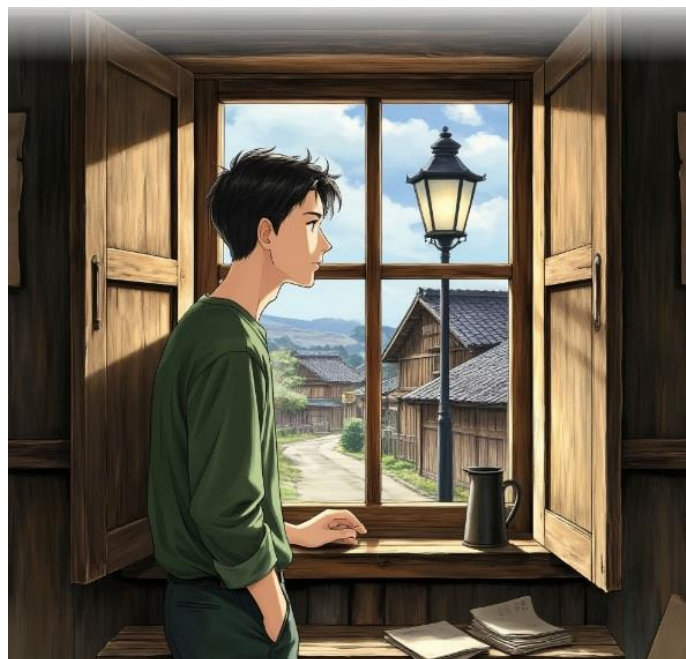
Выходил же студент после пятого курса молодым образованным интеллигентом, умеющим общаться без крестьянских слов и умеющим показать свою сдержанность, подтянутость. Он уже умел здороваться, плевать в урну, а то и вовсе не плевать, уступать место в городском транспорте и радоваться жизни. Радоваться жизни! Ведь у него теперь столько замечательных, любимых и всегда готовых прийти на помощь друзей!

Короче говоря, эта книжка о дружбе, взаимовыручке и веселье. Эта книжка про хороших людей. Вот.



СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|---|-----|
| На фи́га это нужно (предисловие) | 2 |
| Старинный русский город Рязань — город мух и студентов | 4 |
| Как поступить в вуз..... | 10 |
| Автобус — это тоже транспорт | 11 |
| Мои друзья по общеаге. Например, Мишка Катков | 15 |
| Мой друг — Сержка Демушкин | 17 |
| Тракторист из радиотеха..... | 22 |
| Как мы готовили макароньы | 29 |
| Немного об оригинальных способах открывания дверей | 35 |
| Всего два раза в год..... | 41 |
| Любитель шампанского, или Шура Бадацкий едет на каникулы..... | 53 |
| Теория и практика знакомства с девушками | 60 |
| Несколько слов о компьютерной практике | 81 |
| Как лучше себя вести, если на вас упала атомная бомба (несколько слов о собственном опыте) | 89 |
| Дождь и грязь, а мы на лыжах | 96 |
| Специфика сдачи экзаменов по гуманитарным дисциплинам в технических вузах России..... | 113 |
| Мы зарабатываем на хлеб с маслом | 124 |
| Знакомство с Ионь Сембугамуртхи и... .. | 134 |
| ... Суд над ним | 143 |
| ... И посмертные воспоминания о нем | 155 |
| Как стать обезьяной | 173 |
| Суждения заслуженного ингибитора России | 187 |
| Два слова правды о русской деревне | 197 |
| Несколько полезных замечаний по поводу любви и поэзии | 201 |
| Сборы. Разбор полетов | 209 |
| Сборы. Черт на одну ночь..... | 219 |
| Сборы. Слава и крушение Мишки Каткова | 228 |
| Прощальный Новый Год..... | 237 |
| Дед Мороз & Санта Клаус | 250 |
| Синья морда и красный диплом | 262 |



СТАРИННЫЙ РУССКИЙ ГОРОД РЯЗАНЬ – ГОРОД МУХ И СТУДЕНТОВ

Если посмотреть с высоты птичьего полета или с какой-нибудь другой еще более подходящей высоты, то город, о котором идет речь, можно назвать живописным, зеленым, сочетающем в себе все архитектурные стили, за исключением широко известных классических. Он является типично русским и несет в себе основные черты старинных городов средней полосы России, возраст которых непрерывно уточняется, но непременно колеблется вокруг 1000 лет.

Вот вам — Кремль с множеством соборов и церквей, вот — центральная площадь, меняющая название только после революций, вот — любимая всеми горожанами старинная низкоэтажная, в два-три этажа, часть города, вот — разбросанные по чертовым углам новые микрорайоны с маловразумительной схемой застройки, а вот и улочки частных одноэтажных халуп неопределенного возраста с тремя сотками сада.

Если приглядеться, как следует, то утопающие в садах халупы все же обладают своеобразной стройностью и трогают в душе сентиментально-ностальгические струны, от чего кажется, что разлилась по зелени этих садов-огородов легкая и наивная музыка.

Июнь украшает эти места лучше других месяцев, вызывая буйное оживление растительности, вытряхивая из деревянных домов галдящую



детвору, будоража любовные мечты местной живности, по большей части состоящей из кошек и собак усредненной породы. Тот же самый июнь заселяет в ветхие домишки особый, очень серьезный и мудрый, но все-таки весьма молодой народ — абитуриентов. Эти молодые люди большую часть времени проводят в упорном труде за письменным столом. Впрочем, труды эти очень часто сменяются светлыми мечтами о грядущей студенческой жизни.

Вот, скажем, сидит такой человек за столом, склонившись над книгой, смотрит в окно и мечтает. За окном сквозь листву отцветших яблонь пробивается солнце, а дверцу открытой форточки покачивает утренний сыроватый ветерок. Если молодому человеку чуть-чуть скосить глаза, то справа от стола, на стене, можно отчетливо различить чей-то лоб, нос и подбородок. Конечно, это всего лишь тень, но и по ней видно, что нос хоть и ровный, но длинный, лоб хоть и есть, но не такой высокий, как хотелось бы, а подбородок и вовсе заурядный. Слева от стола висит зеркало. Там можно все это проверить и убедиться, что кроме того существуют зеленые умные глаза и вполне элегантные уши. Однако, весь портрет, собранный вместе, производит впечатление неоперившегося птенца.

— Будущий орел! — иронично говорю я сам себе вслух и поднимаюсь из за стола, чтобы немного размять многочисленные суставы.



Как и многие другие абитуриенты, я снял в частном доме крохотную комнатку, размером 2,5 х 2,5 метра. Сюда помещается стол, стул и кровать. А чего еще нужно? Сиди себе, работай. Устал работать — спи.

Шум мне обычно не мешает. Вот за стеной раздается звонкое залиvistое чихание. Это Люська — пятилетняя дочь моей хозяйки. Чихать ей осталось от силы 10—12 минут, потому, что начало этого процесса я засекаю по часам. В соседней комнате стоит мой чемодан. Он большой, и если его поставить в мою комнатку, из за стола будет трудно встать.

С тех пор, как Люська внесла некоторые исправления в текст моих учебников, книги из чемодана пришлось забрать и выстроить башнями на моем письменном столе. Больше в чемодане почти ничего интересного не было: неприхотливая одежда, да небольшая жестяная баночка с леденцами. Леденцов мне было не жалко — пусть ест. Но Люська на этом не успокоилась. Когда все интересующие ее предметы кончились, ей стал интересен сам чемодан. Очень весело было его открывать и закрывать, громко клацая автоматическими застежками.

Кто только и как только не объяснял ей, что открывать чужие чемоданы нельзя. Все это приводило к обратному эффекту. Люська внимательно выслушивала все объяснения, потом честно и старательно ревела, но интерес к чемодану от всего произошедшего только возрастал. Вот тогда и решил я





засыпать в банку из под леденцов немного нюхательного табаку. Все равно леденцов больше не было, а табак пригодится как средство против моли.

С тех пор Люська все реже увлекалась моим чемоданом, а когда интерес к нему возрождался, ее неизменно разбирал 15 минутный чих. Как правило, если в это время у нее был насморк, он неминуемо проходил. Я даже стал подозревать, что маленькая разбойница специально нюхает табак для лечения, интуитивно, как дикие животные, понимая, что им нужно делать для выздоровления.

Вот, наконец, Люська отчихалась и побежала наводить порядок на кухне, о чем можно было догадаться по лязганью алюминиевых кастрюль. Нет, повторяюсь я, шумы мне не мешали. За окном пропел петух — чудесно! Грызутся где-то в проезде собаки — замечательно! Оглушительно беседуют друг с другом соседки — тоже хорошо! Так и должно быть.

Но вот раздается взрыв и в комнате начинают переговариваться между собой все стекла — это перешел звуковой барьер реактивный самолет, ведь где-то за городом аэродром. А вот и взрыв со стекольным звоном чуть поменьше — это хлопнула дверь, пришедшая с огорода хозяйка, тетя Рая, Раиса Петровна. Конечно, дверь можно было бы и не хлопать, если бы она не была кривой. Но дверь все-таки была кривой, а значит открывать и закрывать ее нужно было, приложив большие усилия.

«А», — скажете вы догадливо, — «У Раисы Петровны не было мужа, вот и некому «было починить дверь». Да, правильно, совершенно верное рассуждение, только не в этом случае. Муж у тети Раи был, но он был очень занятой человек. Чем он занимался? Ну, главным образом, дегустацией различных напитков, причем в подавляющем числе случаев — спиртосодержащих. И хоть числился Николай Степанович на заводе слесарем, и даже работал там, получая зарплату, а дегустация была только его хобби, она, тем не менее, отнимала у него почти все свободное и часть рабочего времени.



Николай Степанович никогда не буянил и в доме занимал места ровно столько, сколько занимала его кровать. Всего шуму от него было, что храп, когда он лежал на спине, кряхтение, когда переворачивался с боку на бок и стон, когда вставал утром на работу.

Больше из жильцов в доме никого не было.

В общем, за те 50 рублей, что я вносил в месяц за комнату, мне досталось вполне приличное жилище. В нем, как оказалось, мне пришлось жить довольно долго, почти год, так как получить место в вузовском общежитии было непросто.

Но это все было впереди. А пока я поступал — держал вступительные экзамены, уже твердо зная, что для этого нужно делать и где все это происходит. Мне даже успел понравиться этот небольшой, но уютный, хотя





и сумбурно растрепанный город. Он был нелеп и нескладен, но красив и мудр в своей простоте, как и люди, живущие в нем. Новые многоэтажные, без особых изысков, дома здесь перемежались изысканным и уникальным деревянным зодчеством.

Обитатели новых домов были молоды, красивы и образованы, обитатели частных, напротив, в большинстве своем стары, выразительны внешностью, без претензий к вершинам грамотности, но поразительно энергичны и мудры. Все это смешивалось на улицах города в единую жизнь, взаимодополняя друг друга и образуя ту самую уютность и сумбурную растрепанность.

Со всем этим мне пришлось столкнуться сразу по приезде сюда, когда устроившись в доме у Раисы Петровны, я пошел прогуляться, ознакомиться с городом и найти радиотехнический институт, или попросту, Радик.

Настроение на тот момент у меня отличное, энергия была через край, заранее хотелось всех любить и всем восхищаться.



Я впервые шел по городу, где, возможно, мне было суждено стать студентом. Да, ..., Студентом! Сотни раз примерял я к себе это желанное почетное звание. Это во все времена великое звание открывает перед тобой огромное пространство возможностей, превращая за каких-нибудь пять лет зеленого юношу в интеллигентного, грамотного и предприимчивого специалиста. «Студент радиотехнического», — Боже, как возлечу я на крыльях счастья и славы, если вдруг успешно выдержу экзамены, и как бесславно, быть может, вернусь в родные пенаты банальным допризывником, если этого не случится.

Но хотелось верить в лучшее. Вот я — студент. Я иду по улицам гордо, даже чуть—чуть надменно. «Ну, что? « — как бы говорит мой вид, — «Вы хоть знаете, кто я? Нет? Ха-ха, вот так-то, вот то-то же. И кто знает, что еще ждет меня впереди... А вдруг — это слава талантливого инженера, выдающегося изобретателя, гениального ученого, наконец!».

Не скрою, были мысли и по поводу Родины. Ни одни же Петры Первые, Потемкины и Ломоносовы обязаны были созидать ее славу. Были и мы, современники. Кстати, читатель, такие мысли в то время приходили в голову многим. Это теперь может показаться смешным, а тогда мы были так воспитаны. Идеология, пропаганда — страшные вещи. Все средства массовой информации непрерывно трубят о новых электростанциях, заводах, успехах в космосе, науке. Фильмы в кинотеатрах — и те про что-нибудь красивое и возвышенное. Что тут поделаешь? Вот и приходилось молодежи быть энтузиастами, в честь которых назывались новые города и проспекты.

А пока я, даже еще не абитуриент, шел по нарядным от молодой листвы улицам. Вот — Первомайский проспект, вот — шоссе Энтузиастов, вот улица





Строителей. Эх, и хорошие же кругом здесь улицы! Я шел не спеша, с приветливым удовольствием рассматривая каждую мелочь.

Июньское солнце, игравшее в свежих бульварных лужах и окнах домов, трепетно будоражило душу ожиданием чего-то радостного и светлого. Кругом тополя, каштаны, клены. «Как же прекрасна вся эта растительность и прочая живность» — думалось мне. Вовсю бушевало июньское солнце, легкокрылые резвые мухи выполняли немислимые приемы пилотажа, оставляя в дураках глупых молодых воробьев.



Мух почему-то было многовато. То есть, в том райончике одноэтажных частных домов, где я временно устроился квартирантом, и где каждая хозяйка считала признаком зажиточности воспитание полутора десятков кур, было совершенно естественно существование соответствующего числа и разнообразия насекомой фауны. Но как объяснить их присутствие на центральных улицах города, или даже на окраинных транспортных трассах, где из-за выхлопных газов и заводской копоти и птицам-то дышится тяжело? Собственно, поначалу мелкая летающая живность меня не только не тяготила, а даже развлекала, другое дело потом...

Я вдруг поймал себя на мысли, что прошел никак не меньше восьми километров, и, по моим расчетам, основанным на весьма достоверном мнении моей квартирной хозяйки, уже пару раз должен бы дойти до нужного мне заведения, поскольку направление она мне указала самым точным способом, то есть прямо указательным пальцем, а про расстояние недвусмысленно выразилась: «примерно, километра четыре».

Пожив некоторое время в Сибири, я знал любимую шутку лесных жителей, которые в случае сомнения в точной оценке расстояния прибавляли незатейливое «с небольшим». «Четыре километра с небольшим» при этом могло запросто оказаться десятью. Претензий к местным жителям по поводу точности указаний возникнуть никак не могло, так как под «небольшим» каждый для себя понимает посильное ему расстояние. Для кого оно — двести метров, а для кого и двести гектар в пересчете на периметр. Именно поэтому я не придавал большого значения оценке расстояния моей хозяйкой, правда, как потом выяснилось, напрасно.

Пройдя сгоряча еще с милую я стал ощутимо уставать и уже не раз приставал к прохожим с вопросом: «Здравствуйте! Не сможете ли Вы показать, в каком направлении радиотехнический институт?». Однако, навстречу попадались лишь люди почтенного возраста, но далеко не самого почтенного вида. Усредненный смысл их ответов звучал приблизительно так:

— Много тут всяких разных институтов, один знаю, весь белый такой — в той стороне, другой желтый, с серой крышей, так обратно идти надо.



Обратно идти не хотелось и я, хоть и сделав некоторую поправку к первоначальному расстоянию, пошел еще дальше. К слову сказать, добраться дальше оказалось недалеко, поскольку каменная часть города кончилась, и я оказался на широкой трассе с крупным синим дорожным указателем, который сиял надписью «Москва». Стрелкой было указано, куда именно идти дальше, чтобы попасть в Москву. Указатель явно издевался надо мной. Я сразу понял, что он про себя как бы намекал:

— Эх, не туда ты приехал, парень. В Москве надо было вуз выбирать, ну и чудак же ты, пойми, в Москве и выбор побольше.

Надо сказать, что как раз тут мое настроение испортилось. И те самые мухи, которые, как казалось, парили вокруг и чирикали вместо птиц, вдруг стали надоедливо приставать ко мне и норовили сесть прямо на мой вспотевший от длительной прогулки нос.



С горечью пришлось повернуть назад. Тут я заметил еще один сверкающий дорожный щит, стоявший с другой стороны трассы, и возвещал он совершенно о другом: «Вы въезжаете в старинный русский город Рязань — город студентов!». Еще с час назад я бы радовался этой фразе и считал бы ее достойной и справедливой, и мог бы подписаться под ней сам. Сейчас же во мне жил меланхоличный скептик. Я подумал: «Если уж считать город каким-либо особенным, то ему надо честно приписывать то, чем он действительно и на самом деле богат. Было бы значительно правильное написать: «Перед Вами старый город Рязань — город мух.». Действительно, едва ли в этом дрянном городке студентов больше, чем мух или какой-нибудь более гнусной пакости».

Так наивно думал я в годы своей, теперь уже кажущейся мне далекой, юности, не зная, что передо мной открывается прекраснейшая перспектива полной огромных радостей и мелких огорчений студенческой жизни в одном из самых прекраснейших древнерусских городов, который по праву может гордиться своим многочисленным и достойным во всех отношениях студенчеством.

Давным-давно я понял, что студентами в нем себя считают практически все жители, и это недалеко от истины, поскольку они или и в самом деле студенты, или были таковыми, или же непременно станут ими. И что, если бы те же самые мухи могли бы говорить, они бы сказали: «Ну что Вы, мы по-своему работаем и многому учимся на кафедре животноводства в Сельскохозяйственной академии».

Так что новый дорожный щит, который я сразу после поступления в институт готов был восстановить с точностью до подфразы «Старинный город России — город мух и студентов» кажется мне теперь не только обидным, но подчеркивающим тогдашнюю мою незрелость и наивность, как





впрочем и большинства студентов, переживающих лучшую пору своей в будущем незряшной жизни.

Ну а в тот далекий день мне ничего не оставалось, кроме как, добравшись до ближайшей остановки троллейбуса, вернуться на квартиру. Не хотелось мне начинать свой студенческий путь в плохом настроении. Я решил отправиться в институт завтра на подходящем городском транспорте.

В конце концов, институт я отыскал, сдал документы на поступление, и, немного погодя, даже поступил в него. Но первый день знакомства с городом остался в моей памяти именно таким.



КАК ПОСТУПИТЬ В ВУЗ

Как туда поступить? Очень просто. Первое, с чего нужно начать, надо научиться мечтать. Начать можно хотя бы с теннисной ракетки, потом перейти к модной демисезонной куртке и закончить, скажем, велосипедом. Правда, это только лишь для примера. Можно выбрать более простые (напакостить бывшей подруге, другу) или наоборот более сложные цели (получить разряд по пулевой стрельбе).

На первых порах умение мечтать можно заменить банальной завистью. Но только на первых порах! Далее следует попытаться выстроить свои притязания в стройную логическую цепочку, по возможности, связав их в единое целое. Ну, например, сначала получить разряд по стрельбе, затем напакостить другу, у которого есть велосипед. В общем, мечты следует научиться осуществлять. В результате всего вы поймете, что для достижения даже небольшой, крохотной цели нужно настойчиво и кошмарно долго работать.

После этого есть два существенно разных варианта продолжения.

Первый состоит в том, что теперь нужно поставить цель: «я хочу и могу поступить в тот вуз, в который, как минимум, последние три года хотел поступить и получить там нужные мне знания». Готовиться к поступлению придется долгим изнурительным трудом, а выдерживать вступительные экзамены нужно только предельно честно. В противном случае вы не сможете и не захотите учиться. Правда, для этого случая есть второй вариант.

Второй вариант начинается с работы на производстве или службы в армии, кому что больше нравится. Этот вариант подходит для тех людей, которые не научились как следует мечтать на первом этапе подготовки к поступлению в вуз, то есть отнеслись к этому несерьезно. Этот вариант

удобен тем, что тут можно не спешить. Работать или служить в армии допускается столько, сколько потребует организм. Перебора быть не может. И вот, в какой-то момент вы почувствуете, что начинаете мечтать. Тут опять-таки, на первых порах сгодится зависть, однако после обязательно нужно определиться с мечтой и стать энтузиастом. В заключение — опять каторжный труд на поприще освоения фундаментальных наук.

Если все этапы пройдены, вы автоматически становитесь студентом.



Эта книга написана только для таких, настоящих студентов. Впрочем, если вы ее прочтете, это, возможно, поможет еще кое-что понять.

Я поступил в Радиотехнический институт, воспользовавшись первым способом.



АВТОБУС – ЭТО ТОЖЕ ТРАНСПОРТ

Конечно, будучи студентом, пешком в институт я ходил не часто, предпочитая автобус. Провинциальный автобус, как и многие другие средства быстрого перемещения предметов, — тоже транспорт. Однако, это тот самый транспорт, обращение с которым требует самой серьезной бдительности. Здесь я могу дать несколько полезных советов тем, кто будет



впервые осваивать самостоятельные путешествия провинциальным автобусом.

Во-первых, если автобус пришел на остановку, попытайтесь быстро обойти его с двух сторон. Если номер автобуса, прикрепленный спереди не совпадает с номером, прикрепленным сзади, в такой транспорт лучше не садиться, потому, что независимо от мнения сидящих в нем пассажиров, он может следовать по какому-либо вовсе третьему номеру маршрута.

Во-вторых, если номера спереди и сзади совпали, нелишне, войдя в автобус спросить окружающих, точно ли вы сможете доехать в этом автобусе до нужной вам остановки. Дело в том, что в провинциальных городах ремонт различных участков дороги весьма част, и схемы транспортных потоков меняются в среднем раз в неделю.

В-третьих, внутри автобуса выбирайте место для стояния подальше от молодых мамаш с детьми и алкоголиков, иначе первые обязательно перепачкают вас ногами или мороженым, а вторые ... тоже могут перепачкать. Но главное, держитесь как можно дальше от тучных пожилых дам. Расстояние до них должно соответствовать времени вашей реакции и текущей спортивной форме.



Может и не очень многие из дам указанного сорта любят носить туфли с тоненькими каблуками-шпильками, но абсолютно все из них никогда не стоят в салоне на одном месте. Совершенно неважно, держатся они за поручень или нет, но при любом ускорении или торможении автобуса таких дам начинает мотать по весьма сложной траектории, угадать направление которой на ближайшие полсекунды просто немыслимо.

Самая малая неприятность от столкновения с такой странствующей особой — ваши отдавленные ноги, но бывает и хуже. Я не раз был наблюдателем сцен, когда сидевшая спокойно на сидении тучная женщина при разгоне автобуса резко вскакивала, бежала почти через весь салон в противоположном направлении и там сбивала с ног какого-нибудь неопытного студента-первокурсника, предварительно оторвав от его куртки рукав.

В-четвертых, старайтесь не дать прижать себя к окну. В случае достаточного наполнения автобуса осколки стекла могут повредить ваш костюм, а в случае давки можно свободно оказаться на улице снаружи и, следовательно, не доехать до нужной вам остановки.

Наконец, в-пятых, не спорьте со старшими пассажирами. В последствии они могут оказаться вашими будущими преподавателями или начальниками.

В декабре же силам природы удастся добиться рекордных похолоданий для средней полосы России. Минус 42°C — в одно и то же время бодрящая и угнетающая температура. Вы выходите из дома и бодрым шагом



направляетесь к автобусной остановке. Там жизненный тонус еще более повышается, и вам хочется пританцовывать или даже приплясывать.

Но всему в жизни когда-либо приходит конец, даже ожиданию на остановке. Пользуясь годами отточенной сноровкой вы ловко выбираете самую быструю струю людской волны, и она стремительно заполняет автобус, помимо своей воли увлекая с собой и вас. Тут-то и обнаруживается угнетающая составляющая низкой температуры. Оказывается, все стекла машины плотно, ровно, в несколько слоев покрашены старым маляром и сквалыгой Морозом, а то, что он по своей слепоте пропустил, аккуратно расписано китайскими иероглифами маленькой проказницы Снегурочки. Картинная галерея моментально завораживает непридирчивую пассажирскую публику и держит ее в нирване до тех пор, пока не наступает время сориентироваться на предмет выхода:

— Какая остановка? Скажите же, какая остановка? Мне, наверное, уже пора выходить!

Несколько наиболее честных людей добросовестно пытаются пронзить взором морозовы шедевры и почти единодушно приходят к выводу:

— А черт ее знает, но нам еще выходить рано.

— Так выпустите же меня, я уже точно приехал (приехала)! — взывает к гражданской совести опомнившийся пассажир.

Живая волна приходит в сложноописуемое, почти броуновское, движение, результатом которого, тем не менее, является благополучное выталкивание на остановку волновавшегося пассажира. Но здесь выясняется, что нужная остановка была уже весьма давно:

— Елки зеленые! — вопит он, — да это уже Мясницкая улица.

Автобус трогается и пассажирская масса делится почти поровну: одна смеется над незадачливым неудачником, другая с ужасом понимает, что свою остановку они тоже успешно миновали.

Совершенно удачливых людей в эти морозные дни почти не было, поскольку те, кто добирался точно до своей остановки, выходили без пуговиц или с оторванной подкладкой, или с ручкой от собственного портфеля. Никто не считал это удивительным, все понимали, что дополнительно поддетые на себя теплые вещи вовсе не прибавляют им изящности и необходимой в общественном транспорте гибкости. Ну а те, кто шел пешком, избегая транспортных неприятностей, все-равно либо обморазивались, либо становились коллекционерами ушибов и других неприятностей, связанных с той же одежной неуклюжестью и скользкими дорогами.

Вот таким вот был этот декабрь.

Долгое время приходилось мне жить на квартире у хозяйки. Минусы и плюсы такой жизни вполне уравновешивали друг друга. Плюсы были вполне





очевидны и сказывались в основном на желудке, который чувствовал себя сыто и уверенно, с благодарностью оценивая кулинарные произведения моей хозяйки, Раисы Петровны. Кроме того, у меня не было проблем с бытовой техникой и тишиной — факторам, не последним для любого студента.

Минусы заключались в расстоянии от квартиры до института, учет которого стоил дополнительных 30 минут сна. Самое же главное, за проживание нужно было платить деньги, съедавшие мою стипендию настолько, что остатка едва хватало на тетради и проезд в том самом общественном транспорте. Это положение некоторое время мною даже не замечалось, ведь первый курс большинство молодых людей проводит в головокружительном подъеме на гранитные скалы науки.

Сердце начинающего студента замирает при первой угрозе появления хвоста из несданных зачетов. Такое бесхвостое состояние, в целом не свойственное более старшему обучающемуся братству, стало причиной почти постыдного прозвища всех первокурсников — «козероги». И хоть мало найдется на свете людей, видевших это животное, никто почему-то не сомневался, что этот редкий гороскопический вид не имеет хвоста.

Но вот наступило время, когда почти обидное прозвище стало для меня смешным и даже частично ностальгическим. И наступило оно с началом второго курса, когда мне наконец-то дали место в студенческом общежитии, или попросту — общежитии.







МОИ ДРУЗЬЯ ПО ОБЩАГЕ. НАПРИМЕР, МИШКА КАТКОВ

В комнате нас было четверо: я сам, Шура Бадацкий, Сережка Демушкин и, наконец, Миша Катков. Стоит немного рассказать о каждом из них. Начнем с Мишки.

Был он среднего роста, но крепок и широк в плечах. Могучая фигура его не очень вязалась с лицом, на котором был написан наив вселенского масштаба. Наив усугублялся светлыми волосами, уложенными на пробор, и широко распахнутыми серыми глазами, которые в купе с маленьким прямым носиком никак не позволяли Каткову скорчить что-нибудь похожее на суровую гримасу. Миша был уроженцем деревни, расположенной весьма недалеко от нашего города, и потому в бытовом смысле ему жилось несколько легче, чем всем остальным. Каждую субботу он уезжал домой, где до понедельника успевал восстановить свои силы и подготовиться к дальнейшей неделе учебы. Конечно же, мы завидовали ему. Правда, справедливости ради стоит заметить, что легче ему было лишь в бытовом смысле, так как деревенский имидж Каткова часто становился предметом шуток и всеобщего веселья. Особенно любил в этом отношении подучить Шура Бадацкий, который отслужил в армии и был знаком с кучей способов подтрунивания.



Миша же был человеком безусловно сильным и весьма развитым в умственном отношении. Ему одинаково легко давались физические упражнения и сложности наук. Он даже посещал научные общества. С другой же стороны, как деревенскому парню, ему не хватало некоторой гибкости, как физической, так и в сфере человеческих отношений. Трудно, например, было даже представить себе, чтобы Катков танцевал, — его крепко сбитое тело очень хорошо годилось для косьбы или рубки дров, но для танцев было необходимо, чтобы голова, плечи и, извините, то, чем танцуют более всего, двигались по возможности отдельно друг от друга.

Однако, и без танцевальных способностей Каткова в студенческой группе принимали хорошо, ведь он был прост и честен. Это значило, что над ним когда-то можно и посмеяться, но в серьезных делах на него можно положиться. С таким можно было идти в разведку. Мишка никогда не смог бы предать и готов был пожертвовать всем ради друга. Кроме того, он был мужественен и вынослив, и никогда не гнулся под ударами судьбы. При всей своей простоте, ему многое, что довелось испытать в жизни раньше нас, его сверстников, да и молодцовскому ухарству он был вовсе не чужд.



Как выяснилось, Мишка обожал мотоциклы и был по этому поводу первым парнем на деревне. И хоть доставалась ему техника на грани списания, она долго лелеялась: чистилась, перебиралась, смазывалась и красилась, в общем, приводилась в порядок.

Первым его «мотиком» был старый коричневый «Ковровец», затем синий «Восход», и уж потом зеленый «ИЖ—Планета». Ездил Катков настолько экстремально, насколько это позволяла себе его родная деревня. И то, что мотоциклы приходилось часто менять, обуславливалось совсем не стремлением к обретению моделей с новыми ходовыми качествами, а просто тем, что ходовые качества предыдущих моделей быстро сводились к нулю. В самом деле, какие ходовые качества могут быть у металлолома?

В первой аварии Мишке повезло. Он не смог разъехаться на встречных курсах с трактором «Беларусь». Переломался капитально: ключица, два ребра и голень. А повезло вот почему. Во-первых, у «Беларуси» маленькая скорость (уже плюс), во-вторых, большие задние резиновые колеса (мягкие, все-таки), а в третьих, тракторист всегда может довезти встречного гонщика до больницы (что и произошло). Коричневый «Ковровец» восстановлению не подлежал, а на Мишке все зажило за какие-нибудь два месяца, правда, пальцы на левой руке стали гнуться чуть-чуть хуже.

Второй эпизод наступил сразу, как только Каткову удалось приобрести сильно подержанный «Восход». Его бывший владелец продал машину, полагая, что в более худшее состояние ее привести уже нельзя. Однако, как любил пошутить В.И. Ленин, «нет таких высот, которые не взяли бы большевики». В том, что Ленин прав, Мишке приходилось убеждаться не





раз. Как удержаться в седле, когда мчишься по трассе, а под колесами настоящая российская грязь? На это нет ответа даже у классиков марксизма.

А ведь, казалось бы, много думая о коммунизме, они что-то такое могли предвидеть. Грохнулся Катков на скорости, и вроде бы, не очень больно, а поднялся на ноги — левая рука болтается намного свободней, чем в повседневной практике. «Взял я руку в зубы за большой палец, чтобы не моталась, второй вцепился в рукоять мотоцикла. Так и дошел 6 километров до деревни» — вспоминал он. Оказалось, мотоцикл тащил с собой зря: восстановить его так и не удалось, хоть внешне он был поврежден мало.

Через два месяца Мишка уже мог снова быть в седле. Да вот беда, народ в деревне оказался сердобольным и продавать мотоциклы прославленному гонщику не хотел из соображений гуманизма. Люди рассуждали здраво: «хорошо, если только сам побьется». Как в воду глядели. Целое лето работал Катков на подмоге у комбайнера и выкупил-таки у него вполне приличную машину «ИЖ—Планета», дав страшную клятву гонять не более 40 км/час. Ни за что не уступил бы ему комбайнер, да сам собрался покупать мощный и надежный «Урал»— мотоцикл с коляской и с шестернями вместо цепной передачи. Вот и требовалось срочно освободить гараж, да и деньги были не лишними.

Целую неделю Мишка медленно дефилировал по окрестностям не выходя, скажем, за положенные 60 км/час. Народ даже начинал его любить: «ты смотри, повзрослел гонщик-то, во как остепенился!». 60 км, и зачем тогда нужен мотоцикл? Преодолеть этот барьер Катков решил поздним вечером, чтобы никто не видел. И преодолел, даже 80км преодолел, преодолел бы и больше, если бы не новенький забор соседа. Откуда он там взялся, вчера еще его не было. Но с другой стороны, забор хоть и разлетелся в щепки, а Мишку спас. Всего и переломов: плечо и пара пальцев на ноге. Через два месяца ... Впрочем, хватит об этом.

Михаил Катков был настоящим парнем. Хорошо и весело иметь такого друга.



МОЙ ДРУГ — СЕРЕЖКА ДЕМУШКИН

Шмель вылетает — быть хорошему дню. В эти дни надо гулять и веселиться, танцевать, купаться или ловить рыбу.

Шмель затих и долго беззвучно копошился на сразу обвисшем цветке желтой акции. Он копался так долго, что уже давно было ясно, что его



работа не клеится и этот цветок дано пора бросить и заняться более простым. Сережка Демушкин смотрел и на других шмелей. Почти все они уже облетели по десятку цветов. Хотелось встать и стукнуть по чашелистику, сказать: «Вылетай, не трать времени понапрасну. И силы сбережешь, и пользы принесешь больше». Но что-то сдерживало Сережку и заставляло смотреть и смотреть на этого шмеля. Что же мог вспомнить Демушкин? Попробуйте угадать сами, а я пока о нем расскажу.

Если уж говорить о Сережке Демушкине, то его можно было бы охарактеризовать как нелепо чудесного человека. Во-первых, потому, что он был своим простым парнем, всегда готовым помочь в трудную минуту, а во-вторых, потому, что он сам имел богатейший жизненный опыт по поводу попадания в различные нелепые ситуации и чудеса. Не было на всем потоке такого студента, чтобы он не уважал Демушкина или, по крайней мере, относился к нему не очень хорошо или с пренебрежением.

Нет, герой этого рассказа вовсе не был молодежным авторитетом. Находился он скорее в стороне, чем в гуще коллективной суматошной жизни. Своим положением в нашей среде был он обязан своему покладистому характеру, на который обрекла его весьма непростая судьба.



О себе Сережка мог бесхитростно рассказать любому, несколько стесняясь и даже посмеиваясь над собой. Собеседник обычно удивлялся услышанным нелепым или же смешным обстоятельствам его жизни и при этом тоже добродушно посмеивался.

Спустя несколько минут после такой беседы вдруг становилось совершенно понятно, что Демушкин — человек судьбы не только нелепой, но и жестокой, и что смеяться над ним или его рассказами было просто бессердечно.

Он рассказывал, что отец его был цирковым артистом, работавшим номера на мотоцикле. С отцом было просто и весело. Но на одной из тренировок подвела страховка и отец разбился насмерть. Мать заимела дружбу с зеленым змием, и Сережка был вынужден неделями шататься по городу в поисках еды, то и дело попадая в разные передряги. В конце концов, мать лишили родительских прав, и парнишку взяла к себе старая бабушка, с которой они перебивались на мизерную пенсию. Чтобы не слишком голодать, было решено определить его в школу-интернат, где было бесплатное и безвкусное питание.

Учащиеся интерната — народ трудный, рано повзрослевший и, главным образом, уважающий волчьих порядки. Но добродушный сережкин характер и там был его ангелом-хранителем. Очень быстро приклеилась к нему редкостная кличка — «Помахалея». Появилась она после урока литературы, на котором Демушкину досталось зачитать текст про известного русского





писателя Пришвина. В тексте была примерно такая опечатка: «... Пришвин снял шляпу и помахалею. ...».

Прилежный ученик прочитал все так, как это и было напечатано. Класс дружно разразился надрывным ржанием. После этого случая те, кто был поблатней, подходили к попавшему впросак и сурово выкрикивали:

— А ну, снимай свою помахалею! Гони ее в общий котел! Что, зажал?! Тогда в обед компот отдашь.

Сережка ни на кого не обижался, учился с прилежанием и окончил интернат с аттестатом без троек. Не смотря на любовь к наукам, отсутствие средств вынуждало его продолжить образование в военном училище. Да вот только неважное интернатское питание привело его на грань дистрофии и медкомиссию пройти не удалось. «Тебе в армии все время с автоматом придется ходить, — говорили врачи, — а не то, того и гляди, унесет ветром в тыл к неприятелю».



Ну что ж, пришлось идти на заработки — на металлургический комбинат. Работенка досталась парню очень даже черная — помощник сварщика. В первый же день, удерживая для сваривания тяжелую арматуру, нахватался он «зайчиков». После этого не спал две ночи, невыносимо драло глаза, как будто под веки засыпали крупный морской песок. Оклемавшись, работал Сережка старательно, не прогуляв ни дня в течение целого года.

Жить продолжал он более чем скромно, ведь после такой работы не то, что на дискотеку, на горшок лишний раз не встанешь. Немного помогал своей старой бабке. Немного тратил на питание и более чем скромную одежду. Основную часть заработка он откладывал, лелея мечту о вузовской учебе.

Впервые судьба улыбнулась ему через год. Накопив 600 рублей, он поехал в наш старинный город и был зачислен на одну из лучших специальностей института. Правда перед этим, как, по-видимому, и следовало из всей его жизни, прямо на вокзале он чудом не стал жертвой мошенников, вовремя убежав от псевдодружников.

Парень, попавший в нашу студенческую группу, на первый для нас взгляд имел свои странности. Он был худощав, редко стригся, имел собственное представление о русском языке и некоторые буквы выговаривал в какой-то собственной оригинальной манере. Так, например, при всей своей любви к животным, ему редко удавалось погладить пробегающую мимо кошку, поскольку необходимое для этого «кис-кис-кис» в его устах приобретало звучание что-то вроде «кыш-кыш-кыш».

Сережка твердо считал, что все слова, оканчивающиеся на мягкий знак, имеют обязательный женский род, или, что если это даже не так, то так рано или поздно будет, потому, что это математически более просто. При этом его теорию нельзя было считать голословной, ведь он действительно приводил



на каждый наш пример, опровергающий его правило (скажем, «рояль»), целую кучу контрпримеров («ночь, мышь, лень, боль, роль»). А что касается таких слов, как «тюль» или «мозоль» его ораторское искусство даже приводило к разделению мнений аудитории. Собственное непреклонное мнение имелось у него и в части ударений в русских словах. Ударение выбиралось в пользу благозвучности, то есть в полном соответствии с сережкиными эстетическими взглядами, а о вкусах, как известно, спорить нет никакого смысла.

В общаге Демушкин был моим соседом по койке, поэтому мне хорошо известен весь его «гардероб». У него было три пары носков, двое трусов, теплая майка, две военных рубашки, старенький свитер, заношенная куртка с капюшоном и одни прочные всесезонные ботинки. Эти незначительные примеры полностью оправдывали его жизненное кредо, которое он определял как рациональность во всем.

Наша учеба начиналась с колхоза. Студенты вывозились в далекие села, где помогали (чаще же делали всю работу) убирать картофель. Дело это было очень веселым. Но самым главным была бесплатная кормежка и небольшой заработок, начисляемый по трудодням. Это же подтверждала меткая студенческая частушка:

Прекратите крики—стоны —
Ждет Ипатьевский район.
Соберем картошки тонны!
(А сожрем десятки тонн!)

Демушкин вывез в колхоз весь свой нехитрый скарб и там мало чем отличался своими обносками от остальных студентов, собранных на работы мамами и папами. В колхозе практически все студенты заимели свои прозвища, которые за многими укрепились в последствии на долгие годы.

Мой сосед по общажской койке тоже получил новое прозвание — «ботва». Дело было в том, что хоть и работал он упорнее всех и заработал больше других трудодней, но была у него одна особенность — собирать в ведро картошку вместе с ботвой. Так ему, по-видимому, было рациональнее и позволяло работать значительно быстрее. Другая же причина присвоения прозвища заключалась в том, что по рациональной привычке меньше ходить в парикмахерскую сережкина шевелюра тоже как-то неуловимо напоминала ту самую картофельную ботву.

С возвращением из колхоза в вуз многое круто переменилось. Самые бойкие ребята почему-то плохо успевали. Тихие же, наоборот добивались серьезных и быстрых успехов. Демушкин подходил к учебе капитально и сразу вышел на хороший уровень успеваемости. Очень быстро раскрылся его добродушный отзывчивый характер и полнейшее отсутствие какой-либо





скупости, когда речь шла не о нем самом, а о помощи товарищу. Меткая колхозная кличка буквально через несколько недель отвалилась от него так же просто, как комок прилипшей к ботинку в дождь и высохшей на сменившем его солнце грязи. Все стали называть его просто «Сережка».

Эти некоторые сведения о Демушкине позволят Вам, дорогой читатель, понять, о чем он думал в тот июньский день, когда нелепый шмель суетился в неподатливом цветке.

Шмель же все-таки выкарабкался, и улыбаясь Сережке, с явной победой деловито полетел куда-то по своим делам.





ТРАКТОРИСТ ИЗ РАДИОТЕХНИЧЕСКОГО

Настало время рассказать одну из историй, произошедших с Демушкиным уже в студенческие годы. Этот случай, конечно же, не мог произойти ни с кем другим, потому, что Сережка всегда подвергался так называемому «общественному гонению по одежке». Общий внешний вид его как бы говорил о себе: «вот он я — вороватый прощельга, вовремя не воспитанный родителями». Ведь это только потом выяснялось, что у него совсем другой внутренний мир, полностью противоположный внешности. Философски говоря, его форма никак не соответствовала содержанию, а про содержание наиболее точно можно сказать, что он и мухи не обидит.

Кстати, еще раз про мух. В нашем городе их действительно хватало, хватало их и в общежитии. Борьба с ними велась настойчиво и непрерывно. Редко у кого из нас был хоть плохонький холодильник на одну или на две комнаты, поэтому скудные продуктовые запасы тщательно оберегались от любых посторонних посягательств. Холодильники появлялись у нас лишь на зимний период, ведь тогда появлялась возможность вывешивать продукты за окно.

Так вот, еще одна странная добродетель Сережки заключалась в либеральном отношении к мухам. Я сам не раз наблюдал, как он выгонял какую-нибудь из них из комнаты в форточку, вместо того, чтобы ее просто



прихлопнуть. Процедура эта, как ни странно, не занимала у него много времени. Оставаясь в комнате один, я не раз пытался скопировать таинственные сережкины манипуляции, но после многоминутных усилий все они завершались зверским убийством, что отчасти портило мне настроение на оставшееся время дня. Я представлял себе мысли мух, которые были вправе считать, что дескать вот, поиздевался вдоволь и все равно прикончил.

Что же касалось Демушкина, он все время был в этом отношении на высоте, а однажды даже отнял бедное насекомое у паука и разорвав паутину благородно выбросил обоих в окно. Зная такую любовь нашего друга к животным, мы обычно оставляли одну из мух зимовать в своей комнате. Она обычно получала имя одной из наших преподавательниц и скромно жила, неизвестно чем пробавляясь, где-то под серегиной тумбочкой, изредка напоминая о себе тихим жужжанием или медленным разминочным облетом комнаты.



Вот теперь я Вас спрошу, можете ли Вы, уважаемый читатель, представить себе, чтобы такой скромный человек, как Демушкин, чуть было не угодил в милицию за шумный скандал и воровство? Нет? Тогда позвольте мне набросать в общих чертах суть одного нелепо произошедшего с ним инцидента.

Как я уже сказал, наш герой был весьма прагматичен и рационален. Вот эта-то особенность и толкнула его на новое благое дело, — он решил без отрыва от учебы получить водительские права. Кстати сказать, осуществить это предприятие не составляло большой сложности, так как при авторемонтных мастерских института ежегодно проводились курсы обучения вождению ... трактора. Тут следует объяснить, почему именно трактора? А было все очень просто: стране требовались трактористы.

Открыть при вузе курсы вождения легкового автомобиля было очень сложно, ведь для этого существовала целая система ДОСААФ. Другое дело — трактор. Вполне естественно, что в конечном итоге всех, овладевших навыками вождения, сельскохозяйственная техника совершенно переставала интересовать, а вот документ, получаемый при этом, давал возможность водить и легковые автомобили. Самым же важным преимуществом перед ДОСААФ было то, что курсы были для студентов бесплатные.

Сережка не побрезговал гордым званием тракториста. Но во всем хорошем есть и свои минусы, как любил выражаться один из наших преподавателей, любивший ставить за коллоквиумы все оценки со знаком «минус». В этом же случае минусом было то, что для обучения необходимо было собрать множество справок, в том числе медицинских, подтверждающих, что их предъявитель не является алкоголиком и отдельно, что не является также еще и сумасшедшим.





Как читателю ясно из предыдущего повествования, к медкомиссиям Демушкин не питал возвышенных и окрыляющих чувств. Но делать было нечего, нужно было получить документы из наркологического и психоневрологического диспансеров. В силу известных превратностей судьбы будущий тракторист вино практически не употреблял и поэтому начал свои похождения за справками с наркологии. Это получилось у него на редкость легко, потому что, несмотря на недоумение врачей (всему был виной внешний вид пациента), вдруг оказалось, что ни в один из городских вытрезвителей Сережка не попадал, видимо умея ловко скрываться от милиции. Такой оборот дела существенно прибавил Демушкину настроения и в психодиспансер он направился в отличном расположении духа. «А-а, ерунда какая! За полчаса обернусь» — вдруг подумалось ему.

Ах, как часто, не правда ли, уважаемый читатель, приходится нам в жизни заблуждаться, принимая сложное за простое, а простое за сложное. Помните, например, как в свое время погорячился князь Олег у Александра Сергеевича Пушкина, попав при этом в комичную со стороны ситуацию? Нечто подобное чуть было не произошло и с Демушкиным, если бы не его пожизненный ангел хранитель.

Запах тысячи лекарств торжественно встретил Сережку прямо у регистратуры медицинского учреждения. Ароматы выносились из врачебных кабинетов с трех этажей и, слегка перебросившись друг с другом сведениями о новых пациентах, спешили резво пронестись по коридорам, что бы с ходу проникнуть в самое нутро вновь прибывших и отлежаться там денек-другой перед выходом на лоно природы.

Пожилая и, как сразу казалось, чуть—чуть не в себе, но строгая регистраторша просверлила Демушкина пронизательным взглядом и, видимо сразу поняв, в чем дело, безапелляционно скомандовала:

— Заполняй талон!

— Какой талон ? — справедливо удивился Сережка, — я ведь только за справкой!

— Фамилия и адрес! — сказала регистраторша, явно не слушая его, и выбросив в окошко пустой желтоватый листочек бумаги, тут же скрылась в глубинах стеллажей с историями болезней.

Спросить более вразумительного объяснения больше было не у кого, и Демушкин написал на клочке бумаги свою фамилию и общежитский адрес. Ждать следующего пришествия регистраторши оказалось долго, и он впал в полусонное состояние, стоившее ему еще двадцати минут потерянного времени, потому, что регистраторша внезапно вынырнула из-за ближайшего стеллажа, ловко выхватила из руки пациента талон и, вильнув халатным хвостом, снова молниеносно ушла в стеллажи. После двадцати минут

ожидания наш студент обозвал ее про себя фурией и, не выдержав, стал громко звать:

— Послушайте! Алло! Есть кто-нибудь?

— Чего орешь, псих? — вдруг гаркнула снова нарисовавшаяся в окошке фурия, — «Нет тут твоей карточки! Наверное, уже у врача.»

— У какого врача? Я не псих! — возмутился Сережка.

— Ну вот, опять попался с выпадениями памяти. Забыл у какого врача лечишься?

— Да я вовсе не лечусь.

— Оно и видно. Вам назначают курс лечения, а вы забываете ему следовать.

— Вы понимаете, я учусь в радиотехническом институте на ... тракториста. Мне нужна только справка.

— Тяжелый случай! — медленно и с тревогой в голосе сказала регистраторша, еще раз окинув пронизательным взглядом Демушкина, — вам лучше пройти в приемный покой, там определят, что у вас и направят куда надо.

Прежде, чем раскрыть рот для более подробных объяснений, будущий пациент заметил, что регистраторша снова скрылась в неведомых глубинах. «Тьфу ты, пропасть какая, — в ужасе подумалось ему, — сейчас еще возьмет, да вызовет санитаров! Нужно срочно идти к директору. Он все же должен быть человеком образованным, да и юлить, как рыба, между шкафами не станет. Вот только нужно узнать, где его кабинет.» С этими мыслями он не спеша поковылял по коридору, решив начать поиска с третьего этажа, поскольку, по его разумению, начальство должно обязательно находиться наверху.

Как и во всех медучреждениях на коридорных стенах, выкрашенных масляной краской (в нашем случае желто-зеленого цвета), висела экспозиция санпросветовских, не всегда понятных плакатов: «Будь всегда уравновешен, не то будешь зол и бешен!», «Пей, но дело разумей. Лучше же — совсем не пей!» или же «Не кури — сгниешь внутри!». Более понятным и оптимистичным показался другой плакат, возглашавший «Помни! Алкоголь — это сначала веселье, а затем ... <кусочек плаката вырван и далее не менее красиво и ровно написано:>... здоровый сон!». Как раз напротив этого плаката, вносящего светлую струю в тяжелую угнетающую диспансерную атмосферу, в один из кабинетов была открыта дверь.

На двери висела стеклянная черно-серебряная табличка с надписью «Глав.Врач Вакула Абрамович Задрывайло—Зильбершухер». «Ну что ж, если не директор, так хоть, быть может, этот сумеет меня правильно понять. Какой никакой, а все-таки врач, и даже, по-видимому, связанный с головой»,

— решил Сережка и осторожно вошел в кабинет, который начинался небольшой приемной и имел еще одну боковую комнату.

Комната эта была закрыта, и ему пришлось тихонько постучаться. Стук остался без ответа и Демушкин попытался рвануть на себя дверь, что ему без труда удалось. Правда, как оказалось, это скорее была неудача, чем удача, по двум причинам: во-первых, в комнате главврача никого не было, а во-вторых, и самое страшное, открытая дверь раскрепостила засевший в комнате сквозняк. «Ш—ш—ш—ш... Бух!», — услышал Сережка удар захлопнувшейся внешней двери. Поначалу это не показалось ему сколько-нибудь страшным. Всю драму ситуации он понял только тогда, когда попытался открыть внешнюю дверь. Он был поражен, — изнутри открыть ее было невозможно: «Ну точно — психи. Ни разу не видел дверей с такими замками». Ситуация была безвыходной.



Демушкин начал лихорадочно соображать, что же в этой ситуации делать? Вначале, не долго думая, он стал барабанить в дверь изнутри и кричать, что он «захлопнулся». Но толи дверь была достаточно массивной, толи в коридоре никого не было, только толку от его стука не оказалось. Выбраться с третьего этажа через окно тоже не вдохновляло.

Оставалось одно — ждать. Ждать, что кто-нибудь придет и все же откроет его. Но и в этом случае могут решить, что он — вор, или, что немногим лучше, как и при освидетельствовании его регистраторшей, — сумасшедший с провалами памяти и черт его знает еще какой-нибудь сложной медицинской чепухой. Сердце его колотилось, как барабан, в дурном предчувствии: «Что делать? Что делать? ...»

Да ведь мне же еще сегодня на лабораторку по физике надо, а то хвост вырастет такой, что не сдашь до экзаменов... А что, если этот «врач по голове» ушел вообще до завтра? Никому и дверь-то запирать не надо — я уже об этом позаботился, а значит, придется ночевать, а как тогда с туалетом? Он сразу внутренне проанализировал себя на этот счет. Тьфу, ты!» В мыслях такого рода провел неудачливый будущий тракторист еще с двадцать минут.

И тут его осенило. Да ведь здесь же есть телефон! Скорей! Он с трясущимися руками и такой поспешностью рванул к секретарскому телефону, что вот уж трудно поверить в очередную нелепость — сбросил его на пол. Старенький дисковый телефон почти не разбился и выглядел снаружи целехоньким, правда, сам наборный диск треснул пополам. Попытка набрать номер на левой стороне цифр привела к тому, что эта сторона вовсе отвалилась.

Вторая же сторона, начинавшаяся с цифры «1» и оканчивавшаяся цифрой «2» устояла и осталась вполне пригодной для набора. Только теперь неудачник подумал, а куда же ему все-таки звонить? Правда, теперь уже выбор был небольшой. И он решился обратиться за помощью к случайному



телефонному абоненту. Той же трясущейся рукой он набрал: «22—12—21». Трубку, судя по звонкому веселому голосочку, сняла девушка. Сережка, и раньше не умевший общаться к девушкам, тут и вовсе задержался:

— Послушайте, я звоню из психдиспансера, у меня очень тяжелый случай. Вы не могли бы позвонить сюда в регистратуру и попросить, чтобы меня выпустили.

— Кто это меня разыгрывает? Это ты, Алик? — сказал весело голос из трубки.

— Нет, это не я, то есть ... это не он. Я Вам пока не знаком, а здесь в психдиспансере заперся сам, в кабинете специалиста по головам, я случа...



— Послушайте, молодой человек. У Вас, похоже, в самом деле тяжелый случай с головой. И лично я как раз и не хотела бы, что бы Вас выпустили из психушки. Я не знаю, кто дал Вам номер моего телефона, но и ему, и Вам гарантирую неприятности, если такой звонок повторится.

Трубка была брошена. Отчаянье овладело нашим оптимистом. Он где-то слышал, что симметричные номера телефонов, или из малого количества цифр считаются блатными, то есть телефонами, «выбиваемыми» себе большим начальством. Видимо это он еще хорошо отделался, попав не на самого начальника, а его взбалмошную избалованную родительской любовью дочку. «Как же, войдут такие в мое положение» — справедливо заключил Сережка.

Тут ему вспомнилась своя нелегкая жизнь, голодание и тяжелая работа, интернат, передраги. И вдруг как-то сразу стало весело. Он взглянул на себя со стороны и оценил всю комичность положения, даже немного хохотнул. Практически полностью успокоившись, начинающий тракторист начал обходить кабинет главврача с хладнокровным любопытством. В той самой боковой комнате, оказалось, стоял еще один телефон, селекторный. Таких телефонов Демушкин еще не видел. Трубка на нем была, а диска с номерами не было. Правда, было довольно много кнопок, пойдика, найди нужную.

Что ж? Необходимо было ставить эксперимент. Пытливость и непредсказуемость студенческого ума всем нам давно известна. Сережка осуществлял нажатие кнопок в различных порядках и комбинациях, повторяя все время в трубку: «раз, раз, ..., раз, два, три, четыре, проба, проба». Я полагаю, что уважаемый читатель уже понял, что Сережкины пробы в разном порядке и сочетаниях, вместе и по очереди уже слышали по громкой связи врачи многих кабинетов. Возможно, так продолжалось бы долго, если бы испытателю не пришло в голову минут через десять нажать вообще все кнопки, что соответствовало общему оповещению и с надрывной горечью внятно произнести:

— Чертова ... мать! Да придет сюда когда-нибудь хоть одна сволочь или нет ?!



Врачи разных кабинетов, до сих пор не сумевшие понять, что от них хочет своими «раз, два, три, пробами» главврач, теперь доходчиво и с ужасом поняли — главный вызывает на ковер.

Нельзя сказать, чтобы психоневрологическое заведение не видало никаких эксцессов, такова уж местная клиентура. Однако ж, такого аврала тут еще не было, и, как мне теперь кажется, может быть и не будет. Столпившиеся у кабинета главврача специалисты с недоумением спрашивали друг друга, что случилось, почему так сердит обычно всегда флегматичный главный и почему впервые он использовал, казалось, ранее недоступную ему красочную русскую речь. Последнее удивление вызвало внезапное появление самого главного, который занял очередь к себе в кабинет одним из последних.

Вскоре же все выяснилось. Из открытой двери показался страшно взволнованный пациент, принятый было за вора, дебошира и психа одновременно и довольно рассержено объявил:

— Я учусь в радиотехническом институте, на ... тракториста. А в вашей психушке мне нужна только справка о том, что я не псих! Мне иначе не выдадут водительское удостоверение. В кабинет директора я попал по вашей же вине, в результате сквозняка, и совсем не виноват, что, видимо, как и положено психам, все двери у вас запираются и отпираются только снаружи.

Надо отдать должное врачам, которые и сами были когда-то студентами. Посмеявшись вдоволь, они выдали Сережке Демушкину прекрасную справку на гербовом бланке, пожелав ему удачи научных и колхозных полях.

Выходя из диспансера, будущий тракторист задержался у регистратуры и, сунув под нос бестолковой регистраторше справку беззлобно сказал:

— Вот, что мне надо было, рыба глубоководная, поняла?

И, сбежав по ступенькам к автобусной остановке, подумал: «Вряд ли».



КАК МЫ ГОТОВИЛИ МАКАРОНЫ

Собственно, приготовление макарон, картофеля и яичницы — дело быть может и не очень-то сложное. Эти процедуры в общежитии приходится реализовывать достаточно часто, а проще сказать, ежедневно. Но в том-то и дело, что такие простые вещи были бы очень скучны где-то на кухнях общепита, но только не у студентов. Сейчас я расскажу, как приготовление элементарных макарон можно превратить в сложную и даже трудновыносимую работу.

Бадацкий часто подтрунивал над Мишкой.

— А какой у тебя в деревне дом, а Катков? — спрашивал он.

— Да так, деревянный. — Скромно отвечал Миша.

— Наверное двенадцать комнат? — Не унимался Шура.

— Да нет — всего две и кухня.

— Так у тебя же сестра и родители. Как же вы живете?

— Родители — в одной комнате, а я с сестрой живу в другой.



— Ха-ха-ха !!! — громко ревел Шура, — Мишка, даю голову на отсечение, ты же не живешь со своей сестрой.

— Живу. — Бурчит Катков, не понимая подвоха Бадацкого.

— Нет-нет, Мишка, — еще громче хохочет Бадацкий, — ты с ней не живешь, а ты с ней про-жи-ва-ешь! Понял? Ха-ха-ха. А вот давай поменяемся жильем, а? Уж я бы пожил ... Ха-ха-ха.

Это выглядело очень вульгарно, но Катков был безобиден и только улыбался, поняв плоский шуркин каламбур.

Внешне выглядел Миша вполне интеллигентно, но где-то в глубине его содержания жил эдакий деревенский увалень. Проходя мимо какого-нибудь



предмета мебели, он обязательно умудрялся его задеть, от чего при передвижении по общажской комнате создавался мощный шорох.

Не глядя в его сторону, можно было подумать, что в комнату, случайно ошибшись гаражом, въехал гусеничный трактор. Особенно страшно это было слышать ночью. Происходило небольшое пятибальное землетрясение: двигался стол, стулья, прикроватные тумбочки, качалась и звенела люстра, наконец, сотрясались и сами кровати. Именно поэтому мы любили назидательно повторять: «Миша, не пей на ночь много чаю! Привык там у себя в деревне. В городе столько чаю не пьют.» Он же был наивен и воспринимал все на веру.

Что же касается шума и грохота, то они странным и неестественным образом всегда сопровождали Мишку. Он часто любил повторять: « У меня отец — мастерской человек, как говорится «от скуки на все руки». Вот и я тоже «от скуки на все руки».



Однажды нам действительно пришлось в этом убедиться. Случилось, что Катков задумал сделать из различного отхожего материала (остатков студенческих скамей, столов и прочего) полочку для книг. Нужно сказать, что полочек таких у нас не было, и книги гигантскими неустойчивыми небоскребами постоянно теснились на тумбочках. Почему в комнатах не было полочек, помог нам разобраться Миша. Полка у него получилась чудесная, двухъярусная, с прочными алюминиевыми креплениями. Сразу после того, как она появилась из под умелых мишкиных рук, она была крепко—накрепко привинчена на стену прямо над кроватью своего создателя.



Зависти нашей не было предела, ведь Катков сразу освободил прикроватную тумбочку, да еще и всякие безделушки аккуратно уложил на полку так, что кроме того и место оставалось. Тут надо отдать должное мишкиному такту. Он сел на кровать, торжествуя обвел нас глазами и ... вдруг понял, как нам было теперь плохо по сравнению с ним.

— Ребята, — вдруг осенило его, — на полке еще есть место, кладите свои книги!

Мы не заставили себя долго упрашивать и нагрузили полочку, как теперь уже стало ясно, процентов этак на 150. К нашему удивлению, полка весь этот груз выдержала и сразу стала нашей любимицей.

И надо же так случиться, что по неизвестным причинам, а скорее всего, просто безо всяких причин этой же ночью мы стали свидетелями жесточайшей картины. Полка, как живая, немного покряхтела во сне и попытавшись перевернуться на более удобный бок, с грохотом обрушилась на своего хозяина. Произведенный при этом шум заставил нас вскочить с постелей, как ошпаренных, и включить свет. С беспомощным и удивленным видом Мишка силился понять, где он находится и что, собственно





произошло. Хорошо, что отделался он легкими ушибами и синяками. В этой истории, Вы сами понимаете, Катков вовсе не был виноват. Всему виной были стены, выполненные экономными и смекалистыми строителями исключительно из штукатурки со скудной обрешеткой. Но то, что случившегося катаклизма с Мишей просто не могло не произойти, было понятно и без этого.

При всей своей неистовой мощи, Катков всегда оставался добрейшим парнем. На обижавшего его человека он даже никогда не замахивался, хотя не было никаких сомнений, мог повалить легким движением руки даже теленка. При крайней нужде ночью он старался идти на цыпочках как можно тише, и всегда стыдливо извинялся и болезненно воспринимал нечаянно произведенный шум. В это время нам самим было жалко Мишку. Однажды, Шура Бадацкий решил вылечить его стыдливость.

— Мужики, — полушепотом и скороговоркой сказал Шура, когда Миша вышел из комнаты среди ночи, — давайте устроим ему супершум! Расставляй везде кастрюли, вилки, ложки и связывай их нитками.

Долго упрашивать нас было не нужно, поняв все с полуслова, мы в одну минуту переоборудовали комнату в сплошную пограничную полосу, пробраться через которую, не произведя страшнейшего грома, не могла бы и натренированная мышь. Сделав свое черное дело, мы снова как ни в чем не бывало улеглись на кровати и застыли в ожидании нашего наивного товарища.

Миша не заставил себя долго ждать. Дверь отворилась самым аккуратнейшим образом, даже ничуть не скрипнув. Каждый из нас про себя отметил, что все-таки этот парень в чем-то стал поаккуратнее. Но уже следующий мишкин шаг был сопряжен с таким грохотом и звоном, что казалось вот-вот наступит конец света. Мишка жалобно извиняясь и стараясь идти еще осторожнее продолжал ронять на пол расставленную нами посуду. Мы же притворно возмущались и обрушивали различные непотребные слова на нашего приятеля:

— Катков! Ты совсем обалдел! В три часа ночи ужин себе готовишь!

— А ты о нас подумал!

— Прекрати свой пьяный дебош!

Потом мы вдоволь посмеялись и сами убрали разбросанные кастрюли. Правда минуты через две из соседних комнат стал прибегать народ и кричать:



— Вы что тут, драку затеяли?

— Мы будем жаловаться коменданту!

— Вот достались соседи, вечно у них какой-нибудь шум-тарарам!

Шура Бадацкий, притворяясь заспанным, спешил всех утешить:





— Ну чего вы раскричались, спать не даете. Просто Мише приснился плохой сон, и он нечаянно упал с постели. С кем не бывает с похмелья?

Народ ничего не поняв, поскольку все знали, что Катков даже пиво никогда не нюхал, но посмотрев на растрепанного и переживающего Мишку, с недоумением разошелся по комнатам, еще долго раздумывая, что же все-таки произошло?

Бадацкий же, взбодренный удавшейся шуткой, уже вынашивал новые планы... Дело было в том, что каждый из нас поочередно «дежурил», то есть раз в неделю необходимо было помыть пол, и два раза — побыть поваром. Стройный график дежурств все время ломал Катков, уезжая на два дня к себе в деревню. Это послужило причиной того, что мы сговорились мыть за Мишу пол, а он принимал на себя обязательство ежедневного, кроме субботы и воскресенья, приготовления ужина. Это, возможно, и не было для него эквивалентной заменой, но обладая покладистым характером, он практически без уговоров согласился на предложенный вариант. Получалось теперь так, что посудный шкаф теперь открывал только Катков и никто другой. На основе этого обстоятельства и была построена следующая шуркина хохма.

Набрав кастрюлю чистой воды, Бадацкий примостил ее на верхней полке посудного шкафа таким образом, что дверцу невозможно было открыть не опрокинув на себя часть небьющейся посуды и ту самую кастрюлю с водой. По окончании этих приготовлений все мы расселись по местам, и ожидая ужина, принялись заниматься учебой, как бы забыв о ждущем нас очередном спектакле.

Однако, не всегда в жизни получается так, как это бывает задумано. Вот и в этот раз все случилось совсем не так, как планировал наш штатный трунило.

А вышло вот что. Как раз перед ужином очередной свой рейд на предмет выявления бытовых недостатков делал обход комендант общежития. Это был суровый отставной майор, любивший совать свой нос во все щели на предмет обнаружения спиртного, чего-нибудь подозрительного, да и просто пыли или грязи. Фамилия коменданта была тоже подходящая — Свиньин. Студенты любили между собой посмеиваться: «Свиньин грязь всегда найдет». С огромным гротеском, в котором тщательно записывался весь компромат, Свиньин вошел в нашу комнату за какие-нибудь пять минут до ужина:

— Проверка бытовых условий. Открывайте тумбочки, шкафы. В прошлый раз у вас вроде было все чисто.

Мы тут же распахнули тумбочки и одежный шкаф. А вот как открыть посудный? Ведь он был так хорошо «заминирован», что теперь на

«разминирование» ушло бы, наверное не менее часа, да и то, если это делать в шесть или восемь рук ! Шура нашелся сразу:

— Товарищ комендант, понимаете, посудный шкаф у нас пока не прибран. Мы только поужинали и не успели привести его в порядок. Ставьте нам за чистоту четверку, а мы тут же все уберем.

— Это еще что за шутки? Я должен проверить все, — недовольно заворчал Свиньин.

— Ну правда, — подхватил шуркину идею Демушкин, — там и посуда-то навалена, может выпасть, Катков ее неуклюже расставил.

— Если выпадет, уберете, — зло огрызнулся отставной майор и так быстро подскочил к шкафу, что никто из нас не успел даже рта раскрыть.

Он резко рванул на себя дверцу и ...

Дело в том, что на такой эффект не рассчитывал даже Бадацкий. Миша наверняка бы открывал дверцу осторожно и не успел бы как следует облиться. Но комендант рванул с такой силой, что некоторое время посуда даже стояла, слегка покачиваясь, на своих местах.

Но вот из нижнего отсека посыпались вилки, ложки и прочая мелкая утварь. Комендант машинально наклонился, стараясь их поймать, но в это время на него сверху обрушился поток холодной воды. А в довершении стихии, как раз, когда он поднял голову, что бы посмотреть, что произошло, ему прямо в лоб заехало кастрюлей.

Ну, сознайтесь, дорогой читатель, Вы бы смогли сдержать в этой ситуации смех? А вот мы не только смогли, но и просто застыли в ужасе.



— Подстроили, гады ?! — Взвизгнул Свиньин. — Ну, все, готовьтесь к выселению!

— Ну что Вы, товарищ майор, — скорбно промямлил Шурка, вспоминая свое армейское прошлое и явно желая угодить коменданту, — У нас и в мыслях не было, ей Богу. Да разве может Катков на такое отважиться? Он ведь у нас отличник, да и были ли Вы когда-нибудь недовольны результатами его дежурства? Мы сейчас все уберем, ради бога, только не волнуйтесь.

Комендант с гримасой на лице поднял плавающий в луже гроссбух и, не говоря больше не слова, буквально выбежал из комнаты.

Результатом этого шуриного розыгрыша было недельное дежурство по общаге. Каждый день мы мыли полы и драили туалет. Целый месяц Бадацкий, сознавая свою вину перед нами, ходил тихий—мирный и не задумывал никаких проказ.

Но, как это всегда бывает, очередной случай подвернулся как-то сам по себе. Кто не слышан про армейские приколы над салагами? Их просят продуть как следует макароны перед приготовлением, или говорят, что нужно нарубить ножом муку, пока не пожелтеет.



Кстати иногда мука действительно желтеет от мелкой деревянной крошки, отлетающей от разделочной доски. В обоих же случаях продукт после обычно выбрасывается. Известны и другие подвохи, когда просят матроса заточить якорь, что бы получше впивался в дно или измерить линейкой, не накренилась ли главная мачта, чтобы корабль не перевернулся, или отправляют на клотик за разводным ключом (клотик — самый верхний торец корабельной мачты), и тому подобное.

Как и большинство из нас, Катков в армии и на флоте не служил, но, кроме того, в отличие от нас, он еще и не слышал о подобных подвохах. Это и стало причиной очередного, правда, безобидного конфуза, в который его втянул неугомонный Бадаций.

Случилось Мише готовить макароны по-флотски. Способствовала этому банка тушенки, купленная нами в день стипендии. Изысканность блюда, которое редко приходится пробовать студентам, так и подмывала нас помочь нашему повару. Но тут выяснился маленький нюанс: наш повар решил получше узнать, как готовится это блюдо. И надо же было ему обратиться за этим к Шуру Бадацкому!

Шура отвернулся от Мишки и таинственно подмигнув нам, с видом знатока стал поучать:

— Самое главное, макароны следует хорошенько продуть, чтобы не слиплись.

— Да ладно болтать-то, — обижено промямлил Катков, — я тысячу раз видел, как мать готовит макароны, никогда она их не продувала.

— Вот деревня-то, — с презрением бросил ему Шура, — вы наверное и картошку едите в отчистках? И овощи с фруктами перед употреблением не моете?

— Нет, картошку мы чистим, и овощи моем, но чтоб макароны проду...

— Это же ма-ка-ро-ны по фло-о-о-тски! — нараспев протянул Бадацкий, — мясо и жир из тушенки должны про-ни-кать внутрь макарон. А как же они проникнут, если макароны, как у тебя в деревне, не продуты?

— Да ладно, я — что, продую, раз так нужно.



Катков разложил на столе макароны и стал неторопливо их «продувать».

— Э, брат, да ты, я вижу, совсем ничего не умеешь делать. — Разочаровано сказал Шура, и подсел за стол, — Смотри, показываю первый и последний раз.

Шура действительно сел и действительно показал. Тут и нам с Сережкой Демушкиным стало интересно. Оказывается технология была еще более сложна, чем мы ее себе поначалу представляли.

Шура осторожно взял одну макаронину, показал, как ее исследуют на наличие трещин, затем подул в нее с одной стороны, посмотрел в продутое





отверстие на просвет, подул с другой, опять посмотрел на просвет, после чего постучал обеими торцами макаронины о стол и аккуратно положил «продутую» макаронину в чистую тарелку.

— Вот так, — посмеиваясь, сказал он, — Да смотри, как бы перепродувать не пришлось.

Миша внимательно изучил новый метод и без тени улыбки принялся за дело. Тут уж мы не могли сдержать смеха. Шура и Мишка надували щеки, изо всех сил продувая и тщательно обследуя макароны. Дело это было долгое, но настолько забавное, что мы от смеха даже позабыли о голоде. Катков, правда, отнес этот смех к своему неумению и продолжал свое дело как ни в чем не бывало. Шура, однако быстро устал:

— Фу-ух, голова закружилась, хе-хе.

— Это бывает, когда много дуешь, — пожалел его Катков, — Ты, Шура, иди, я сам теперь справлюсь.

— Ладно, я тебя в беде не брошу, — через смех выдавил из себя Бадацкий, — сейчас, может за подмогой схожу.

Он действительно, через некоторое время привел двух-трех бывших армейцев, которые посмеиваясь по очереди помогали Мише. Но вот уже все ушли, а макаронам не было счета. У Каткова самого стала кружиться голова и он решился на рационализацию — стал брать в рот сразу три-четыре макаронины и продувать их одновременно. Мы были восхищены!

— И как это мы сами не додумались?

— Вот тебе и деревня, а какую хитрость выдумал!

— Теперь мы все будем продувать только мишкиным способом.

— А что, если назвать этот способ — СПОСОБОМ КАТКОВА! Звучит?

Вдоволь поохотав, мы вдруг заметили, что макарон-то осталось не так уж и много.

— Хватит, Мишка, хватит, а то макарон на еду не останется! — Через смех прохрипел Демушкин.

— Ну ты даешь, — сказал я, — ты что же, никогда не слышал об этом приколе?

Катков сразу все понял и обиженно встал из за стола:

— Все, больше я готовить не буду. Берите свои макароны.

— Их теперь только выбросить, — уже с сожалением пробормотал Шура, — кто же их будет есть, когда в них наплевало столько народу?

Результатом же этого подвоха опять стало то, что нам пришлось готовить целую неделю самим.



НЕМНОГО ОБ ОРИГИНАЛЬНЫХ СПОСОБАХ ОТКРЫВАНИЯ ДВЕРЕЙ

Видите ли, старый дедовский способ отворять двери хорошо известен почти всем. Он заключается в том, что подходящий ключ перпендикулярно поверхности двери вставляется в соответствующую ему замочную скважину, там проворачивается в ту или иную сторону положенное число раз, после чего дверь либо толкается вперед, либо оттягивается назад. На неопытный взгляд дилетанта изложенная процедура кажется простой и легко реализуемой.

Любой же бывалый студент сразу же сумеет выделить «изюминку» этого запутанного вопроса. «Во-первых», — скажет он, подходя с естественнонаучной точки зрения, — «в этой проблеме существует ряд факторов, которые должны быть обеспечены в качестве начальных условий эксперимента со дверью, что бывает далеко не всегда, а именно:

- а) необходимо наличие самой двери;
- б) необходимо наличие замка;
- в) необходимо наличие ключа.

Во-вторых, все перечисленные факторы должны друг другу соответствовать, а это определяется весьма сложным стечением обстоятельств. Ну и, наконец, в-третьих, даже после обеспечения всего этого существует большое множество тонкостей, препятствующих достижению поставленной задачи, а чаще, делающих ее невыполнимой». Такой студент будет более близок к истине, чем глупый неискушенный дилетант, но даже в таком ответе видится, извините меня, извечный студенческий оптимизм.



В действительности этой проблеме стоило бы посвятить отдельную научную монографию, но сейчас мы вынуждены ограничиться лишь самыми банальными примерами решения указанной проблемы, встретившимися в нашей студенческой практике.

Так, например, что бы вы сделали, если все начальные условия для открывания двери есть, а в этот момент в руках у вас оказывается кастрюля с горячей картошкой? К тому же чистота пола перед дверью заставляет серьезно сомневаться, можно ли коснувшись кастрюлей пола, ставить ее потом на стол, пусть даже на подставку?*(Для иностранного читателя вместо последней фразы предложу более доступное правило: «пол чаще всего менее чист, чем стол»). Таким образом, ставить кастрюлю на пол у вас просто не поднимется рука.

Можно возразить, что предложенная ситуация не столь характерна для граждан даже, например, средней полосы России, не говоря уж об Америке или Европе. Не стану спорить, но, как ни странно, в общежитии такая проблема возникала у нас ежедневно. Решать же ее приходилось неординарно. Мы попросту не запирали дверь, когда выходили на кухню за кастрюлей, принеся же таковую, нужно было встать спиной к двери и открыть ее достаточно сильным ударом ноги. Затем, пятясь спиной к столу, другим ударом ноги, уже изнутри, эту самую дверь закрыть. В заключение необходимо резко повернуться к столу, потому, что руки в это время уже начинали подгорать, и поставить горячую кастрюлю на стол. Фу-ух, задача решена.

Нужно сказать, что я сам владел в совершенстве только что описанным способом. Мало того, один раз в жизни эти знания пригодились как нельзя вовремя, в результате чего мне внезапно удалось сытно и изысканно пообедать, причем, можно сказать «на ровном месте».

А случилось это так. В бытность мою дежурным по кухне необходимо было продемонстрировать умение готовить отварную картошку. Умением этим я решил блеснуть по полной программе и все первоначальные этапы приготовления сделал как нельзя лучше: картофель был почищен, залит водой и поставлен на плиту.

До этого момента фортуна любила меня и решила пока не чинить ни каких препятствий, что с ее стороны, как и положено фортуне, было необычайной редкостью. Окончательно же оценить ее необъяснимую щедрость мне пришлось сразу после того, как я снял горячую кастрюлю с плиты.

Можно ли придумать что-либо более горячее, чем отварной картофель в алюминиевой кастрюле? Вряд ли. Такая кастрюля по-видимому является источником вечной энергии, ведь она не только не остывает будучи снятой с плиты, а становится все горячее и горячее. Думаю, что опыты с вечными





двигателями нужно было начинать именно с экспериментов с отварным картофелем. И тот факт, что ученым так и не удалось в этой области добиться успеха, определяется, на мой взгляд, лишь тем, что чувство голода исследователей было сильнее желания ставить эксперименты. Они так и не дожидались того момента, когда картошка раскалится в их руках до бела и банальнейшим образом бездарно съедали свою будущую славу. Собственно говоря, это не удивительно, ведь так же поступали и мы, студенты.

Я снял кастрюлю с плиты и почему-то сразу понял, что нести ее нужно очень быстро, не разевая рот по сторонам и не вглядываясь во всяческие мелкие подробности вроде дверных ручек и номеров комнат. Так и получилось, что повернувшись к своей двери спиной, чтобы ногой открыть дверь, я попал не в свою комнату, а несколько ближе, что в моей ситуации было скорее закономерностью, чем случайностью.

Мне удалось попасть в комнату соседей, причем, замечу, без труда, так как их комната тоже не была заперта. Быстро повернувшись, чтобы поставить кастрюлю на стол, я опешил. Если бы я попал попросту в комнату соседей, мое удивление не было бы столь сильным. Дело было в том, что попал я на так называемую студенческую свадьбу.



В контраст с моими не первой свежести штанами и не второй чистоты передником, с помощью которого удерживалась мной кастрюля, восседавшая за столом компания выглядела почти как собрание топ-моделей. Прямо напротив меня восседали жених с невестой. Я на секунду разинул рот и, на всякий случай, побольше открыл глаза. Почему только на секунду, читателю надеюсь понятно, ведь кастрюля в моих руках становилась горячей и горячей именно с каждой секундой.

В следующую секунду я сделал то, что на моем месте сделал бы каждый уважающий свое здоровье человек: поспешно подбежал к столу и с грохотом поставил свое блюдо на стол как раз напротив невесты. Вполне естественно, публика была ошарашена еще более меня, ведь я-то уже понял, что произошло, а они — пока нет. Сами понимаете, что омрачить людям праздник, правдиво объяснив свои действия, было бы просто верхом неприличия. Собрав всю свою фантазию и сделав подобающее торжеству выражение лица (без кастрюли это было сделать значительно проще), я с пафосом произнес:

— Дорогие соседи! От нашего стола — вашему столу! И да будет у вас мир, счастье и много денег, а ваша любовь будет все горячей и горячей, как этот картофель!

Через непродолжительную паузу (не более 2-3 минут) участники торжества оценили мою щедрость и заставили пригласить всю нашу комнату на скромный пиргорой. Потом было веселье и крики «горько» и благодарные взгляды моих товарищей, так и не понявших эту неожиданную





благосклонность сварливой старухи фортуны. Этот случай является еще одним ярким примером умения правильно и вовремя открывать нужные двери.

Справедливости ради следует также заметить, что фортуна, оказав вам однажды услугу, никогда не прощает долгов и при первом удобном случае забирает свое с приличествующей случаю процентовкой. Вот почему я вынужден привести еще один случай с открыванием дверей, о котором мне пришлось довольно долго сожалеть.

Наступила пора веселья и безудержной радости — летних студенческих каникул. Хороша она тем, что почти два месяца студенты предаются активному отдыху: едут в походы на байдарках по шумным и диким рекам, ныряют за добычей в синие морские глубины, лезут в горы на умопомрачительную высоту, наконец, отсыпаются и отъедаются в родных пенатах. Кое-что из этого было не чуждо и мне. Да вот только увлекся я к тому времени интереснейшей наукой — моделированием интеллекта на ЭВМ, и очень уж мне хотелось доработать свою программу, на которую в период предшествовавшей сессии немного не хватило времени.

Так вот и вышло, что на каникулы пришлось уехать не сразу, а на пару недель задержаться, воюя с ворохом распечаток в вычислительном центре института. В это время общежитие на немного пустело, а затем вновь начинало бурлить заселившимися на время сдачи вступительных экзаменов абитуриентами. Хорошо мне было в эту пору — я жил один в комнате, а соседями в других комнатах была то веселящаяся после экзаменов, то трясущаяся перед ними абитура.



Но при чем тут двери, спросите вы? Все очень даже просто. На четверых в общежитии у нас была одна комната. Можно представить себе, сколько раз в день она открывалась и закрывалась. Ни какая другая дверь в мире не выносит такой нагрузки. Хотя тут я немного переборщил, так как общежитская дверь тоже не выносила такой нагрузки.

Дверь в нашу комнату, особенно в части замка, от этой своей жизни стала норовистой и неподатливой, как старая дева. Больше всего она не переносила, когда в нее вставляют ключ. В зависимости от ее настроения ключ в ней либо проворачивался без толку, либо спазматически зажимался. Мы относились к этому снисходительно, даже, можно сказать, без претензий: мы просто вышибали дверь ногой.

При этом дверная коробка слегка отходила в сторону, и дверь открывалась. Поставить коробку на место затем можно было двумя—тремя ударами молотка. Мы так привыкли к этой процедуре, что иногда даже и не пытались открывать ее ключом.

Вполне понятно, что такое положение не могло долго устраивать Бадацкого, и он поступил очень разумно, достав перед отъездом на каникулы





новый замок и заменив отменным брусом полуразвалившуюся дверную коробку. Выдав каждому по новенькому ключу, Сашка с чистой совестью отбыл на родину, в то время, как я продолжал работать в вычислительном центре.

Я работал на износ, желая как можно быстрее завершить работу над программой. В прикроватной тумбочке меня уже ждал железнодорожный билет домой, торопивший и без того интенсивную работу. В центре я засиживался до 23 или 24 часов, пока меня не выгонял институтский вахтер.

Представьте теперь мое общее состояние, когда с 8 утра до 12 ночи почти без перерыва только и слышишь шум печатающего устройства и вентиляции в компьютерном зале. Возвращался я выжатый, как дохлая кошка, предварительно случайно утонувшая в бадье браги своего хозяина.



В один из таких дней я вернулся позже обычного и у своей двери оказался где-нибудь в 1 час ночи. Вот тут и произошел со мной невероятный казус. Дело в том, что получив от Бадацкого новый ключ, я впопыхах и цейтноте забыл снять со своего брелка старый. В этот раз у меня все получилось в полном автоматическом режиме.

Я вынул старый ключ из кармана и, принимая его за новый, попытался открыть дверь. Результат был мне давно знакомым, — ключ просто не вращался. Выругавшись про себя на ни в чем неповинного Сашку, я принялся вышибать дверь ногой. Совершенно очевидно, что выбить дверь из новой коробки было пустой затеей. Однако мне так хотелось выпить чаю и растянуться на кровати, которая стояла тут же, за дверью, что пришлось приложить нечеловеческие усилия.

Я пробовал бить дверь всем весом с разбегу, наносил сильные и точные удары то по петлям, то по замку, даже пытался подражать специалистам в области костоломных единоборств. Это увлекательное занятие продолжалось так долго, что на шум начали собираться абитуриенты. Ну что же, их, в конце концов, можно было понять — они были совершенно неопытными людьми. Правда, я на них немного разозлился: и так дверь не поддается, да еще эти шмакадявки встали в три ряда и, по-видимому, не без интереса наблюдали своими заспанными глазенками, как сходит с ума здоровенный детина.

Хуже всего было то, что народ прибывал. По этим лицам безошибочно можно было понять их мысли, что—де вот, какой-то студент остался без каникул, сдает хвосты, и, наконец, совсем свихнулся. От складывающихся таким жутким образом обстоятельств моя ненависть к двери стала до крайности ожесточенной. Почувствовав это, абитуриенты даже на пару шагов отступили.

Наконец, мне пришла в голову удачная мысль: «Я им сейчас покажу, что ключ у меня есть, просто он не открывает дверь, заодно немного



передохну, а дальше продолжу атаку с новой силой». И тут я достаю новый сашкин ключ, вставляю его в скважину и без каких-либо вообще усилий открываю дверь!

То, что я не удержался от гомерического хохота, совершенно не удивительно. Другое дело — абитура. По-моему, они окончательно проснулись и на удивление быстро и тихо стали расходиться по своим комнатам, поспешно закрывая за собой замки на максимум оборотов. Всю оставшуюся неделю меня почтительно обходили стороной, не пытаясь ни в чем мне препятствовать или, не дай бог, поворачиваться ко мне спиной. Нужно сказать, что и в будущем я встречался с некоторыми из них, когда они уже стали студентами. Результат был неизменно таким же. Иного, пожалуй, такая почтительность вполне бы порадовала, мне же это положительно не нравилось и заставляло вспоминать не самые лучшие минуты веселой студенческой жизни.



Так что, хотим мы этого или нет, но дверная проблема существует. Однако, она дает о себе знать только тогда, когда мы полностью забываем о ней. Оторвитесь на немного от чтения, подумайте о своих дверях. Это позволит на некоторое время отсрочить ваши дверные проблемы. Я же, в свою очередь, рад, что хоть таким способом смог быть вам полезен, дорогой читатель.





ВСЕГО ДВА РАЗА В ГОД

Да, для подавляющего большинства студентов сессия действительно бывает всего два раза в год. Есть, конечно, и абсолютно противоположные случаи, когда отдельные любители находятся в непрерывном процессе сессии, нехотя сдавая старые задолженности (хвосты) и бережно накапливая новые. Эти случаи более редки. Но вот в чем все студенты обычно сходятся во взглядах на экзамены, так это в том, что они являются чем-то средним между лотереей и карточной игрой. Вероятность необоснованного выигрыша тут неимоверно мала. Иными словами, для того, чтобы попался счастливый билет, их нужно выучить абсолютно все, а чтобы победить картежным способом, необходимо быть ловким шулером, имея в рукаве запасную колоду карт. Если же и есть еще какой-нибудь способ получения выигрыша, то он, как правило, опирается на два предыдущих, представляя собой их сложную комбинацию.

Стоит ли теперь удивляться тому, что у каждого из нашей веселой братии были абсолютно разные способы подготовки к экзаменам, а





следовательно, и совершенно собственные способы их сдачи? Если у читателя в этом остались сомнения, мне придется продемонстрировать это на примере все тех же *четырёх* веселых друзей.

Итак, начнем с подготовки к экзаменам.

Шура Бадацкий приходил в эту пору очень озабоченным:

— Надо же, всего три дня на физику! Они просто обалдели! Я что же, Эйнштейн, чтобы сдавать ее совсем без подготовки? — он долго ходит по комнате, поминая замысловатыми выражениями профессоров, доцентов и ассистентов, всех вместе и каждого в отдельности, после чего находит еще более суровые слова для самой физики и составляющих ее разделов. Это длится около 10-15 минут. Затем, решив сначала, перед подготовкой, укрепить свое тело и дух, быстро надевает спортивный костюм и идет играть в футбол. На следующий день оказывается, что тело после футбола окончательно разбито, а дух пока еще так и не укрепился.

Приходится махнуть рукой на восстановление и укрепление тела и идти укреплять дух, то есть, например, в кино или на концерт модной рок-группы. Оставшийся последний день, тщательно пообедав, он решает посвятить занятиям. При этом хватается за разные книги, ищет по всей общаге недостающие конспекты лекций, достает шпаргалки и засыпает с мученическим видом изможденного долгими учебным процессом студента, ведь завтра — экзамен!

Совсем другое дело — *Миша Катков*:

— Так, прекрасненько, три дня на физику — вот это подарок! А если начать сегодня, то почти четыре дня! Он почтительно вспоминает преподавателей физики, мысленно стратегически охватывает основные физические постулаты и постепенно начинает испытывать благоговение к этой мудрой и вечной науке. Конспект его идеально полон, все лабораторные работы выполнены и оформлены в надлежащем порядке. Мишка тут же садится за конспекты. В это время можно включать музыку, кричать, плясать или просто стукнуть его по макушке, — эффекта не будет никакого, только сам расстроишься от собственных неудач и потери времени. Чем ближе к экзаменам, тем Катков выглядит все бодрее, постепенно приобретая здоровый румянец и цветущий, почти праздничный вид, ведь завтра — экзамен!

Следующий вариант с *Серезжкой Демушкиным*. Вы можете встретить его где угодно, как в комнате для подготовки к занятиям, так и на стадионе:

— Эй, Демушкин! — кричите вы, — сколько у тебя дней на физику?

— А черт его знает ..., да, собственно, какая разница, — с безразличным видом говорит Сережка.

— Ты что же, совсем не готовишься?

— Ну почему, иногда готовлюсь. Да, понимаешь, морда у меня, наверное, как говорится, протокольная. Если я все знаю, преподаватель подозрительно оглядывает меня и все равно ставит четверку, а если ничего не знаю, так наоборот, обычно жалостивится и ставит три балла. Так, собственно, какая мне разница?

Отличить поведение Демущкина в сессию или во время семестра мне не представляется возможным. Перед экзаменом он спит, как убитый — подумаешь, какая-то там физика, какой-то там завтра экзамен.

Про себя же мне говорить как-то неловко. Как я готовлюсь к экзаменам? Думаю, что мой способ можно назвать самым правильным и лучшим. В перерывах между подготовительными занятиями я последовательно обхожу своих друзей и всех их предупреждаю, что совсем плохо знаю физику и больше пары получить не смогу. При этом совесть моя очищается, на душе становится светло и уютно от скинутого гнета предэкзаменационной неизвестности. Если я даже и получу два-три балла, то смело смогу сказать: «Ну, что я вам говорил», если же получу больше, всегда могу сослаться на свои природные способности, которые никак не дают опуститься до средненьких оценок.

На ночь перед экзаменом я стараюсь вспомнить последние величайшие катастрофы века и постепенно прихожу к мысли, что моя возможная плохая оценка — всего лишь мелкий казус природы, не имеющий решающего исторического значения в жизни планеты. Так встретим же судьбу с открытым забралом, ну и пусть — завтра экзамен!

А вот и экзамен.

Шура Бадацкий заходит в аудиторию одним из первых с очень глубокомысленным выражением лица, он — весь полное сосредоточие. Еще бы, ведь из всех 40 билетов ему более или менее известны лишь четыре. Как узнать, где лежит твое счастье? Бадацкий приближается к столу, за которым восседает бодрый и улыбчивый профессор в старых роговых очках:

— Ну-с, ну-с, смелее, молодой человек, выбирайте билетик, тут прекрасный, полный ассортимент.

Шура выбирает самый дальний от него билет, быстро его переворачивает и лихорадочно вчитывается в содержание. Сосредоточение на его лице плавно меняется на крайнее удивление:

— Ой, знаете, профессор, это же билет № 2!

— Прекрасно, так и запишем, билет № 2 ...

— Нет - нет, что Вы. Видите ли, это для меня очень неприятное число, можно сказать роковое. В жизни и экзаменах у меня с ним связана куча неприятностей. Позвольте взять другой, тем более, что я даже не читал, что там написано, — вдруг выдает Шура заранее заготовленную уловку.

— Г-м, ну что ж, если это уж такое страшное число, берите другой, — несколько удивленно произносит профессор, — и не бойтесь, других билетов с этим страшным номером тут больше нет.

Бадацкий выбирает билет из середины, снова переворачивает его, молниеносно прочитывает, делает какие-то непонятные движения пальцами, и его лицо принимает уже брезгливое выражение:

— Ну что это такое, — с явным разочарованием произносит он, — такой билет просто в руки брать неприятно, он тут в каком-то гуталине...

Профессор снимает очки, привстает из за стола:

— Дайте-ка, дайте-ка ..., — странно, — действительно грязь. А ну-ка покажите Ваши руки.

Руки у Шуры, как ни странно, абсолютно чистые.

— Ну хватит, — взрывается профессор, — я сам сейчас выберу Вам билет с хорошим номером и идеальной чистотой.

Он копается в билетах и находит то, что нужно:

— Вот, билет № 26, чистый, с прекрасным счастливым номером.

Бадацкий скашивает глаза через плечо профессора, немного вдумывается и авторитетно замечает:

— Билет действительно чистый. Но номер еще более плохой, чем два. Ведь в нем участвуют сразу два роковых числа: два и тринадцать. Их умножение и дает эту окончательно зловещую цифру. Кроме того, как раз двадцать шестой билет мне попался на экзамене по философии, на котором я еле-еле получил тройку, хотя в нашем общежитии меня все считают ни кем иным, как законченным философом.



— Нет уж, господин студент, эта «цифра», как Вы изволите выражаться, получается очень даже счастливо, — она состоит из пяти пятерок, да еще и каждая пятерка с плюсом. Так что, третий раз морочить мне голову я не позволю!

Шура, чувствуя предел терпения преподавателя, соглашается:

— Пять пятерок с плюсом, говорите? Ну ладно, пусть будет так, только не обманите. А то еще поставите четверку.

Бадацкий уходит за самый последний стол, сопровождаемый сокрушенным взглядом профессора, покачивающего головой, которому уже достаточно ясен уровень знаний ловкого студента.

Шура готовится долго. Зайдя одним из первых в аудиторию, он пытается идти отвечать одним из самых последних. Нет никаких сомнений, что если бы ему предложили остаться на ночь с этим 26-ым билетом, он с



готовностью бы согласился. Однако, в этом подлунном мире суровые законы природы устроены именно так, чтобы не пропустить ни одной пакости, которую можно было бы сделать человеку.

Вот и в этом случае, рано или поздно, подходит и очередь Бадацкого, поскольку экзамен уже близится к своей страшной развязке. Тут, правда, выясняется, что ответы на вопросы билета у нашего студента написаны довольно неплохо. Конечно, абсолютно все, включая преподавателя, знают, что ответы эти появились из некоего малозаметного, но вполне реального подручного материала (в буквальном смысле этих слов).

Один только Шура полностью уверен в обратном, — это написал он сам, усиленно напрягши неутомимую память и применив плотное абстрактное мышление. Все это написано у него на лице, и по этому поводу не допускается никаких возражений.

Бадацкий садится напротив профессора и скороговоркой начинает зачитывать созданное кропотливым трудом.

Экзаменатор рассеяно слушает минуты три цитаты своих лекций, а затем прерывает диктора:

— Я смотрю, у Вас исключительнейшая память, голубчик. Мне даже приятно, что мои лекции вы заучиваете наизусть. В конце концов, может быть когда-нибудь и меня замените. Но все же, позвольте задать Вам несколько вопросов. Вот тут нарисован график функции. Не можете ли показать мне, с какой точки на этой кривой начинается изобарический процесс?

Шура внимательно вглядывается в кривую графика функции. На кривой действительно выделены четыре точки. На какую же показать? Он поднимает глаза к потолку, что-то вспоминает и, смело перевернув руку ладонью кверху, со словами «Вот эта», отставив большой палец в сторону, показывает всеми оставшимися пальцами практически одновременно на все точки графика.

— Какая? — переспрашивает профессор.

Шура ловко повторяет ответ.

— А, ну теперь ясно, — все понял, профессор улыбается, — Ну хорошо, давайте теперь вспомним закон Био-Савара-Лапласа. В чем его суть?



Бадацкий опять задумывается, и, наконец, выдавливает из своих недр несколько слов:

— Закон Биосо Варелопаса — это великий закон физики. Я бы даже сказал, величайший...

— О, это безусловно, но все-таки, на что он направлен?

— В конечном итоге, он направлен на благо человечества, — не без пафоса замечает Шура, — где бы сейчас без него была физика?

— Не увливайтесь, отвечайте конкретнее!



Бадацкий со смертной тоской в глазах, которые в то же время, как кажется, полны научного поиска, смотрит в аудиторию. И вдруг происходит нечто необыкновенное: Шура всматривается в нелепые кривляние одного из сдающих с ним экзамены студента и с облегчением отвечает:

— Ну, если уж совсем конкретно, закон нужен для исследования электромагнитных полей.

— Хорошо, допустим, — не унимается профессор, — а каких именно полей, полей каких токов?

— Вы знаете, профессор, это действительно, не просто токов, а, я бы сказал, *электрических* токов, — гордо и с уверенностью говорит Бадацкий, напирая на слово «электрических».

Преподаватель поднимает брови:

— Задам вопрос более просто: прямых токов или переменных?

Шура пять задумывается, мысленно подбрасывая гадальную монетку:

— Переменных токов.

— Не угадали, молодой человек.

— Что? Ой, а что я сказал? Переменных? Да нет же, я имел в виду абсолютно прямых токов. Как же иначе, именно прямых. Тьфу, ведь как оговорился-то. Самых, самых прямых токов, конечно же.

Профессор выглядит несколько утомленным:

— Да, ладно, можете быть свободным, не могу поставить вам ничего больше тройки.

На лице нашего студента на мгновение вспыхивает выражение бродяги, нежданно нашедшего помятые три рубля. (В те времена это были не совсем малые деньги). Однако, спустя секунду, оно меняется на другое выражение — великой скорби и обиды:

— Как так? А как же наша с вами договоренность?

— Что вы имеете в виду? — удивляется профессор.

— Так ведь я же отвечал на 26-й билет.

— Ну и что же?

— Вы сказали, что за такое можно поставить пять пятерок с плюсом!

— А, это вы о счастливых номерах? Ну что вы, какое там пять, да еще с плюсом.

— Да ладно уж, — соглашается Шура, — от плюса я могу и отказаться, от оставшихся четырех пятерок тоже, но ведь хоть что-то должно сбыться в вашем прозорливом предсказании, профессор?

— Ну что же, — профессор вдруг становится чрезвычайно серьезным, — я готов скорректировать оценку, если вам удастся ответить на несколько вопросов билета № 2.

— Два? — Бадацкий вдруг живо понимает ход мыслей своего оппонента. — Нет-нет, знаете ли, я и так сегодня что-то уже устал. Все равно

ничего не клеится.

— Как хотите, — улыбается преподаватель, вручая Шурке зачетку с надписью «удовлетворительно», который бережно берет ее из рук профессора и с достоинством выходит из экзаменационной аудитории.

Миша Катков сдает экзамены несколько иначе. Он входит в аудиторию одним из первых. Его можно сразу выделить из всех по повышенной сотрясаемости организма. Сходу уронив два-три стула, он почти без синяков добирается до профессорского стола, и, не глядя на преподавателя, говорит «Здрас—сте». Трясущимися руками Миша хватает первый попавшийся билет и, быстро повернувшись, короткими шажками добегают до первого стола. Сев со страшным шумом передвигаемых стульев и стола, он вытаскивает бумагу и ручку. Тут же, почти не глядя на билет, Катков начинает строчить ответ, не обращая внимание на преподавателя, который в это время уже третий раз обращается к странному студенту с вопросом:

— Послушайте, куда же вы? Скажите, же номер доставшегося вам билета!

Катков поднимает голову, умно вглядывается в глаза профессора и, после непродолжительной паузы, когда тот уже готов записать номер билета на своем листке, внезапно снова склоняется над столом и с еще большим остервенением строчит ответ.

— Да разбудите же его кто-нибудь! — рявкает преподаватель.

Миша вдруг вздрагивает и начинает оглаживаться, кого это там предлагают разбудить и не может ли он в чем-нибудь здесь помочь.

— Эй ты, Катков, — доносится с разных сторон, — проснись, скажи, какой у тебя там билет? Скажи номер билета, болван! Ты же всех задерживаешь!



— Билет? Номер тринадцатый. — промямливает Катков и тут же, не замечая облегченных вздохов своих товарищей, принимается писать дальше.

Через полчаса Миша уже готов отвечать. Вернее, он уже все написал, и знает, что он все знает.

Остается только одно — встать и подойти к экзаменаторскому столу. Но вот беда — противоречивые чувства начинают роиться в глубинах его души. На лице у Каткова написана вся буря чувств: с одной стороны оно выражает нечто вроде «Вот, смотрите, я уже готов, причем один из первых!», с другой стороны «Я пока не готов. Мне нужно еще как следует подумать».

Экзаменатор, которому уже надоело ждать, когда же студенты наконец подготовятся, внимательно вглядывается в странного студента, пытаясь понять, что происходит с Катковым:

— Катков, вы готовы отвечать? Идите сюда.



— Я... Да... Я, понимаете..., сейчас, вот тут еще чуть-чуть. — Миша снова вглядывается в написанный им текст, внезапно начинает вибрировать всем телом. Потом вдруг сразу неожиданно встает, уронив и тут же подняв стул, и быстро подходит к профессору, который уже понял, что рядом с этим студентом нужно быть осторожным. Это особенно заметно по тому, как профессор отодвигается и придерживает двумя руками стул, на котором он сидит. Катков обманывает его ожидания, сев как можно аккуратнее и уронив на пол всего-навсего пять-шесть зачетов, лежащих на столе экзаменатора. Когда, наконец, некоторая суматоха за столом прекращается, Миша поднимает листок с ответом близко к глазам начинает его читать. Это, по-видимому, является довольно сложным процессом, так как руки не слушаются и своим пламенным трепетом не дают глазам справиться с быстрым перемещением текста.

В конце концов листок с текстом просто укладывается Михаилом на стол, и он продолжает выговаривать ответ, совсем не глядя на написанное. Профессор удивленно вытаращивает глаза, говорит «Достаточно, я все понял». Однако этим он совершенно обескураживает студента, который вдруг останавливается на полуслове, бледнеет и в судорогах захлебывается слюной, начиная кашлять.

Однако, после заданных вопросов Катков отвечает твердо и уверенно, пытаясь сказать как можно больше, захватывая при ответе не только нужную тему, но и расширяя ее на смежные вопросы.

— Хватит, — говорит профессор, — давайте вашу зачетку.

— Зачем? — с ужасом шепчет Михаил.

— Я ставлю вам «отлично».

— А—а—а. Хорошо. — отыскивая зачетку и протягивая ее экзаменатору, произносит Катков начинающим твердеть голосом.

— Да нет, не «хорошо», а «отлично». — Замечает профессор.

— Ах, ну да, ну да. — Катков берет зачетку с оценкой и, не закрывая ее, почти выходит из аудитории, но вдруг внезапно поворачивается и со странным видом говорит профессору:

— С - с - с...

— Что ?! — восклицает экзаменатор в недоумении.

— С-с-с... пасибо, — все-таки выдавливает из себя Михаил и с ужасом в лице поворачивается и выходит-таки в дверь, предварительно как следует о нее стукнувшись.

Вот и окончен очередной экзамен.

Сережка Демушкин не подчиняется никаким экзаменационным законам. Он может прийти на экзамен как в первых рядах, так и в последних, а чаще всего где-то посередине. Входит он не спеша. Ровным шагом подходит к столу экзаменатора и долго всматриваясь выбирает из середины



свой билет, потом так же не спеша вчитывается в него и без всякого выражения на лице говорит его номер и кладет на стол зачетку.

Сережка любит разные полунаучные слова и вставляет их к месту и не к месту. Особенно ему нравится предварять предложения словами «в принципе».

— В принципе, билет № 7, — безразлично произносит он и отходит к своему столу, усаживаясь где-нибудь в середине аудитории.

На подготовку Демушкин тратит не более часа и в свою очередь выходит отвечать вопросы. Он в основном все знает, а если чего-нибудь и не знает, то так запросто и говорит:

— В принципе, эта теорема мне не понравилась, я ее не учил.

— Да как же она вам могла понравиться или не понравиться, если вы ее не пытались учить? — с иронией вопрошает экзаменатор, не подозревая, что Демушкин совсем не так прост, как кажется на первый взгляд.

— Да, в принципе я ее читал.

Тут Сережка излагает основные положения теоремы, указывая на непонятные ему места. На одном из таких мест он останавливается и с явным пренебрежением говорит:

— Дальше я, в принципе, не стал читать, мне там совсем не понравилось.

— Так-так, — удивляется профессор, — а что же вам понравилось?

— В определенной степени, весьма многое, — затягивает Демушкин, начиная перечислять различные параграфы сдаваемой сейчас дисциплины, иногда вдаваясь в такие тонкости, что невольно вызывает уважение у экзаменатора.

Тут выясняется, что в институтской библиотеке наш студент читал не только материал по его основному содержанию, но и, более всего, биографии ученых, создавших в различное время это самое содержание. Те из научных мужей, чьи биографии были сложны и тернисты, пользовались сережкиным уважением и могли претендовать на то, что Демушкин с уважением выучивал результаты их благородных трудов.

— В принципе, — разглагольствовал на экзаменах Сережка, — мне больше понравилась логическая машина Раймонда Лулия, прожившего почти 80 лет в XIII — XIV веках. Своей карьере блестящего придворного поэта он предпочел скитания и проповедничество в Северной Африке, гордо приняв мученическую смерть.

Далее Демушкин почти очаровывал экзаменатора подробностями построения машины Лулия, добавляя при этом, что и он сам (Демушкин) мог бы предложить для нее некоторые усовершенствования, не смотря на то, что этот научный путь является тупиковым и не эффективным.

Побеседовав со странным студентом с полчаса, профессор брал его зачетку и ставил оценку «хорошо», назидательно наставляя:

— Нравится вам материал или нет, не должно для вас, молодой человек, играть никакой роли. Вы могли бы получить пятерку, если бы дочитали до конца не понравившийся вам материал. А так я просто *вынужден* поставить вам четыре.

— Да я, в принципе, это знаю. Мне все ставят четверки. Только, на мой взгляд, если быть сытым и богатым, можно любую теорию придумать. В этом нет ничего удивительного. Если нужно будет, я и сам потом что-нибудь придумаю. — Поражал экзаменатора уж до конца Демушкин и не спеша выходил со своей четверкой из аудитории.

Экзамен, как и вся сданная им дисциплина, его уже больше не интересовали.

Я сдавал экзамены проще всех. В отличие от Демушкина я никогда не признавался, что я чего-либо не знаю, прибегая к выкрутасам Бадацкого. Но, опять же, в отличие от Бадацкого, к экзаменам я все-таки готовился. Схоже с Катковым я боялся экзаменов, но вел себя при этом внешне вполне спокойно. Поэтому мне удавалось всегда получать весьма неплохие оценки. А после ... Так что ж, экзамен сдан!

Сразу после экзамена

Бадацкий врывался в общажскую комнату с неистовым счастьем и весельем:

— Ура! Тройка! Эх ты тройка, птица—тройка! Ну а не так ли и ты, Русь, как эта вот тройка несешься. И дают тебе дорогу разные там государства и прочая гадость, — восклицал в поэтических чувствах Шура, превосходя, как ему казалось, в безудержной поэзии самого Н.В.Гоголя.

— Чего же тут хорошего? — удивлялись мы счастьем Шуры.

— А, — махал на нас рукой Бадацкий, — ничего вы не понимаете в прямом электрическом токе, как говаривал мой друг Биосо Варелопас.

— Био, Савара и Лаплас, Александр, — это три разных человека, — назидательно убеждал Бадацкого Миша.

— Ха-ха! Пусть даже и так, — резвился Шура, — если они придумали одновременно один и тот же закон, то по-видимому, были что-то вроде сиамских близнецов, а значит к ним можно обращаться и в единственном лице.

— Вполне возможно, — замечал на это я, — но почему же у них тогда разные фамилии?

— Что же тут странного, — цинично балагурил Бадацкий, — отцы-то, наверное, были у них разные: чего только не бывает, когда постоянно находишься в электромагнитном поле! Ха-ха-ха. А впрочем, им, наверное,

было весело соображать на троих. Для одного желудка вина нужно в три раза меньше покупать. Интересно, а как им платили зарплату?

Вдоволь насмеявшись, Бадацкий неожиданно становился серьезным и произносил заговорщическим тоном одну и ту же хорошо знакомую нам фразу:

— Кстати о науках, у меня просто есть блестящее рацпредложение, поражающее своей научной новизной.

Все мы знали, что Шура предлагает этим отметить его радость бутылкой плодово-яблочного вина, прихваченной им по дороге из института.

Катков входил после экзамена в комнату тихо, с хмурым и волнуемым лицом.

— Что случилось, Миша, — сочувственно спрашивали мы, — сколько ты получил?

— Пятерку, — почти со слезой в голосе вырывалось из груди Каткова.

— Я уж не знаю, — удивлялся Шура, — а ты вообще-то хотел что получить? Наверное, пять пятерок, и каждую с плюсом?

— Не в том дело. Мне кажется, я чем-то обидел профессора. Он был так взбудоражен, когда я сказал ему «Спасибо». Может быть я от волнения сказал что-нибудь не то?

— А-ха-ха! — разразился Бадацкий хохотом, — может ты от волнения сказал ему «...»? — ругнулся Шура сложным нецензурным выражением, впрочем, очень созвучным со словом «Спасибо». По крайней мере, это ему наверняка послышалось, или ... пригрезилось. Ха-ха. Разве можно профессорам говорить такие двусмысленные слова, они ведь почти все плохо слышат. Нужно говорить не «...», а «Бля-го-да-рю». Ха-ха-ха.

Катков нелепо и виновато улыбнулся. В его глазах застыл ужас: «А вдруг это как-то так и произошло», — стал мысленно казнить он себя. Вслух же он пробормотал:

— Иди ты, Бадацкий, я и так на грани стресса.

— Да ладно, не бойся за свою нервно-паралитическую систему. Этот профессор у тебя больше не будет вести ни одной дисциплины. — Стал ободрять его Шура.

В конце концов мы кое-как вместе успокаивали Мишу, и он, если не был вполне счастлив, то, по крайней мере, видимо, забывал о своей неудаче.

Демушкин вел себя совсем по-другому. Начнем с того, что он не приходил с экзамена вообще. То есть, нет, он, конечно же, рано или поздно возвращался в комнату общежития. Даже, лучше сказать просто — возвращался поздно. Что он делал так долго и сколько получил, его никто не спрашивал. Все знали: он получил «хорошо», после чего «гулял по городу».



Что значит «гулял», и где именно «по городу» его спрашивать было бесполезно. Он молча подходил к обеденному (как, впрочем, и в свое время к письменному) столу и разделял с безразличным видом с нами вечерний чай.

Я, собственно, тоже любил походить после экзамена в аллеях городского парка. Надо сказать, я никогда там не встречал Демушкина. Задачей же моего гуляния было забыть все, что было выучено. Причем настолько прочно, чтобы полностью освободить голову для подготовки к следующему сдаваемому предмету. Радостным же было то, что с каждым экзаменом, их становилось все меньше и меньше, пока не наступали долгожданные каникулы.





ЛЮБИТЕЛЬ ШАМПАНСКОГО ИЛИ ШУРА БАДАЦКИЙ ЕДЕТ НА КАНИКУЛЫ



Александр Степанович Бадацкий, а проще — Шура, мой сосед по общежитию, был натурой незаурядной. В институте он оказался уже после срочной армейской службы, а потому был выдумщиком и трунилой. Он в совершенстве владел кучей мудреных приколов, а потому не всегда мог сдержаться, чтобы не подтрунить над кем-нибудь. Но теперь Бадацкого ничего особенно не волновало, так как предыдущая неделя прошла для него, как песня. Он впервые сдал с первого раза сессию и мог с легкой душой отбывать на зимние каникулы в родные Луховицы, по которым так тосковала его беспокойная душа. Родной город почитал Шурка неизменно и не переставал по этому поводу с серьезным видом повторять:

— У нас в России три столицы — Рязань, Москва и Луховицы.

Теперь же вся студенческая братия по-муравьиному суетливо покидала общагу, направляясь на вокзалы, и было это очень весело и это было просто класс! / И это было просто класс, и это было здорово/

В тот день на перроне было как-то особенно людно. Обуреваемый смутными тревожными предчувствиями народ беспорядочно метался по перрону. Все искали поезд «Москва—Самара». То и дело тут и там вспыхивали противоречивые слухи, то что он придет в тупик, то что его





отменили, то что он уже ушел. Собственно говоря, так обычно бывает в нашем городе всегда, когда поезд задерживается на час или два.

Невозмутимым в этой ситуации был, пожалуй, единственный человек — это был Саша Бадацкий. Он имел бодрое, даже веселое, настроение, и смотрел на всех сверху вниз через стекло вокзального буфета. На вокзал он чуть-чуть не опоздал и теперь успел купить «вещи в дорогу» — четвертинку водки, обязательное шампанское и немного пива. Кроме того, разливное вокзальное пиво в определенном количестве уже было усвоено его могучим организмом и поэтому настроение удалого студента понемногу улучшалось.

Было совершенно понятно, что поезд весьма кстати задерживается, и то, что он вот-вот прибудет, и все рассядутся по своим местам, и побегут дорожные километры навстречу приближающемуся счастливому моменту долгожданного свидания. Шурик даже зажмурился, воображая себе, как будут рады его отец и мать, как, взвизгнув от радости, бросится с разбегу ему на шею сестренка Варя.



Мать, еле сдерживая счастливые слезы, сразу станет суетиться вокруг стола, подготавливая маленький семейный пир, а отец для виду выскажет несколько критических замечаний по поводу похудания сына и вредной привычки курения, которая привилась Александру еще в армии, но все равно будет видно, как просвечивает в отце скрытая гордость за возмужавшего и приобретшего интеллигентные черты сына.

А вот и объявление на посадку. Первый путь первой платформы. И бежать никуда не надо, только выйти из вокзального буфета, да спуститься по ступенькам.

В купейном вагончике чисто и уютно. В длинном коридоре нестерпимо пахнет цветами. А как же иначе? Где же зимой взять живые цветы? Вот и украшен коридор искусственными букетами, сделанными из какого-то современного, источающего с ног сшибающую радиацию материала. Правда, это почти не уменьшает общего хорошего впечатления.

Бадацкий, пребывая в отличном настроении, со слегка затуманенным от пива взором, без труда отыскивает свое купе. И, о чудо! Там не просто никого нет, а даже наоборот, там сидит почти изящная брюнетка и больше ... никого. По виду она чуть-чуть старше Шуры. А может и нет. Может быть старше ее делает суровый взгляд, брошенный сквозь очки на вошедшего, взгляд лучезарный, но не без доли презрения.

С другой стороны, изящная ножка в капроновом чулочке, которая была видна из под стола, заставляла думать о другом. Молодая женщина, видимо, была довольно строгих правил, и изредка поглядывая на аккуратно раскладывающего свои вещи молодца, казалось, отрывала свой взгляд от журнала лишь для того, чтобы показать выражением глаз, как она презирает, пусть и слегка, но все же пьяных мужчин.



Но вот наш студент наконец устроился, и небрежно облокотившись на столик, застыл в позе мыслителя и посмотрел за окно. Там, за пределами теплого вагона, побежал, понесся, мелькая ветками деревьев, низенькими засугробленными домиками и растягиваясь холмистыми сельскими полями придорожный российский пейзаж.

Иногда рядом с вагоном монотонно тянулись рельсы встречного пути и тогда казалось, что они плавно скользят рядом, слегка извиваясь, чтобы не потерять скорость. Чуть дальше, виляя еще сильнее, бежали тесные утопанные тропки, то и дело огибая столбы и деревья. Шурке нравилось в такие моменты представлять себя на мотоцикле, несущимся по этим дорожкам со скоростью поезда. Ох и весело! Вот тут небольшой поворотик, и заднее колесо немного заносит. А тут вот — бугорок. Ух, как подпрыгнул. И вдруг, БАМ-мс, столб! Ну и что? Все равно едем дальше. Но вот деревья и столбы попадают на пути все чаще и езда на мотоцикле начинает надоедать, тем более, что прямо напротив расположилась такая красавица.

Первое впечатление о попутчице не побуждало его к началу какого-либо даже самого примитивного разговора, однако, как подсказывала интуиция, ситуация подобного рода, когда молодые мужчина и женщина молча сидят друг напротив друга, не может долго продолжаться. Об этом же Бадацкому напоминали и гуляющие по крови градусы, а также не дававшая покоя ножка попутчицы.

В конце концов, не представиться даме было просто некультурно, и он решился:

— Кстати, девушка, меня зовут Александр, а Вас?

Немного поколебавшаяся, стоит ли вообще говорить с этим отягощенным вредными привычками пассажиром, но все же [по-видимому] воспитанная женщина, вынуждена была надменно ответить:



— Ольга Станиславовна, — и еще более надменно, чтобы не оставить никаких сомнений в своей строгости, — и, ... юноша, я давно уже не отношу себя к «девушкам».

Шура немного оторопел, затем что-то про себя поняв, вдруг улыбнулся и одобрительно кивнул. Затем он с необычайной смелостью осмотрел фигуру своей попутчицы и еще раз одобрительно кивнул, буркнув при этом про себя что-то типа «угу-гу». А вслух с оптимизмом сказал:

— Тогда, может быть, отметим знакомство?

Фраза эта выглядела тем более эффектно, что Бадацкий, произнося ее, громко щелкнул в воздухе пальцами и с невероятной ловкостью достал из своей сумки четвертинку водки.

Дама густо покраснела, явно поняв, насколько извращенно истолковал ее реплику этот беспардонный тип. Она явно не хотела ничего на это отвечать и даже подчеркнуто отвернулась к окну но, заметив, как Шурик



достаёт два пластмассовых стакана и приступает к розливу, буквально прошипела сквозь зубы:

— Прекратите, молодой человек. Я не только не собираюсь с Вами пьянствовать, но и при случае могу сообщить о Вашем поведении проводникам.

— Вот тебе и здас-сте! — искренне удивился Бадацкий, — Я же с чистой душой, а не хотите, как хотите, потом попросите, да поздно будет. — Он хитро подмигнул, лихо опрокинул стаканчик, и не спеша стал закусывать. Закусывал Шура степенно. Аккуратнейшим образом постелив на край стола газету, он продемонстрировал свое умение быстро и качественно чистить селедку. Это мастерство было усвоено им еще в морпехе, в армии, перешло по наследству от сержанта, прибывшего с Дальнего Востока.

Сначала ножом после двух небольших надрезов с рыбы снимается кожица, затем тремя движениями, начиная с хвоста, селедка разрывается на четыре части. На все дело уходит не более десяти секунд, а результатом является почти полностью очищенное от крупных и мелких костей сочное филе. Судя по всему, селедка была действительно вкусной, так как Шурик, закусывая, то и дело прикрывал глаза от удовольствия.

Потерпев неудачу в знакомстве, Бадацкий, казалось, совсем забыл о попутчице и потихоньку допил свою водку и запасенное пиво. Однако, после такого своеобразного обеда его угаснувший было оптимизм разгорелся с новой силой. Быть может это было связано с тем, что шуркина рука «чисто случайно» нащупала в сумке Советское Шампанское.

Вообще-то, оно было предназначено для встречи дома, да только уж очень подходящий случай выпал сейчас, чтобы реабилитироваться в глазах сидящей напротив суровой дамы. Нервно поерзав на месте, и вновь украдкой взглянув на элегантно покачивающуюся под столом ножку, Бадацкий снова отважился на широкий жест:



— Ну а от шампанского Вы наверняка не откажетесь. — Он так живо откупорил пробку, что дама даже ничего не успела сказать.



Впрочем, она и не собиралась ничего говорить, а просто поднялась и вышла из купе.

«Ну что ж, потом она захочет, а вот дудки, а вот я и не дам. Ха-ха.» — эта мысль несколько успокоила нашего студента и он отпил немного прямо из горлышка. Тут внезапно навалилась на Бадацкого икота, такая, что удержу нет, даже задержка дыхания не помогала. В это время некстати вернулась его «знакомая» и сходу строго выговорила:

— Вас просит зайти к себе проводник. Я думаю, Вас ожидают неприятности.

— Ой-ой-ой, — притворно застонал Шурик, — это Вас ожж-дают неприят-сти. С-строит из себя Пи-ИК-квую Даму. А была б возможж-сть, упилась





бы в стельку, с ног до го-гол-вы. — Он торопливо закупорил шампанское и вышел за дверь — сей-ИК-час все улаж-жу.

Проводник, увидев подвыпившего студента сразу понял всю ситуацию и по-отечески прочитал небольшое наставление по поводу необходимой умеренности в спиртном.

— Я к ней пальцем на при-ИК-снулся, и не собираюсь. — Как можно трезвее выговорил Бадацкий, — А она, была б возможж-сть, упилась бы в стельку, с ног до го-гол-вы. Вот еще увидите!

Проводник покачал головой, взял разволновавшегося Шуру под руку и повел назад в купе:

— Ты сейчас ложись спать, а утром проснешься — и вот он, твой дом, мама и папа, давай, отдохни.

Но Ольга Станиславовна, оказывается, еще сама не знала, какими пророческими окажутся бадацкие слова и как несправедлива окажется к ней сегодня судьба.

Вернувшись на свое место, она со спокойной душой снова принялась за чтение журнала. Рядом с ней на столике сиротливо остался лежать кусок недоеденной шуркиной селедки, да плюхало в бутылке, покачиваясь в такт подрагиванию мчащегося вагона шампанское. В этой-то бутылке и таилась для строптивой дамы Божья кара.



Бутылка вдруг злоеце зашипела и неплотно закрытая пробка с грохотом вылетела под потолок вагона. Мощная струя согрешшего и взболтанного шипучего вина окатила Ольгу Станиславовну именно так, как предрекал Шура, то есть с ног до головы. Но на этом злоключение еще не кончилось. Инстинктивно схватившись рукой за горлышко взбунтовавшейся посуды, она также опрокинула на себя стакан недопитого пива и остаток заботливо оставленной ее попутчиком селедки.

Самым же обидным стало то, что в этот момент дверь в купе резко открылась и на пороге возникли ее флегматичный попутчик под руку с ошарашенным проводником. Их взору представилась весьма неприглядная картина.

Ольга Станиславовна держала в руках пустую бутылку шампанского и, по-видимому только что выпитый стакан пива. На коленях у нее на шуркиной газете была разложена его недоеденная селедка. Совсем уж непристойным было то, что, по всей видимости, спиртное было осушено ей впопыхах и очень припохабно, поскольку с ее носа даже капали в стакан капли вина.

— Ну вот, что я го-гва-рил? — чуть не плача проямлил Шурка. — Она услала меня к проводни-ИК-ку-ку, чтобы здесь самой уп-пи-пи-ться вдры-зз-гг!





Для Ольги Станиславовны ситуация была пренеприятнейшая: с одной стороны, она чувствовала себя, хотя и неумышленно, но оскорбленной этим подвыпившим идиотом, с другой стороны, он ее сам фактически ничем не оскорбил, в то время как она явно выглядела виновницей утраты почти полной бутылки шампанского, совсем недешево доставшегося вечно экономящему на еде студенту.

Проводник постепенно вник в происшедшее и, окинувши взглядом двух разгневанных друг на друга пассажиров, не смог сдержать смеха. Правда, ему тут же стало не по себе от брошенных на него уничтожающих взглядов Шуры и Ольги Станиславовны:

— Ну ладно, ну ладно, — засуетился он, — давайте спать, спать, уже поздно.

— С кем? С ней? — вдруг взвился Бадацкий, — Ни-ИК-гда! — Потом, совсем немного подумав, добавил, — Разве, что сверху. — Он еще сделал паузу, внезапно покраснел от какой-то мысли, и поправился — На верхней полке.

И тут возникла еще одна нелепая неприятность, впоследствии даже утром не дававшая Шуре покоя. А случилось все так.



Проводник, еле сдерживая смех, ушел. Дама достала платок и нервно отряхиваясь, со словами «Нет, в этом купе ноги моей больше не будет!» поднялась, чтобы выйти. В это время Бадацкий, буркнув «Ну и убирайтесь со своей ногой», схватился за поручень и армейским рывком влетел на верхнюю полку. При этом он не рассчитал, что его собственные ноги, как и положено по законам физики, опишут небольшую дугу, которой хватит ровно—ровно, чтобы задеть выходящую из купе даму чуть-чуть ниже спины. Этот скромный импульс придал Ольге Станиславовне достаточное ускорение, что снаружи купе смотрелось очень убедительно, поскольку в это время она как раз выкрикнула:

— Как можно скорь — ей!

По-видимому, вся эта цепь досадных неудач могла бы продолжаться и дальше, только на пути этому встало весьма серьезное препятствие: Шурик уснул, как только принял горизонтальное положение.

Только мы, соседи Бадацкого по общаге, знаем, что такое Шуркин сон. Спящего, его можно долбить отбойным молотком, причем это будет иметь почти такое же действие как нежная колыбельная песня.

Утром наш герой вчерашнего дня проснулся в купе один. Трещала голова, с ужасом вспоминались вчерашние события, до прибытия поезда в родные Луховицы оставалось 15 минут. Шура быстро собрался, оделся и, пряча глаза от проводника, вышел в тамбур.



Нет, это был бы не Александр Степанович Бадацкий, если бы вся эта история закончилась такой неудачей. Ее окончание было спокойным и даже трогательным.

Поезд остановился, резким тормозом встряхнув купейный вагон с сонными пассажирами.

Ольга Станиславовна уже успела сесть на постели и причесаться. Она с удивлением посмотрела за окно, где увидела очень уютную маленькую станцию со стареньким одноэтажным вокзалом, окруженным огромными блестящими и неомкоряжистыми деревьями.

Прямо от вокзала вниз по крутому оврагу шла тропка, тут же исчезающая из виду и появляющаяся только на том, противоположном, склоне гигантского оврага, где и примостился по-русски миловидный низкоэтажный городишко. Перед вокзалом стоял колоритный дедок в развязанной ушанке, потертой телогрейке и валенках. На добром лице его светилась скромная улыбка. Дедок попыхивал козьей ножкой и переминался с ноги на ногу.

Вдруг дверь купе с шумом открылась, и Ольга увидела перед собой вчерашнего чудака-студента. Глаза его были полны скорби и стыда. В левой его руке была старая тощая дорожная сумка, правая была вытянута вперед и протягивала Ольге живую розу.

— Простите меня, не обижайтесь, ладно? — так же тихо, как и нежно сказал Шурка.

— Да я не обижаюсь, — улыбнулась Ольга, — счастливых Вам каникул, молодой человек.

Выскочив на перрон, Шура помахал рукой отправляющемуся поезду. Ольга тоже чуть заметно шевельнула пальчиками ему в ответ. Они вдруг вместе непринужденно рассмеялись.

Счастливых каникул!



Особенность оставшейся от практической работы кучи времени состоит в том, что его невозможно использовать ни на турпоход, ни на рыбалку, ни на какое-либо более-менее солидное и достойное времяпрепровождение. Многие из того, что молодежи бывает интересным в качестве отдыха в периоды учебы, например, игра в шахматы, отгадывание кроссвордов, коллективные юмористические фантазии по поводу возможного нарушения законов физики и т.п. в период летней практики не просто теряет смысл, а даже не приходит в голову. Все это заменяется городским пляжем, футболом, преферансом и, наконец, танцами.

Для современной молодежи следует пояснить, что «танцами» и у нас называлась такая разновидность дискотек, которая устраивалась в городском лесопарке на специальной деревянной площадке возле пруда и обязательно под «живую» музыку, т.е. с участием пусть плохеньких, но настоящих дерущих глотки коллективов, с аппаратурой, приличествующей их артистическим способностям.



Дискжокей же назывался массовиком и был призван не только чувствовать настроение трясущегося и выкручивающегося в танцевальных позах народа, но время от времени развлекать его экзотическими конкурсами и играми. Чтобы результатом какого-нибудь из неуместных конкурсов не было выдворение массовика за пределы веселой площадки, для каждого конкурса обязательно назначался неожиданный приз. Суть приза состояла обычно в награждении победителя так, чтобы всем проигравшим не было обидно. Иногда же проигравший после вручения приза чувствовал себя даже лучше, чем сам призер... Ну, да хватит о грустном.

Сейчас я хочу рассказать одну из реальных и даже правдивых историй, снабженную некоторыми смелыми и оригинальными идеями, которая произошла со мной и Сережкой Демушкиным как раз в период утомительной летней практики.

Нельзя сказать, что бы мы не отдавали в это время должного футболу или пляжу, но танцы нами явно не были избалованы хотя бы уже потому, что мы на них к тому времени еще ни разу не были. Но суровая правда жизни, отчасти познанная мною и уже не раз доказывавшая неотвратимость своих жестоких законов, почему-то подсказывала мне, что все равно что-нибудь в этом духе рано или поздно должно будет случиться. Так оно и произошло.

Однажды после одной из пятниц вдруг наступили суббота и воскресенье, и в связи с этим мне захотелось чего-нибудь нового и необычного. Волна этих смутных желаний была навеяна тоскливым видом моего друга Демушкина, который по большей части и так всегда носил на себе напряженное и серьезное лицо, а тут и совсем завалился в нашей комнате на кровать и целый час вслушивался в усыпляющее шелестение старых, но все еще любопытных тополей, пьяно пошатывающихся без





видимой внешней причины и бесцеремонно заглядывающих к нам в окно. Мне почему-то вдруг стало очень жалко Сережку. Я одновременно хотел его как-то приободрить, и в то же время не хотел лезть ему в душу, не понимая, что же заставило его так приуныть.

Мне вспомнились сережкины рассказы из его нелегкого детства, та нужда и беспросветность в семье, тяжелая работа на металлургическом комбинате, куча нелепых и почти невероятных историй, в которые мог угодить один только Демушкин и при этом всегда в них попадавший. Но что же могло растревожить его сейчас? Сейчас, когда почти все позади, когда у него куча любящих его друзей, готовых всегда поделить последним, и когда наступило лето, наконец освободившее всех нас от необходимости разбегаться по звонку в институтские аудитории?



Я невольно пытался представить себя на его месте: вот, скажем, я лежу в общежитии на кровати, смотрю в потолок и слышу только шум деревьев; рядом сидит мой товарищ, с которым можно пойти играть в футбол или на пляж; и чего мне не хватает ?...

И тут меня осенило. Ба! Да у Сережки ведь нет своей девушки! Это было действительно так. И не потому, что он обладал негусарской внешностью, и не потому, что у него отсутствовала правильная фантазия в способе одеваться, — при соответствующем поведении с женщинами внешность не играет решающей роли, и даже не потому, что он не умел общаться с девушками, — он часто общался с ними в институте.

Все дело было в том, что в нем напрочь отсутствовала та необходимая доля эгоизма и самовлюбленности, которая заставляет себе сказать: «А чем я хуже других? Вон идет парень с девушкой, и с какой девушкой! Посмотреть же на парня — так себе, смесь суслика с лягушкой, сопливый, горбатый и передние зубы торчат, чтобы удобно было корешки грызть». Сережке в голову не могли прийти такие смелые научные мысли, а ведь только именно такие мысли могут толкнуть мужчину на инициативный, искрометный, внезапный и не всегда обдуманый шаг первого знакомства.

Конечно же, природа берет свое, и такой шаг бывает у всех, даже тех, у кого нет необходимого чувства внутреннего героизма, но для одних первая неудача влечет лишь идеи новых экспериментов, для других же — крушение последних тлевших надежд, превращающее поэзию таинственных звездных замков в прозу пусть возвышенных, но монастырских колоколен.

Лично у меня с девчатами особых проблем не было. Нет, не в том плане, что проблем не было, потому, что не было и самих проблемных объектов. Девушки у меня были, причем несколько, правда в основном все в разное время. Сейчас трудно сказать, была ли каждая из них той единственной и неповторимой любовью, о которой пишут в возвышенных романах и про



которую снимаются изнуряющие публику телесериалы, но, как сказал философ, «все, что имеет свое начало, очень скоро имеет и свой конец».

Стоит ли после этого удивляться, что рано или поздно с девушками я имел свой конец. Меня каждый раз больше вдохновляло как раз начало. Несколько стандартных начал я придумывал заранее и по мере насущной необходимости пытался воплощать их в реальную практику знакомств. Думаю, что привести здесь некоторые придуманные в свое время мной дебюты будет полезно как для читателя геройского склада, так и для читателя, ну, ..., вообще.

Как мне казалось, главное в схеме грядущего знакомства учесть как можно более вариантов его дальнейшего развития, чтобы, не дай Бог, не сесть в лужу. Поэтому одним из необходимых критериев хорошего дебюта я положил наличие умелого отступления в случае категорического отказа девушки. Варианты дебютов я сразу разбил по типам ситуаций.

Наиболее беспроблемной ситуацией является тот случай, когда девушка обращается к вам первой. Это, вполне естественно, происходит по крайней для нее необходимости, но ведь никто не запрещает вам расценить такое обращение, как попытку знакомства с ее стороны. Вот некоторые варианты.

Первая ситуация

Девушка:

– Молодой человек, вы не скажете, который час?

Вы:

– Кому угодно. А *симпатичным* дамам я готов сказать не только который час, но и сколько конкретно минут и секунд. Сейчас 11 часов, 34 минуты и 12 секунд. Ну а такой девушке, как вы, с удовольствием сообщу также свои имя и номер телефона.

Она: (Вариант первый)

– Ура! Скажите ваш номер телефона, я обязательно вам позвоню.

■ Таким образом, задача решена.

Она: (Вариант второй)

– Спасибо, мне достаточно узнать время.

Вы:

– В таком случае вы обратились как раз по адресу. В нашем вузе я один из лучших по физике. Если у вас найдется как-нибудь несколько *свободных* минут, я могу вас посвятить в более пикантные подробности свойств времени.

Она: (Вариант первый)

– Ура! И т.д. ■

Она: (Вариант второй, безысходный)

– Фу, идиот какой-то.

Вы:

– Ну вот, не успели как следует создать семью, а уже навеки поссорились.

(Поворачиваетесь и идете по своим делам с рассерженным видом.)

Вторая ситуация

Она:

– Вы не знаете, как пройти в библиотеку (магазин, ипподром, городскую свалку и т.п.).

Вы:

– Я джентльмен, сударыня, и просто обязан, знать все, о чем могут спросить красивые девушки. (Объясняете в общих чертах пару не очень коротких маршрутов до места, стараясь при этом делать умное и серьезное лицо.) Кстати, как *истинный* джентльмен, я бы с удовольствием вас проводил. (И, с надеждой и любовью в глазах) Ну, хотите?

Она: (Вариант первый)

– Ура! И т.д. ■

Она: (Вариант второй, безысходный)

– Спасибо, я как-нибудь сама.

Вы: (Как будто что-то вспомнив, рассказываете ей самый короткий путь до нужного ей места и уходите по своим делам, гордо подняв голову.)

Третья ситуация Очередь за (мороженым, пивом, велосипедными камерами, больничными листами и т.п.)

Она:

– Вы последний?

Вы:

– Только в этой очереди, и то ненадолго. А вот будь у меня такая знакомая, как вы, я бы сделал все, чтобы быть во всем только первым!

Она:

– В чем это «во всем»?

Вы:

– Для вас я бы во-первых, стал лучшим поэтом, во-вторых, хорошим художником, и только в-третьих работником справочной службы.

Она: (Вариант первый)

– А почему же работником справочной службы?

Вы:

– Что бы узнать ваш номер телефона. (И т.д. разговор продолжается до победы.)

Она: (Вариант второй, безысходный, но с эффектной концовкой)

– Дурак.

Вы:

– Вот в этом даже для вас я не стал бы первым.

Она: (Само собой напрашивающееся)

— Естественно, дураком вы будете последним.

Вы: (Невозмутимо, с самодовольной улыбкой)

— Но в нашем с вами случае я был последним, лишь пока не подошли вы. (Больше с ней не разговариваете, а просто покупаете пиво.) ■

Более сложные случаи, когда молодому человеку приходится обращаться к красивой девушке первому. Но и тут возможна куча вариантов.

Ситуация первая

Вы: (Подходя к девушке и делая озабоченное лицо.)

— Простите, здесь не останавливался новенький черный «мерседес»?

Она:

— Нет, не останавливался.

Вы: (С глубоким изумлением.)

— Странно. Если бы у меня был «мерседес», я бы обязательно остановился возле такой прекрасной незнакомки.

Она:

— Да, но у вас нет новенького черного «мерседеса».

Вы (Уверенным властным тоном):

— Что вы, он у меня обязательно будет, если я познакомлюсь с вами.

Она: (Вариант первый)

— Я не против.

■ Таким образом, задача решена.

Она: (Вариант второй, безысходный)

— Значит, у вас никогда не будет «мерседеса».

Вы:

— Ну что ж, тогда придется ездить на линкольне. (С достоинством спешите по своим делам.)

Ситуация вторая

Вы: (Подходя к девушке и делая озабоченное лицо.)

— Простите, вы не скажете, как добраться до салона новобрачных?

Она: (Объясняет, поскольку это должна знать любая девушка.)

Вы:

— Простите еще раз, но не могли бы вы, пусть не сейчас, помочь мне что-нибудь подобрать для нас с вами.

Она: (Вариант первый)

— А почему бы и не сейчас.

■ Задача решена.

Она: (Вариант второй, безысходный)

— Нет уж, у меня будет муж получше.

Вы: (Как бы спохватившись.)

— В самом деле, и мне не мешало бы выбрать жену посимпатичнее. ■

Ситуация третья

Вы:

— Извините, вы не хотели бы съездить со мной в свадебное путешествие на Канары?

Она:

— У вас так много денег?

Вы:

— Ну, уже сейчас у меня хватит на проезд до аэропорта. Но я уверен, что с такой обворожительной невестой я смогу стать даже президентом США.

Она: (Вариант первый)

— Но ведь мы еще не знакомы.

■ Задача решена.

Она: (Вариант второй, безысходный)

— Вот и езжайте—ка сами в свой аэропорт.



Вы:

— Что ж, пусть сегодня вы *упустили* свой шанс, но не отчаивайтесь, лет через десять может быть и вам повезет. ■

Как теперь видит читатель, само по себе знакомство не очень уж страшное дело. Его варианты можно дополнять и совершенствовать. Для этого необходима только богатая практика. Знакомиться надо как можно чаще, с каждым разом все более отрабатывая в себе уверенность, невозмутимость и необходимый артистизм. В том же случае, если вам удалось познакомиться с хорошенькой девушкой, но сам процесс знакомства вам показался по какой-либо причине далеким от предполагаемого вами сценария, не грустите. Мой вам совет: если вы не какой-нибудь там баран, просто выберите себе другую девушку и постарайтесь познакомиться с ней более интересным образом.

Но вернемся к нашим баранам. Мы молча и тоскливо лежали в общежитии на своих кроватях. И тут я наконец решился предложить Сережке очень интересный вариант отдыха. Вы, конечно же, понимаете, чем я захотел помочь своему хорошему другу (прошу понимать без двусмысленностей). Я решил помочь ему познакомиться если не с будущей его невестой, то, по крайней мере, с одной из них. Собственно говоря, знакомиться двум молодым людям с двумя—тремя молодыми девушками даже более проще, чем один на один. Ведь тут чаще всего достаточно, чтобы хоть кто-нибудь хоть кому-нибудь хоть немного понравился. При этом первый разговор сразу затягивается уже потому, что ни одной из девушек не понятно, нравится ли кому-то из них кто-то из парней или нет.

Так получается даже в том странном случае, когда каждая в отдельности решила поначалу про себя этот вопрос отрицательно. Затягивание же



разговора часто вызывает у общающегося привыкание к некоторым, возможно неприятным для него, странностям собеседника, которые в первые минуты резко бросаются в глаза, а затем незаметным образом стираются. После многих разговоров такие странности даже приводят к пониманию их оригинальности.

В нашем случае трудность была в другом, а именно в том, что моим товарищем будет не веселый и общительный малый, а угрюмый и неискушенный Сережка Демушкин, все гусарское воспитание которого было получено в последних классах заштатного полууголовного интерната. Но ради Сережки я был готов решиться и на взятие такой неизведанной высоты. Я начал издали, придав голосу небрежно—шутливую окраску:

— А все-таки жалко, что девчат с ребятами расселяют в общежитии в разных комнатах.

— Да ну их, очень нужно, — с деланным равнодушием, как мне показалось, пробурчал Демушкин, — ни тебе раздеться до трусов, ни матом выругаться.

— Насчет мата ты, пожалуй, прав. А вот насчет ...

— Да и вообще, я считаю, что в жизни все устроено фатально, — не замечая моих доводов, продолжал Сережка, — никакой человек не в состоянии резко изменить установленный годами порядок. Устройство общества нужно воспринимать как данное и жить по его законам. Так меньше всего труда уйдет на исправление собственных ошибок, в частности и тех, которые могут появиться при общении мужчины и женщины. — Тут он с явной насмешкой посмотрел на меня и сразу отвернулся, считая спор неуместным.

Однако, я твердо решил добиваться своего:



— Ошибки делают все и всегда. А ошибки при общении с женщиной куда менее болезненны для мужчины, чем какие-нибудь другие.

— Ты можешь привести примеры?

— Скорее, трудно привести контр-примеры. Вот, скажем, твоя ошибка с каким-нибудь боксером-профессионалом может привести тебя к нокауту. Ошибка с преподавателем — к двойке на экзамене. Совсем уж плохо, если ты ошибешься с башенным краном или трамваем. — Последнюю фразу я произнес насколько мог проникновенно, чтобы мой оппонент сразу ощутил безысходность своей позиции в споре.

Как ни странно, мой артистизм почти никак не повлиял на Демушкина, который с неохотой вынужден был продолжать ненужную ему тягостную беседу:

— Ошибка с трамваем, мой друг, безусловно, страшна и может повергнуть в предсмертный ужас кого угодно. Именно поэтому правила дорожного движения у нас все знают значительно лучше, чем, скажем, уголовный или семейный кодексы. И, тем не менее, широкие массы



трудящихся кладут свои жизни на скользких трамвайных путях или под стрелами башенных кранов, так и не успев прочитать до конца написанной на них спасительной таблички: «Не стой под стрелой!». Я согласен, все это очень и очень печально...

Я восторжествовал:

— Вот именно, что может быть хуже!

— Хуже? — Сережка прокатил по мне недоумевающим взглядом, — Как что? — Только ошибки, на которые людей толкают женщины! Ведь эти ошибки приводят людей не просто к смерти, а смерти долгой и мучительной, конвульсии которой, по существу, начинаются у некоторых уже после медового месяца, а у всех остальных — после первой брачной ночи. Я не знаю в истории случаев, чтобы какой-нибудь человек, женившись, рано или поздно не умер. Если же тебе этот довод кажется неубедительным, можно учесть и твою позицию, мой друг. Вот ты говоришь: «трамвай». А ведь изначально дело и в этом случае вовсе не в самом трамвае. Виноваты не трамваи, а как раз те, кто толкает под них народ! Ты помнишь, как погиб в булгаковском романе талантливый писатель Берлиоз? Он никогда не стал бы сам бросаться на рельсы. Но вот подишь ты, две самых простых бабы смогли без труда устроить ему это, потратив на всю пакость лишь баночку растительного масла!

Признаюсь откровенно, Сережкины доводы несколько поколебали меня в прежней уверенности в своих суждениях. Но, в то же время, наш спор вышел к той самой точке, когда я мог добиться результата в своей первоначальной задумке с совсем другой стороны.

— А вот давай проверим, кто из нас прав, на примере, — повернул я разговор совсем в неожиданный для Демушкина угол, как это делают опытные теннисисты с посланным им в лоб мячом соперника, — предлагаю тебе сейчас прогуляться...

— Вдоль трамвайных путей?! — с напускной злобой завопил Сережка, — Или на новостройке?!

— Как раз наоборот — в городском парке! Я берусь тебе доказать, что общение с девушками иногда бывает не лишено приятных ощущений, — я опять удачно отбил мяч в другой угол разговора.

На этот раз мой оппонент был явно поколеблен. Он встал с койки, обошел вокруг стола, и уже более мирно заметил:

— Общение с девушкой тем более приятно, чем оно более кратковременно.

— Во-первых, — добивал я своего друга, — уже вечерет, и, следовательно, общение так или иначе будет кратковременным, поскольку какое-то время уйдет на поиски исследуемых объектов (я бы даже сказал, субъектов). Во-вторых, если это тебе хочется, ты можешь быть лишь





свидетелем *моего* общения с девицами. Ну и в-третьих, и это самое главное! — Тут я высоко поднял вверх указательный палец и торжественно посмотрев на Сережку, сделал уничтожающую паузу, на протяжении которой он уже понял, что полностью сражен двумя первыми доводами, а тут еще и третий. Резко опуская палец вниз, я с необыкновенной занудностью произнес:

— В третьих, нам все равно делать сейчас нечего, а в парке продаются дешевые пирожки с повидлом.

Это было сделано гениально. Я не только уговорил своего товарища на мелкую авантюру знакомства, но и дал повод ему достойно выйти из нашего спора как бы непобежденным. Демушкин не преминул этим обстоятельством воспользоваться и встав в не менее величественную позу, чем та, в которой только что был я, пророчески изрек:

— Я соглашаюсь на эту авантюру главным образом из-за пирожков и еще потому, что намерен стать свидетелем крушения твоих воздушных замков.

Он подошел ко мне вплотную, и гипнотизируя меня серьезным взглядом, произнес фразу, начало которой выговаривалось им с беззаботной игривостью, а конец — замогильным стоном:



— Когда строишь воздушные замки..., не стой под стрелой!

Мы не торопясь собрались, почистили обувь, причесались перед осколком зеркала и, оставили ребятам (нашим друзьям по общей комнате) записку, намекающую на наше дальнейшее времяпрепровождение. Весело выбежав из общаги, двинулись мы по направлению к городскому парку той обычно несвойственной нам походкой, в которой, с одной стороны явно угадывалась наша беззаботность, с другой же — подчеркнутая молодецкая статья.

Ах, этот неповторимый вечер, ох, эта свежая молодая листва старинных лип, тополей и дубов, ух, эти ухоженные узенькие дорожки парка с редкими, прячущимися в кусты шиповника и жасмина аккуратными скамеечками! Высоко в ветвях копошатся и пересвистываются сумеречные птицы, аромат июньского первоцвета обволакивает нас отголоском старых волшебных сказок, светло и слегка грустно становится на душе. Мы с Сережкой идем молча, думая каждый о своем, но при этом абсолютно синхронно.

Вот как примерно думаю я. «Боже, как же хорошо кругом. Удачно, что я вытащил этого пессимиста из душевной и мрачной общаги. Ведь мы (главным образом, я) не так уж плохи собой, не лишены обаяния и остроты ума. Кроме того, мы — студенты, а это дает надежду на многое. С другой стороны, тут должны быть не просто девчонки, а девушки — тонкие душевные натуры, способные понять и даже полюбить не только меня, но и, чего не бывает на свете, даже этого Фому-неверующего Демушкина. Только самые изящные, интеллигентные девушки с возвышенной душой могут выбрать этот





чудесный парк для сегодняшней прогулки. Ну что ж, будем вглядываться в даль...».



А вот так думает Сережка. «В принципе, пока все идет не так уж и плохо. Это лучше, чем валяться на койке в общежитии. Хорошо, что уже почти стемнело, а то, если встретим девок, еще перепугаем их своими обносками. С другой стороны, нормальные мама с папой не пустят приличных дочерей гулять одних в такую пору. Посмотрим, как этот наивный оптимист будет с ними знакомиться. Кстати, надо бы хорошенько осмотреться, ведь тут действительно могут продаваться пирожки.»



Очень скоро, однако, наши мысли сбились совсем в другую сторону, показав, что человеческое подсознание куда более ощутимо управляет нами, чем некоторые поверхностные мысли, которые почти проговариваются нами на сознательном уровне. Это случилось в тот момент, когда сквозь листву дальних тополей стали различаться слабое мерцание разноцветных огней, а чуть позже, и звучание весьма сбивчивой, но ритмической музыки. Не сговариваясь, в некотором замешательстве, мы удивленно переглянулись и недоуменно пожали плечами, как бы говоря этим: «Интересно, что же это такое может здесь быть?». Собственно говоря, мы, конечно же, прекрасно знали, что именно в том месте, откуда сейчас уже явно доносилась музыка, была танцевальная площадка. Нам, по-видимому, было просто странно, почему мы пришли именно к ней?

— Ну, что же, — сказал я, — интересно, в конце концов, посмотреть, что там происходит, на этих танцплощадках. Кстати, Серега, ты когда был на танцплощадке?».

Вообще-то, можно было и не задавать этого глупого вопроса. Я прекрасно знал, что Демушкин был везде и все испытал. Можно было его спросить о чем угодно: «Видел ли ты то-то и то-то...?», «Был ли ты там-то и там-то...?», «Случалось ли тебе делать так-то и такое-то...?». Он всегда отвечал утвердительно и, часто, добавлял к сказанному некоторые подробности, проверить которые никто был не в состоянии. Его внешняя чудаковатая наивность обычно совершенно не вязалась с таким всеобъемлющим жизненным опытом и умудренностью, которая тут же просвечивала в нем при ответе на вопросы подобного характера. Вот и теперь он сходу мне ответил:

— Бывал я на этих танцах. Ерунда это все, в принципе. Вот как-то танцевал с одной толстой девкой. Она сама пригласила. Старше меня была лет на пять, а видно, «без царя в голове». Знаешь, как страшно? Она пыхтит, как паровоз, наступает на ноги, когда захочет, таскает меня по всему залу, и, что интересно, никак не вырвешься. Под конец она прижалась ко мне и так задрожала, что у меня мелочь в кармане зазвенела. В общем, не люблю я, что-то, танцевать.





— Да что же это мы, зря пришли сюда, что ли? Волков бояться — в зоопарк не ходить? — напирал я на сережкино чувство достоинства, — Если не хочешь, можно и не танцевать, а будут приглашать, скажешь, что у тебя на сегодня все танцы расписаны. У нас с тобой задача — познакомиться, а дальше будем смотреть по обстоятельствам. Ты что, в последний момент труханул?

Как я и рассчитывал, этот довод моментально убедил Демушкина:

— Ладно, пойдем. Но я предупреждаю: ничего хорошего из этого не получится!

Мы подошли поближе. Площадка была разноцветно освещена и стояла в живописнейшем месте на берегу старого пруда, с одной стороны окруженная распустившимися волосы ивами, с другой — прикрытая сенью вековых дубов и тополей. Основным же ее окружением был высоченный забор из редкого штакетника, выкрашенного в темно-зеленый цвет. Сквозь забор было видно все, что происходит на танцах, но, в то же время, между штакетинами невозможно было протиснуть даже курицу! Внутри же располагался просторный дощатый пол, на котором, в самом конце, располагалась возвышающаяся над всем эстрада.

На эстраде в полном беспорядке стояли музыканты с электроинструментами (имеется в виду, музыкальными). Перед эстрадой стояла неприлично размалеванная косметикой дама, наверное, судя по голосу, лет тридцати, хотя в косметическом виде ей можно было добавить еще столько же. Сидя на скамеечках или стоя по краям площадки, располагался молодой народ двух половых направлений. Косметическая дама вела себя хозяйкой и, иногда давая народу потанцевать, устраивала в отместку за это всякие конкурсы, окончания которых приходилось всем терпеливо дожидаться.

Мы с Сережкой заплатили за входные билеты по рублю и миновав контролера, вошли таки в круг яркого света, музыки и разнообразных парфюмерных, а иногда и застольных ароматов. Окружающие прелести природы сразу же куда-то пропали, превратившись в еле различимые тени за штакетниковой решеткой. В ярком свете нам сразу же удалось оценить определенное преимущество перед нами большинства остальной публики. Виною этому был контраст нарядов.

Народ в обычный день почему-то нарядился, как на праздник. Тут мелькали модные платья, кофточки, заграничные куртки и выглаженная военная форма. Обувь просто восхищала почти лаковым блеском. К этому-то мы и оказались не готовы. Нельзя сказать, чтобы наши брюки были не глаженными, или стройотрядовские куртки были грязны. Это еще с натяжкой могло бы сойти. Но сережкины кеды с моими кроссовками не могли не бросаться окружавшим в глаза. Казалось, на нас все смотрели с



недоверием, как будто ожидая от нас вопроса: «Ну что, погоняем мячик? Кто у нас сегодня на воротах?».

Мы инстинктивно оглянулись на выход, но, вспомнив о своей недавней смелости и решимости, потихоньку отправились искать у ограды место потемнее. Было очень странно, но танцплощадка обладала удивительнейшей особенностью: куда бы мы не становились, светлее всего было именно там.

Помучавшись с этим экспериментом минут двадцать, нами по молчаливому согласию было решено не обращать на свой вид и странности с освещением никакого внимания, так как стыдливость в такой ситуации могла только усугубить неловкость создавшегося положения.

Однако, стоять просто так было теперь довольно глупо, тем более, что незадействованных в танцах девушек, в отличие от свободных ребят, было достаточно. На какой-то момент нам даже показалось, что некоторые девицы с улыбкой посматривают на нас. Что могут означать эти заигрывающие улыбочки? На этот раз в удачный для себя момент меня пристыдил Демушкин:

— Ну что же ты, мой друг, пришел танцевать? Танцуй! — хохотнул он с нескрываемым ехидством.

— А ты что, не хочешь? — неуверенно попытался я оттянуть неизбежное фиаско.

— Что ты, у меня на сегодня все танцы расписаны, — сказал Сережка еще более гадостным, издевающимся тоном.

Отступить было некуда.



— Ладно, пойду, произведу опрос общественного мнения, — выговорил я как можно веселее, понимая, вместе с тем, что мало у кого из девчонок появится желание выставить себя на посмешище, танцуя с кавалером в рыболовном костюме.

Как я и предполагал, первая моя попытка окончилась неудачей. Первой я выбрал самую стройную из свободных девчонок, и, галсом пробираясь между танцующих, не спеша подошел к ней. Посмотрев на меня, она, видимо, догадалась о моих намерениях и сразу повернулась ко мне боком, как будто выискивая кого-то на другом конце площадки. Принимать решение пришлось мгновенно. Я сходу обратился к стоявшей рядом, быть может не такой уж красивой, но весьма, по крайней мере, не дурной девушке:

— Мисс, не могли бы Вы меня осчастливить парой туров мазурки? — спаясничал я на гусарский манер.

— Тебя, мазурик, я и один раз турну так, что лапша с ушей посыплется! — мило прошипела она.

Сразу же поняв, что «мисс» заканчивает кулинарный техникум, и, очень может быть, владеет рецептами приготовления отбивных котлет, я решил



пройти несколько подалее. Теперь поставленная задача казалась мне вовсе сложной. И все же, «опрос общественного мнения» необходимо было продолжить, чтобы совсем не упасть в глазах друга, подбитого мной же на авантюру. Далее выбирать дам приходилось почти случайным образом, вот только их ответы всегда были несколько резковатыми, а главное — отрицательными. Почти отчаявшись, я осмелился на последнюю попытку.

К этому времени предыдущий танец закончился и выбор партнерш стал ощутимо солидней. С немалым риском я дерзнул выбрать вполне симпатичную и, на первый взгляд, интеллигентную барышню:

— Простите преуспевающего футболиста, — начал я, словно бы извиняясь, — мы тут с другом думали попасть на футбольный матч, — (это было сказано с кивком на Серегу, который хоть и стоял далеко, но вдруг неестественно поежился и уткнулся глазами в свои кеды), — пришли на корт, а тут неожиданно-негаданно сегодня танцы...

— Я Вас прекрасно понимаю, — ответила она приятным звонким голоском, — но как раз сегодня я думала, что здесь будут танцы и не захватила с собой спортивной формы. Да и в спорте предпочитаю ... волейбол.

— Вот незадача, — с искренним разочарованием пробурчал я, понимая, что получил очередной отлуп, — вот в волейболе-то я и не силен.

С этими словами я повернулся и уже сделал первые шаги в направлении Демущкина, как вдруг... Небо услышало меня и сжалилось!

— Молодой человек! А что, танцевать Вы тоже не умеете? — Это был звонкий голосок моей собеседницы.

— Вообще-то, медалей на танцевальных конкурсах я пока не брал...

— Вот как? Значит Вы все-таки участвовали в конкурсах?



— Видите ли, может быть потому и не брал, что пока и не участвовал.

— Так Вы заранее считаете меня слабой партнершей?

— Что Вы, отнюдь, совсем наоборот.

И тут мы с ней довольно просто включились в суматоху нового начавшегося танца. Она то и дело посматривала на мои кроссовки и смеялась так легко и безобидно, что мне сразу тоже стало весело. Сказать по правде, я уже был на шестом небе, в глубине души надеясь на взлет к седьмому небу или даже выше. Как же, ведь если я сумел понравиться такой милой девушке в кроссовках и стройотрядовке, значит она нашла во мне что-то более серьезное и глубокое.

А ведь во мне столько исключительных качеств! Нет, конечно, много и плохих, но есть отдельные чувства, которыми в природе владею только я (например, моя любовь к природе, музыке, живописи, справедливости и гуманности, науке, да мало ли еще чего ...). Но как Она их распознала? Неужели и Она способна на такие тонкие чувства? Опьяненный внезапным



признанием, и удрученный затихающей мелодией танца, я отважился на новую дерзость:

— Вы знаете, у меня как-то не получилось с первого раза войти в танцевальную форму, по всей видимости, это Вы смутили меня своим волшебным изяществом и чарующими манерами, — сказал я первое, на что был способен от притупляющего сознание волнения, — быть может получится со второй попытки?

Но в этот момент музыка плавно угасла. И буквально тут же угасло и связанное с счастливыми мгновеньями волшебство. Моя звонкая фея одарила меня последней пленительной улыбкой:

— Очень может быть. Ведь здесь много изящных волшебниц.

С этими словами она сделала грациозный танцевальный комплемент, резко отошла к скамейке и приняла такое холодное выражение лица, что я тут же представил себя чукчей из анекдота, выходящим из относительно теплого холодильника на Северный Полюс. «Вот ведь, Снежная Королева!» — почему-то подумалось мне.

Почти со страданием я оглянулся на моего Сережку. Что за чудо? Он повеселел, и с оптимистической бодростью смотрел на меня. Пожалуй, таким мне его видеть приходилось очень редко. «Пусть так, но все же, мне друг дороже...» — вдруг стихами подумалось мне. Я вальяжно прошествовал до Демушкина:

— Вот тебе и доказательство для нашего спора: сначала сделал опрос общественного мнения, затем строил воздушные замки, потом «стоял под стрелой», а все же — остался жив!

— Ерунду городишь, в принципе, мой друг. Подумаешь, с тобой поиграли в кошки—мышки, — попытался остудить меня Сережка.

— Да пусть хоть и так! Не у каждого же «все танцы расписаны», — в запале бросил я.



Впрочем, я тут же устыдился своего дурацкого цинизма. «Кому это я говорю? Сережке Демушкину? Моему другу, повидавшему в жизни столько горестей и вынесшему столько скорби! Ведь он же пришел сюда только ради меня. Кошмар, какой же я эгоист!».



Однако, мой друг по общаге не дал мне до конца раскаяться:

— Не строй из себя непотопляемого поручика Ржевского, — с кислой миной почти выплюнул Сережка, — Может быть, я свое еще на белом танце наверстаю, корчишь тут из себя окурка в унитазе.

Как ни странно, именно эти теплые слова и нужны мне были сейчас, чтобы снова почувствовать себя так же независимо, как и неудобно, то есть почти так, как чувствовал я себя до непонятного волшебного танца.

И тут на наше с Демушкиным счастье наступила нечаянная но сразу сердечно воспринятая нами разрядка. Раздался шумный бесцеремонный





микрофонный вопль: «А сейчас-с-с!... (Раз, два, три, ...) Внимание! «. Молодой народ двух направлений разом встрепенулся и оцепенел.

Посреди площадки в позе крестьянки со статуи великой Мухиной стояла косметическая дама неопределенного возраста. Она сверкала глазами по млевшей после плавной мелодии публике и неистово раздувала ноздри.

— А сейчас конкурс! Внимание, конкурс! Товарищи студенты, товарищи курсанты, это не просто конкурс! Это *новый* конкурс! Мужчины, ну что же вы?! Есть тут еще рыцари? А ну-ка! — оглушала она всю Вселенную.

В тот момент я целиком и полностью рад бы был ощущать себя рыцарем и мужчиной, тем более, что возле моей недавней феи уже увивался какой-то долговязый курсант военного училища. Но вот беда, трудно было понять, что же именно сейчас нужно неумной хозяйке-затейнице. Судя по ее первым словам, кому-то нужна была помощь. Судя же по ее плутовской улыбке, помощь нужна была только ей самой. А это, как мне показалось, не входило в планы присутствующих мужчин и прочих рыцарей. Ожидание существа дела затягивалось. Но вот, очевидно, в слабом мозгу хозяйки бала что-то сконтачило, и она действительно объявила суть конкурса:



— Первый приз будет дан тому из вас, кто сможет быстрее надуть воздушный шарик.

И тут, к моему изумлению, и даже негодованию, первым на конкурс вызвался этот долговязый курсант.

«Ну что ж, Великий надуватель воздушных замков, Фей и шариков, сейчас я посмотрю на твою курсантскую душу» — подумалось мне.

Собственно, мысль была необыкновенно проста: я с детства неплохо плавал и имел хорошие навыки в гребле на веслах. А, как известно, эти виды спорта лучше всего развивают легкие спортсмена, что полностью было подтверждено последней медкомиссией, которую мне довелось проходить (впрочем, об этом будет отдельный разговор): мои легкие составляли шесть полных литров. Что же сейчас мог противопоставить мне этот тщедушный курсантик? Приняв скромный, но рыцарский вид, я робко подошел к хозяйке бала, опустил глаза долу и, пододвинувшись вплотную к долговязому, слегка толкнул его в плечо. Робкими глазами я показал ему на доходчивую комбинацию из пальцев, которая скромно выглядывала из моего кармана. Как оказалось впоследствии, это привело моего соперника в крайнюю ярость. Снаружи же это смотрелось более мирно — курсант почему-то покраснел и чуть не затрясся от злости. Публикой это было резонно воспринято как внутреннее сосредоточение надувателя шаров перед решающим стартом. Как ни странно, больше желающих участвовать в этом соревновании не было.

Косметическая дама, боясь потерять и нас, как добровольцев, быстро выдала по воздушному шару и громко скомандовала: «Начали!».





Я выдержал маленькую паузу, немного понаблюдав за тем, как судорожно, с необыкновенной скоростью, но очень маленькими порциями вдувания, долговязый начал трудиться над шариком. После чего набрал в легкие побольше воздуха и одним дыханием наполнил шар до приемлемых размеров, потом снова выдержал паузу, понаблюдав за тщетными усилиями курсанта, и повторил ту же процедуру, с той лишь разницей, что в конце шарик просто лопнул. Скромный, но достойный, стоял я перед публикой, рассчитывая на приз.

— Победитель выявлен! Ура! Ура! — едва не подпрыгивая, прокричала в микрофон хозяйка бала, а вот и приз! — сгорбившись, эта мымра покопалась в своей сумке и с цветущим видом достала от туда еще один шарик и протянула его мне.

Окружающая молодежь пришла в полный восторг! Каждый из них теперь ясно понимал, как правильно он сделал, что не вызвался на бестолковый конкурс. От души хохотала и моя бывшая фея. Для спасения чести мне незамедлительно нужно было найти достойный ответный трюк. И я его придумал. В мгновение ока, одним дыханием я наполнил и этот шар, и, на глазах у еще потешающуюся публики бабахнул его о микрофон удовлетворенной косметической дамы.

Стоит ли объяснять, взрыв какой силы услышала вся массовка, тут же резко замолчавшая и выполнившая непровольное приседание! Что бы смягчить произошедшее, я с извиняющимся лицом и едва скрываемой искренностью сказал:

— Ой, простите, пожалуйста, я нечаянно задел Ваш микрофон.



Однако, косметическая дама ничего не ответила. Стрельнула на меня очень противным, но как раз гармонирующим с ее имиджем взглядом, отошла от меня подальше и, почему-то дав петуха, крикнула:

— А напоследок Белый та-а-а-нец! Дамы приглашают кавалеров!

Слегка помедлив, с эстрады грянул фальшивый вальсок, чем-то неуловимо напоминавший траурные маршевые мелодии. Я отошел в сторонку, выискивая глазами Демушкина. О чудо, его нигде не было! И тут мне показалось, что нечто знакомое неуклюже кружится среди прочих вальсирующих.

Точно. Это был Сережка. Его вела в танце внушительных размеров дама, довольная и раскрасневшаяся. Мой друг, хоть и выглядел несколько бледновато в сравнении с ней, но держался гордо, как истинный кавалер. Он слегка касался рукой за бок своей партнерши, там, где обычно располагается талия и мелко семенил своими кедами по площадке, едва успевая угадывать очередное движение своей пассии. В то же время, партнерша, явно была чертовски опытна, поскольку намертво держала Демушкина в руках, не





давая ему споткнуться. Не скрою, если бы ни некоторая диспропорция в размерах танцующей пары, они смотрелись бы вполне недурно.

Я был так увлечен наблюдением за своим другом, что совсем позабыл, что меня самого так никто и не пригласил. Впрочем, после моей шикарной выходки, этого и следовало ожидать. Я дождался конца музыки и того момента, когда сережкина дама отпустила своего фаворита на волю, после чего с чувством глубокого облегчения мы вышли снова, наконец, в прохладную июньскую ночь, наполненную волнующим шелестом листвы и возбуждающим благоуханием первых летних цветов.

Разноцветная молодежь плавно разбрелась по аллеям и тропинкам парка, явно не торопясь возвращаться из сказочно-поэтического мира природы в мрачную прозу своих городских жилищ. Тусклые фонари уютно мерцали в разных частях парка, и полные светлой грусти звезды казалось, танцевали в ветвях старинных деревьев, как свечи озорных и беспечных эльфов.

По замедленной походке и молчанию своего спутника я понял, что поэтическое настроение не минуло и Сережку. И как тут было не вспомнить о нашей первоначальной цели: мы ведь решили завести романтическое знакомство! Обилие, так сказать, первоначального материала было налицо, девчата парами, тройками и в других небольших количествах буквально оккупировали городской парк. Кроме того, прохладный полумрак, пролившийся с ночного неба прямо на нас, позволял начисто забыть отдельные изъяны наших с Демушкиным «нарядов».



— Вот теперь, Серега, по-моему, самое время приступить к охоте. — сказал я, пытаясь придать своему голосу как можно больше интриги.

— Тебе что, мало еще? — попытался возразить любимец толстых танцовщиц, — Да и темно сейчас, не видно же ни редьки с хреном — натолкнешься на кикимор болотных.

— А ты не паникуй раньше времени. Кикиморы редко ходят парами, они предпочитают контрасты. Вон, взглядишь-ка хорошенько в ту парочку, что ты скажешь?

В это время как раз перед нами с боковой тропинки выплыли две изящных девицы. Платья у них были почти одинаковые — летние, легкие, без особых затей, с короткими рукавами и узенькими поясками, но очень уж ладно сидели они на девчатах. Отличие же было только в цвете. Одна была в розовом, другая — в кипельно-белом. Белая держала в руках веточку жасмина и плавно размахивала ей наподобие веера. Ростом объекты нашего внимания были также почти одинаковы и вполне подходящи для нас.

— Мне, в принципе, все равно. Пробуй, если приспичило. — Демушкин сказал это с глубоким безразличием. Но по глазам его уже было видно, что и им начинает овладевать мужское начало.



Мы прибавили шагу, и пройдя несколько метров синхронно с изящной парочкой на расстоянии трех-четырех шагов сзади, еле сдерживая волнительный грохот своих сердец, решительно рванулись в атаку.

Я взял инициативу на себя:

— Простите, очаровательные дамы, тут случайно не проезжал белый мерседес?

Казалось, девицы даже не заметили нас. Они даже не оглянулись, но как показалось, пошли немного медленнее. И тут, к моему ужасу, в мою тонкую атаку ввязался Демушкин, по-своему понимая стилистику общения со слабым полом.

— Девушки, а что вы тут делаете, а? — выпалил Сережка с игривой интонацией, граничащей с блатным «базаром».

Миловидные создания разом испуганно оглянулись и заметно прибавили ходу. Я не успел сообразить, что происходит, а мой друг уже начал развивать свою идею:

— Девушки, а куда вы *идете*, а?

Эту последнюю фразу наши избранницы, по-видимому, восприняли не как вопрос о конечном пункте их прогулки, а как вопрос: «Почему вы еще не бежите?». Они резко увеличили скорость, доказывая, что спортивная ходьба могла бы в их лице найти достойных спортсменов. И тут я предпринял все возможное.

— Да помолчи ты, серая личность! — Обратился я к Сережке.

— Девушки, не волнуйтесь! Мы обычные студенты. А мой необразованный друг, как Ломоносов, приехал из глухой деревни. Он еще не владеет этикой и эстетикой — мы это будем изучать на старших курсах. Не бойтесь нас. — Прокричал я срывающимся голосом.

Надо сказать, девчата вняли проникновенности моей речи и слегка сбавили темп спортивной ходьбы. С некоторым испугом они внимательно оглядели нас. И та, которая в белом, что была с веточкой, с недоверием спросила:

— А что это вы там говорили насчет мерседеса?

— Да, это не важно..., собственно, я спросил: «Не видели ли вы тут белого мерседеса? Только и всего.»

— Интересно, как же по этой узкой тропинке может проехать мерседес? — съязвила Розовая.

— Наверное, у этих рыцарей клячу так звали. — С презрением добавила Белая.

— Что вы, мы пока безлошадные. Но если бы вы знали, какие мы талантливые, у вас сразу отпали бы всякие сомнения в нашей привлекательности, — попытался я смягчить раздражение наших спутниц.

— В чем же эти таланты? — уже спокойнее и почти хором спросили они.



— Ну, например, мы очень мало едим, зато очень много работаем. Мой друг, кстати, познакомьтесь, его зовут Сергей, кроме того имеет первый разряд по шахматам. Я же умею писать стихи и играть на гитаре.

— Девушки, а вас как зовут, а? — снова включился в разговор Демушкин.

— Работайте над собой, молодые люди, может быть когда-то и узнаете — сказала Белая.

К сожалению, эти слова были произнесены уже на подходе к троллейбусной остановке.

— Считайте, что мы уже принялись за этот изнуряющий труд, — с интонациями угасающей надежды произнес я, — но как же нам удастся встретиться с вами, что бы это доказать?

Они уже входили в свой троллейбус, но прямо со ступеньки кто-то из них кокетливо крикнул:

— Мы на танцах почти каждую субботу бываем.

Ночной троллейбус, устало фыркнув дверями, медленно отчалил и неповоротливо покачиваясь на ухабах отечественного дорожного асфальта, скрылся за поворотом.

Мы с Серегой стояли в явной растерянности, совершенно не понимая, удался или нет наш опыт со знакомством.

И тут случилось то, что обязательно должно было случиться с нами, поскольку глумливая богиня неприятностей рано или поздно всегда находила Демушкина, даже если он прятался в городском лесопарке. Сказать по правде, первопричиной свалившихся на нас неприятностей был я, но под их раздачу удалось попасть нам обоим.

— Слышь, Рыжий, — раздался сзади нас прокуренный хрип, — это из-за этих, что ли, чудаков мы с тобой недавно чуть в штаны не наложили?



Оглянувшись, я увидел припьяноватую компанию из пяти малосимпатичных бугаев с тупыми помятыми рожами. Двое из них, причем один, действительно, рыжий, а другой — с волосами столь же неопределенными по цвету, как и по форме, с обезьянним любопытством приближались к нам.

— Точно, Дрюха! — сделал открытие Рыжий, — это вон тот, в кроссовках, шарики взрывал. У меня от него все барабанные палочки в башке лопнулись!

Мы не успели с Сережкой что-либо сообразить, как эти двое уже вплотную подошли к нам.

— Че, блин, в шарики любишь играть?! — заорал мне в лица лохматый и сходу двинул меня кулаком под глаз.

Не оценив критически обстановки, и частично еще пребывая в рыцарском настроении, я машинально сделал самое плохое, что мог — со



злостью влудил по скуле лохматому Дрюхе, который ошарашено выпучив глаза, застыл передо мной в недвижимом удивлении. Однако тут же, увидев краем глаза реакцию оставшейся компании, я попытался исправить свою ошибку и, крикнув Демушкину: «Быстро, делаем отсюда ноги!», первым стартовал дистанцию в направлении общаги.

К моему удивлению, Сережка совсем не сразу включился в дистанцию. С короткого разбега он резко ударил головой в живот Рыжего. Тот вдруг жалобно ахнул и присел на тротуар.

Восхитившись действиями моего товарища, я немного подождал его, и мы вместе рванули восвояси. «Стой! Гады! Щас уроем!»: закричали оставшиеся бугаи и рванулись за нами. Начало забега показало, что в спринтерской дистанции на первые места могли бы претендовать:

- 1) я сам (Российская Федерация);
- 2) Сергей Демушкин (Российская Федерация);
- 3) лохматый Дрюха (Страна Невоспитанных Глупцов);
- 4) остальные, беспорядочно растянувшиеся по дистанции.



Однако, по мере того, как дистанция превращалась в стайерскую, Сережка стал немного отставать, что неминуемо приближало встречу с лохматым. Поскольку повторный конфликт стал почти неизбежен, я, выровняв дыхание, слегка сбавил темп, поджидая Демушкина.



Это было сделано абсолютно вовремя. Лохматый уже замахнулся на бегу кулаком, чтобы влупить Сережке в затылок. Он изо всех сил ускорился, но ... не заметил того, что я остановился и, приняв упор на правую ногу, резко выбросил ему навстречу кулак. Это нужно было видеть со стороны: ноги Дрюхи сделали по инерции два шага вперед, в то время, как голова, остановленная моим кулаком стояла не месте. В силу такой динамики событий, преуспевший стайер подлетел над асфальтом и звонко грохнулся на спину. Как потом оказалось, он еще долго не хотел возобновлять соревнование.

В то же время, теперь я сам оказался в затруднительном положении, ведь мне пришлось стартовать заново, да еще со сбитым дыханием. Еще после двух минут бега, уже недалеко от общаги, произошло несколько совпадений:

- 1) Сережка добежал до угла общаги;
- 2) я догнал Сережку;
- 3) меня догнала отставшая было толпа;
- 4) было еще одно совпадение, о котором будет сказано далее.

Что же произошло? Да самое простое, то есть возникла сцепившаяся куча, в которой выделялись Сережка с Рыжим и я — с одним из бугаев компании. Нельзя сказать, чтобы мы с Демушкиным не отбивались, но перевес постепенно переходил на сторону превосходившего числом





неприятеля, и тут... А вот и четвертое совпадение: из за угла общаги вышел наш друг Мишка Катков. Здоровенные кулачищи его были безмятежно спрятаны в карманы летней куртки. Мишка некоторое время с любопытством вглядывался в суетящуюся толпу, пока не услышал сережкин срывающийся крик:

— Чего стоишь, увалень деревенский! Пособи хоть немного!

Мишка плавно изменил выражение лица на довольно свирепое, вытащил из карманов кулаки, и двинулся в кучу-малу. Тут же получив пару оплеух от превосходящего противника, он стал не спеша участвовать в драке. Выглядело это примерно так. Свой огромный кулак он сначала отводил как можно дальше за спину, для разгона, а затем, поворачиваясь всем корпусом, с угрожающим ревом обрушивал его куда получится.

Нельзя сказать, чтобы он часто куда-нибудь попадал. Но, справедливости ради сказать, если уж попадал, то это было понятно всем. Действительно, накал борьбы стал несколько стихать.

Полное же окончание схватки ознаменовалось появлением другого нашего товарища, Шуры Бадацкого, уже отдавшего свой долг Родине в морской пехоте.

— А, салаги? Становись в очередь! Сейчас буду в штабель закладывать! — радостно, по-молодецки крикнул он, как будто отдавал он команду.

Дальше было неинтересно. Сашка молниеносно нырнул в кучу и за секунду, как он выразился после, «вырубил» двоих наиболее докучливых бугаев. «Остальных щас буду ставить на колени!» — истошно заорал он. Впрочем, «остальные» и так плохо держались на ногах и разбежались в меру оставшихся сил.

— Пошли, мужики, домой, быстро, — скомандовал нам Бадацкий, — вахтерша милицию вызвала!

Еле—еле мы успели скрыться в общаге. Вскоре, действительно подкатил милицейский наряд и побросал некоторых, не успевших очухаться, бугаев в машину. Последним, угодившим в руки милиционеров, был лохматый Дрюха, который, видимо недавно очухавшись от пережитого столкновения с моим кулаком, как раз подоспел к месту происшествия в тот момент, когда приехала патрульная машина.

Осмеиваемые колкими шуточками Шуры Бадацкого, мы с Серегой уныло сидели на своих койках, прикладывая к синякам холодное и зализывая разбитые пальцы.

— Ну что, строитель воздушных замков и сапер воздушных шариков? — прошепелявил сквозь развороченную губу Демушкин, с усмешкой кивнув на меня, — говорили тебе: «Не стой под стрелой!».

Перед сном мы мирно все вместе пили чай, не обращая внимание на взглядывающиеся в нас из законной темноты ветви старых пьяно пошатывающихся тополей.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРАКТИКЕ

Лето. Его радостный, полный мечтательных веяний и томительных надежд звенящий голос слышится студентам уже ранней весной. Первый же подтаявший с солнечной стороны и блестящий плавящимися грязноватыми льдинками сугроб вызывает ту трепетную бурю чувств, которая за какие-нибудь секунды заставляет вспомнить все самое счастливое в прошлом и намечтать наперед еще более удивительное ближайшее будущее.



Тут же представляются вот-вот готовые пробиться, слившиеся из неизвестных улочек и пригорков маленькие мимолетные шедевры природы — все оживляющие ручьи, на которых в детстве мы строили исполинские запруды и, внезапно порушив их, неслись галдежной оравой за мощным выплеснувшимся водяным потоком. Тут же видятся первые бархатистые лесные подснежники, неподвижно застывшие на короткой пушистой ножке, грациозно несущей благоухающий нежно—кремового цвета бутон.

А вот уж чудится сбивающийся стрекозий стрекот и флегматично—деловитое жужжание шмеля и, глядя в голубеющее небо, очень просто представить себе его над Окою, а стены освещенных солнцем домов принять за крутые ласточковые берега. Кажется, что вот сейчас опустишь голову, а поплавок уже закачался, пуская по воде кривые дрожащие круги, и душа замирает в предчувствии трепещущего серебристого улова.

Когда же наяву опускаешь голову, оказываешься все у того же подтаявшего сугроба. Но настроение уже поднялось, и неизбежность лета, которая представлялась весьма маловероятной в зимний период студенческой учебы, становится очевидной и очень приятной. Однако эта очевидность, отчасти подтверждаемая листками отрывного календаря в студенческой общаге, понемногу угасает, и уже за неделю до конца летней сессии снова кажется маловероятной. Ностальгически томительно и нудно тянутся эти последние дни.

Но, как вы, наверное, уже догадались, сессия все-таки заканчивается и приходит настоящее лето. Что же делают студенты летом после сессии? Догадайтесь с трех раз.

- 1) Едут на каникулы? — Ну—ну.

- 
- 
- 2) Отправляются в стройотряд? —Уже ближе.
 - 3) Тогда еще что-нибудь. – Теперь совершенно верно.

Студенты проходят учебную и производственную практику. Это уже не учеба, но пока еще и не каникулы. Четыре часа работы на каком-нибудь предприятии и горы свободного времени, которое любой студент с радостью употребил бы на ту же самую работу днем и ночью, лишь бы быстрее отработать эту повинность, придуманную навеки кем-то очень грамотным и заботливым.



Начало этого лета и связанный с ним фрагмент нашей студенческой жизни мы посвятили местному Станкостроительному заводу, который с распростертыми объятиями принял нас на период компьютерной практики. Предприятие это стояло на самой городской окраине, утопая в высоченных трубах, устойчивой производственной пыли и потрескавшихся стенах кирпичного заводского забора. Зеленые насаждения обильно наполняли внутреннюю территорию предприятия и так же, как и сам завод, утопали в признаках развивающейся урбанизации.

Видимо, именно поэтому каждый из студентов, впервые перешагнувший порог проходной, тут же хотел крикнуть что-то вроде: «Тону-у-у!», и инстинктивно цеплялся за турникет в надежде быстрее покинуть гордость Российской индустрии. Но не тут-то было! Волны рабочего люда уже поднажали сзади, торопясь на благородный (и потому низкооплачиваемый) труд. Они уже плотно обтекли растерявшегося студента слева и справа и понесли вместе с собой к его недалекому светлому будущему.

В едином душевном порыве, миновав десятую часть морской мили, народные волны внезапно растекаются по витиеватым руслам отлаженной производственной машины. Студент, постоянно выпрашивая дорогу, делая круг за кругом по незнакомой местности, все ближе и ближе продвигается к инженерному корпусу.

В последствии, ему этот корпус уже легко будет распознать по нескольким железным дверям, судя по надписи на которых, ведущим в одно и то же место. На всех дверях написано одно и то же: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЕН!». Испытав некоторую зависть к этим самым «ПОСТОРОННИМ», студент все же дергает на себя ручку одной из дверей, попадая сразу в тесноватый вестибюль, где его ожидает некоторое облегчение. Его ожидают сокурсники, коротая время за эмоциональными рассказами о своих воскресных приключениях. Таким вот образом нам предстоит теперь начинать каждый наш будний день в течение месяца.

Нас делят на мелкие группы человека по три-четыре и разводят по инженерным отделам. Мы с Мишкой и Сережкой держимся вместе и поэтому попадаем в один отдел с многообещающим названием: «Отдел



автоматизации управления производством». Он располагается на четвертом этаже и из его окон смутно видны призрачные лесные дали, простершиеся по всему горизонту и начинающиеся где-то за рекой.



К окну так и хочется подойти вплотную, чтобы полнее и отчетливее вызвать в своей душе иллюзии грядущих каникул. Однако, у самого окна значительно лучше просматривается перспектива всего Станкозавода в его кипучей деятельности на благо честного люда. И тогда, невольно обращаясь к остаткам доставшейся нам с младенчества совести, вы неунывающе размениваете одну большую и чистую иллюзию на грязную кучку предстоящей работы. Из соседнего зала доносится бодрый шум ЭВМ, а у вас над ухом — гнусавый понукающий голос начальника.



Настоящий руководитель должен обязательно быть лысым и упитанным, желательного среднего, а еще лучше, низкого роста. Носу начальника надлежит быть большим. Что касается формы носа, она целиком определяется изначальным вероисповеданием его (начальника) предков и легко может быть представлена себе самим читателем. Брови нужно иметь по возможности лохматые, а уши — несимметричные. Многие социологи утверждают, что у всех индивидов руководящего склада волосатые руки. Ну что же, очень может быть.

Так вот. Начальник, обладающий портретным сходством с описанным типовым образцом, будет всегда вызывать доверие у подчиненных и у собственного начальства. Если аккуратно и правильно с ним обращаться, то он прослужит долго и принесет обществу немало незабываемых минут.

Как вы уже догадываетесь, нам достался прекрасный образец типового начальника, так что остается сообщить только его рабочее наименование. Звали его Адиль Рахманович Мирзоев или, сокращенно, АРМ. Для незнакомых с нашей технологической терминологией поясню, что приблизительно такую же аббревиатуру расшифровывают как Автоматизированное Рабочее Место. Наш АРМ почти никогда не вставал из за своего стола, и очень трудно было сказать, какое именно место у *него самого* было наиболее рабочим.

Для помощи начальнику не выходить из за стола была предназначена секретарша. Она была голубоглазой блондинкой возраста вечной молодости, носила обязательную короткую юбку и тонкие высокие каблуки и всегда была намакияжена в стиле что-то между Бриджит Бордо и Юрием Никулиным. Стиль же ее одежды можно было бы охарактеризовать словами «сойдет и так». Дело в том, что одежда секретарши была вся одного цвета: и кофточка, и юбка и туфли все одновременно были или только красные или только зеленые, или же только белые. Маленьким нюансом этого стиля было то, что один и тот же цвет был не одним и тем же. Вернее не совсем одним и тем же. Кофточка, например, была красно-розовой, юбка





— красно-бурой, а туфли — красно-сиреневыми. Такой манер «обмундирования» вызывал у рассматривавших красавицу некоторое подобие ряби в глазах и приводил к смутным догадкам о дальтонизме нашего начальника.

Впрочем, вот он, наш начальник, как обычно, сидит за столом, долго и неопределенно покачивает головой, как бы оценивая знания и возможности практикантов сразу по внешнему виду и, видимо, узнав нас таким образом еще не до конца, решает уточнить:

— Ну-с, ребятки, практиканты, что умеем делать?

— Смотря что нужно, — пожимает плечами Демушкин.

— А нам все нужно, — надменно продолжает оценивать нас АРМ, и переходит к длительной паузе.

Не сразу поняв, что он ждет от нас каких-то слов, я беру инициативу в свои руки:

— В таком случае, например, вот — Сергей Борисович Демушкин, он неплохо танцует, Михаил Александрович Катков прекрасно готовит и мастерит книжные полки. Что касается меня, я — прирожденный руководитель.

— Прекрасно, прекрасно, — задумчиво растягивает слова наш начальник, — плохо только, что все это у нас уже есть, а вот бездельники нам не нужны.

Мишка, самый ответственный из нас, трепетно краснеет и начинает сразу за всех оправдываться:

— Да нет, вы нас неправильно поняли. Мы — программисты. Можем работать на компьютерах, писать программы, устанавливать и налаживать новые автоматизированные системы, ну и так далее...

— И так далее, и так далее, — вдруг неожиданно встает и начинает прохаживаться туда-сюда по кабинету АРМ, — изредка замолкая и снова повторяя, — да, ..., и так далее, и так далее.



Эти его слова начинают в наших головах исподволь приобретать весьма определенный смысл. Нам уже представляется рутинный беспросветный труд по перетаскиванию мебели, мытью окон и полов, подметанию складских помещений, покраске труб и батарей, и так далее, и так далее...

Ну нет уж, думается мне, нельзя нашему начальнику давать время долго раздумывать на такие нелепые темы.

— Знаете, Адиль Рахманович, — пытаюсь я перебить его мысли, — лучше все-таки, если бы мы занялись программированием. В ВУЗе у нас это неплохо получалось. В конце концов, Вы можете нас протестировать или испытать.

— Вот как? — вскидывает на меня косматые брови АРМ, — а как же ваша руководящая работа?

— Займусь попозже, — беру я отступного, — в свободное время.



— Ну, вот и чудненько. Главное, чтобы вы, молодые люди, были готовы заниматься в рабочее время делом.

С этими словами наш начальник подвел нас к компьютеру и вкратце ознакомил с будущей работой.

Работа показалась нам сложной но вполне выполнимой. Нам предстояло разработать программу справочного характера. Это должна была быть эдакая электронная записная книжка, содержащая все возможные сведения о сотрудниках инженерного корпуса завода. Надо было сделать так, чтобы она была красочной, работала одновременно на всех дисплеях компьютера, причем разнообразные вопросы к ней нужно было задавать с экрана дисплея.

Сложность заключалась в том, что техника в отделе была предельно старой, а дисплеи — новыми, и как работать с ними, пока никто не знал. Другой особенностью было то, что вся документация по дисплеям была на английском языке и все, что компьютер говорил о своей работе сам, тоже выводилось по-английски.



Однако, наш юношеский оптимизм не признавал трудностей, и мы полностью посвятили себя интересной работе. День за днем, шаг за шагом, нажатие за нажатием компьютерных клавиш проникали мы в тайны зарубежной техники. Уже через неделю нами была составлена довольно объемная программа, которая начинала что-то делать на экране, вызывая кучу невиданных эффектов: экран то гас, то вспыхивал ярче, чем обычно, то писал множество английских слов с неуловимым даже для бывалых англичан синтаксисом.



Каждый новый раз программа удивляла всех сотрудников отдела новыми эффектами. Правда, к ее чести следует сказать, что была в ней и определенная стабильность, — после пяти минут работы программа прекращала свою титаническую деятельность, приводя к полному отключению всех остальных программ компьютера. Отключение было фатальным, так как после него компьютер нужно было выключать из сети.

К слову сказать, в это время почему-то отдел начинало немного лихорадить. Сотрудники еле-еле справлялись со своими работами, но очень живо интересовались нашей работой. Когда мы садились за дисплей, они нервно вздрагивали и хором начинали кричать:

— Ребята, студенты, не запускайте пока свою программу, мне осталось доделать совсем немножко!

Мы понимали, что всем интересно посмотреть на наши результаты и некоторое время любезно соглашались подождать. В то же время, мы не могли ожидать слишком долго этих вяло работающих инженеров. В конце концов, у нас самих было серьезное и ответственное задание АРМа. Когда наше терпение заканчивалось, мы все-таки запускали свою программу, понимая, что вряд ли дождемся, когда остальные сотрудники соберутся





смотреть, что у нас получилось. Может быть они не так уж и интересуются нашими успехами, а только делают соперезживающий вид?

Через несколько минут, когда у нас программа останавливалась в очередной раз со стабильным результатом, мы убеждались, что интерес у наших коллег был все-таки искренним. Они начинали вскакивать с мест, нервно хлопать себя по коленкам, а иногда даже вцепляться руками себе в волосы: «А, черт!», «Вот гадость!», «Чтоб их разорвало!» — на разные лады кричали они. «Четыре часа работал, двух минут не хватило!», «Вот жалко-то!», «Опять не успел!» и т.п. После всех проклятий они сбегались к нам, но смотреть уже нечего, программа закончилась, и следующий раз мы можем их побаловать новым запуском лишь после полного выключения всего компьютера.

Сделав грустные и сочувственные лица, мы извиняемся перед инженерами и заявляем со встречным упреком:

— Послушайте, но, если честно, вы возились очень долго. Сколько вас можно ждать? У нас тоже время и нервы не резиновые! Нам тоже нужно сделать быстрее. вспомните себя студентами, как быть с зачетом по практике?

Благо инженеры — народ отходчивый, и прекрасно помнящий свои собственные студенческие годы. Они разочарованно качают головами и мрачно ухмыляясь начинают расходиться:

— Предупреждайте в следующий раз, когда будете стартовать свою бомбу! — почти с обидой выговаривают они.

— Вот уж тоже, обида, — говорим мы друг другу, — подумаешь, в следующий раз успеют посмотреть, мы тут не последний день. Да, в конце концов, и показывать-то нам пока еще нечего. Вот сделаем сейчас несколько исправлений, тогда будет совсем другое дело.

Так постепенно проходят дни. Мы мало-помалу движемся к своей цели, доводя программу до чего-то более достойного. Пока Демушкин с Катковым возьмется с основной частью, я пытаюсь научить компьютер русскому языку, медленно, но бесповоротно приходя к выводу, что это невозможно. Система построена так, что все свои сообщения может выдавать только латинскими буквами.

И тут я делаю маленькую шутку. Она заключается в том, что выписав все латинские буквы, можно получить достаточное их количество, совпадающее по написанию с кириллицей, для выражения почти любой мысли на русском языке. Мне удастся составить небольшой словарик, в границах которого я теперь пишу различные сообщения на дисплей. Апофеозом этой деятельности становится двустистишье, показавшееся с моей помощью у всех наших коллег на экранах:

В ОСЕННЕМ ВЕТРЕ СТОИТ ОСОКА.

ВОРОНАМ ТОСКА, А СОРОКАМ — МОРОКА.

Не поняв сразу, что к чему, технический персонал бросается ко мне, поздравляя с открытием. Я скромно принимаю поздравления и целый день хожу великим ученым. Слава обо мне расходуется по всему инженерному корпусу, пока не доходит до мастеров экстракласса из отдела разработки сложных систем. Там работают с утра и задерживаются до ночи. Там любят делать ювелирные системы и поговорку «С этой чертовой работой всю пьянку забросишь». Там легко раскусываются самые крепкие орешки. Оттуда почти сразу приходит компьютерное сообщение:

СРАМ ОТРОКАМ! КАКОЕ ХАМСТВО!
КАК ВАМ НЕ СОВЕСТНО?!
НЕ^ОНОСОК, &O^ВАН! №;%%*+, *678, 6544, #%% !!!

Эта доходчивая фраза моментально сказала на рейтинге моей популярности. Мало того, у меня состоялся нелицеприятный разговор с АРМом, предупредившим, что мой зачет по практике теперь всецело зависит от реального результата всей нашей рабочей группы.

Мое предложение, тем не менее, укоренилось в трудовом коллективе, который стал использовать изобретенную уловку с известным названием «транслитерация», давая ностальгические русскоязычные названия своим программам. Там было много разного, например: «РЕКА», «МОРЕ», «ОСЕТР», «НЕРЕСТ» и т.п.



Как оказалось позже, мастера из отдела разработки сложных систем позже тоже заразились этим глупым увлечением и по вечерам их программы стартовали под именами: «КРАСНОЕ», «СТАРКА», «ОХОТА СНОВА». Такие названия отчасти прояснили взгляды сотрудников элитного отдела на оригинальный досуг и направление их хобби.

Эта прозрачная идея была правильно понята и нами, практикантами, справедливо рассудившими, что к вечеру мастера становятся более веселыми и общительными. Именно вечерами нам удавалось выведать у них некоторые тонкости компьютерных технологий, существенно поспособствовавших нам в завершении нашей суперпрограммы.

Но вот и окончена наша работа. Следуя заведенной традиции, программа была названа мной безобидным словом «ТАРАКАН».

Мы продемонстрировали свое детище АРМу и всему отделу, после чего заслуженно получили свои зачеты по практике.

Прощались почти со слезами. Причем у нас это были слезы грусти, а у сотрудников отдела они смахивали скорее на слезы счастья. Хотя подлинное счастье теперь ждало только нас, ведь впереди было то самое вожденное



время, о котором каждый студент мечтает, начиная с 1-го сентября, а именно — каникулы!

Post Scriptum

Некоторое время спустя я случайно встретил АРМа.

— Да. Подвел ты меня тогда, практикант, — высказал он мне с обидой.

— Что Вы, Адиль Рахманович! Неужели наша программа не работает? — ужаснулся я.

— Да нет, все работает. Беда была в другом. Все случилось, когда мы сдавали программу комиссии. Представляешь, первое, что увидел ее председатель на экране компьютера, были крупно написанные слова: «СТАРТ ТАРАКАНА».

— Тут нет ничего страшного, Адиль Рахманович, это просто название нашей программы, — попытался успокоить я АРМа.

— Это было всем понятно, но тогда случайно оказалось, что ее председателя по фамилии звали Тараканов. Можешь теперь вообразить его дальнейшую реакцию. В общем, студентов я больше на практику не беру! — свирепо прорычал он и, махнув с досадой рукой, отправился по своим делам.







ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ НА ВАС УПАЛА АТОМНАЯ БОМБА (несколько слов о собственном опыте)

Играть со спичками — это все равно, что играть с огнем. Игра с более серьезным оружием, например, с гранатой ставит вопрос о результатах такой игры на грань жизни и смерти. Когда же вы стали свидетелем взрыва атомной бомбы, это вовсе влечет целую кучу всяческих неприятностей. Если у читателя есть по этому поводу какие-либо сомнения, я сейчас же поспешу их развеять. Чтобы не быть голословным, мне придется привести конкретный пример с подобием такого взрыва, участником которого пришлось стать нам, студентам.

Собственно говоря, настоящей бомбы, конечно, не было, была простая учебная тревога. Однако, ужасающие последствия даже такого, ненастоящего взрыва были для нашего вуза вполне реальными и запомнившимися всем довольно надолго. А получилось так только потому, что собственно взрыва все ожидали на час позже. Вот как все это происходило.

Это был один из обычных апрельских дней, последний понедельник месяца. Серые, сырые, непрерывные, как черная судьба, и очень мрачные тучи душили город. Они медленно волоклись, значительно ниже, чем небо. Задевая крыши стареньких домиков, стесывая и кромсая их углы, они скрывали полностью большие новые здания, в которых поселился непонятный народ. Тускло и безжизненно вглядывались студенты в



беспросветное темное небо. Каторга, вечная роковая лодка, несла их от теплого уснувшего муравейника в нелепую пучину непонятности и тоски.

В самую пору было бы завывать на луну. Да разве среди таких облаков ее найдешь? Тем более, что об это время было уже 7.30 по местному времени. Правда, вот тут уж как кому, ведь все это происходило после одного из первых в нашей стране переходов на летнее время. Часы должны были быть переведены на один час вперед в воскресенье. В нашем институте всеми часами управляли вахтеры центральной проходной главного корпуса.



В литературе есть немало свидетельств тому, что представляет собой типовой вахтер. Общий образ вахтера аналогичен чему-то вроде генерала в отставке. Это, как правило, пожилой человек, который уже не пользуется былой славой и почитанием, но остается до абсурда пунктуальным и исполнительным для начальства, остальными же ему самому все время хочется командовать. Именно поэтому нет ничего странного в том, что приказ проректора по режиму о переводе часов на летнее время каждый из вахтеров относил именно к себе. Вот почему получилось так, что часы в институте были переведены не один, а целых два раза назад! Один раз часы были переведены вахтером, сдававшим смену в субботу, другой раз — вахтером, заступившим на свой ответственный пост утром в понедельник.

Ничего не подозревавшие студенты, впрочем, как и преподаватели, неровными рядами подходили к проходной и постепенно заполняли институтские аудитории. Поскольку электронные часы, которые висели в каждом закоулке вузовских коридоров, в большинстве своем и раньше показывали то время, которое хотелось сейчас иметь им самим, ни у кого не возникло никаких подозрений по поводу смекалистой вахтерской проделки.

Сами вахтеры — люди мало чему удивляющиеся, тоже не выразили ни малейших волнений по поводу того, что учебный процесс начался как-то сам по себе, даже без звонков (что было тоже прерогативой вахтеров) на час раньше, чем положено по расписанию. «Значит, так надо,» — думали про себя вахтеры.

И все бы ничего, и, наверное, эта ошибка во времени совсем осталась бы незамеченной, не случись в этот день еще одного очень важного обстоятельства. Оказалось, что именно на этот день администрация вуза запланировала взрыв атомной бомбы. Конечно, самого взрыва быть не могло, поскольку у администрации просто не было самой бомбы. Толи ее не удалось достать, толи по соображениям гуманизма, но взрыв планировался неинтересный, так сказать, абстрактный.

Другое дело, что сотрудники и студенты должны были его воспринимать по настоящему, в соответствии с чем нужно было в установленное для взрыва время всем покинуть аудитории, организованно



спуститься в подвал, играющий роль убежища и, при необходимости, усладить свое дыхание облачением в противогазы.

По мнению администрации, все эти действия должны были научить нас поведению на ближайшее будущее, когда, наконец, будет взорвана настоящая атомная бомба. Для того же, чтоб, хоть и абстрактный, но все-таки взрыв, не прошел даром, в институт были приглашены представители областного и городского начальства, отвечающие за гражданскую оборонуверяемого им на критический момент времени населения.

Начальство должно было воочию убедиться в ужасах грядущей атомной катастрофы и заодно увериться в организованности и стойкости передовой отечественной молодежи.

Забегая чуточку вперед, должен сказать, что им действительно удалось кое в чем убедиться, причем больше всего как раз в первом, то есть в ужасах катастрофы. Как читатель, вероятно уже догадывается, все предпосылки для этого уже были обеспечены нашими мужественными вахтерами.



Начало кошмарных событий должно было знаменоваться длинным тревожным, но в то же время оглушительным звонком сложной ритмической конфигурации по всему институту. Звонок должен быть подан «в час X» с центральной проходной вахтером Степаном Семеновичем, весьма кстати, действительно отставным артиллеристом.

Ужас ядерной катастрофы был обеспечен Степаном Семеновичем за счет фактора внезапности, ведь все внутривузовские службы гражданской обороны были уведомлены о начале военных действий весьма вероятного противника только ровно с 10-00 утра (время московское). Другое дело, что ни студенты, ни преподаватели этого часа по соображениям строжайшей секретности, без сомнения, знать не могли. Хотя, как нужно действовать в таких случаях, все в большей или меньшей степени знали. Знали также, что бомба будет взорвана именно сегодня.

Студенты скучали на лекциях и лабораторных работах в томительном ожидании вожделенной атомной катастрофы, и вдруг ... свершилось!

Вероломная вражеская атака наступила внезапно, как смерть, ровно в 9-00 утра (время московское), что соответствовало 10-00 утра (время институтское) по собственным часам Степана Семеновича. То длинные, то короткие сигналы вузовских звонков взревели оглушительно и зловеще, не давая возможности кому-либо стоять в нерешительности и возвещая о невероятном чудовищном катаклизме.

Никто из организаторов боевых учений из служб гражданской обороны, вполне естественно, не был готов к такому циничному повороту событий. По растерянными лицам преподавателей и отсутствию какой бы то ни было организации студенты вдруг поняли ужас создавшейся обстановки. Стало ясно, что спастись каждый должен самостоятельно, тем более, что умелые



действия каждого могли положительно сказаться на его оценке по дисциплинам «Безопасность жизнедеятельности» и «Гражданская оборона», так как преподаватели этих предметов и должны были контролировать развитие вселенской катастрофы.

По институтскому радио были продублированы тревожные сигналы. Голос нашего штатного диктора звучал надрывно, проникая в самую душу каждого из подвергшихся внезапному нападению: «Внимание, тревога! Внимание тревога! Всем немедленно спуститься в убежище! Всем немедленно спуститься в убежище!»

Что тут началось! Мне и моим товарищам впервые довелось увидеть кошмары ядерной войны и даже в меру своих способностей поучаствовать в них. Побросав сумки и тетради с конспектами, мы стремительно рванулись к выходу из аудитории.

Вместе с тем, нужно было отдать должное и нашей выдержке. В жутких условиях взрыва мы не только сохранили внутреннее самообладание (хотя, в данном случае это скорее было самообалдение), но и присущее всем студентам чувство юмора.

— Спасайся, кто может! — кричал кто-то.

— Старики и дети — вперед! — возражали другие.

— Ура! — не придумав ничего лучшего, орали третьи.

Кто-то тихо напевал известное «Вставай, страна огромная!», но почему-то на мотив другой не менее известной песни «В лесу родилась елочка».

Только выскочив из аудитории, мы осознали некоторую безысходность своего положения. Оказалось, что так же, как и мы, поступили абсолютно все студенты всех курсов. Наступило просто неописуемое столпотворение.

Двери узких коридоров почти срывались с петель, стеклянные двери буфетов в одно мгновение превратились в мелкую хрустящую крошку. Кафедральные стенды трещали и ломались под напором людской массы. Под ноги спасающейся толпе летели обрывки мелких деталей одежды, отдельные фрагменты конспектов, мелкая бижутерия и прочий хлам.

Вопреки первоначальному нашему недоверию ко всякого рода подобным учениям на этот раз все было очень правдоподобно. Действительно, кто же будет сожалеть о потерянном конспекте или каких-то дешевых бусах, когда речь идет о жизни и смерти. Впрочем, в такой давке жалеть о чем бы то ни было оказалось просто невозможным. Людская масса двигалась сама по себе. Становилось ясно, что от каждой отдельной личности теперь уже ничего не зависит. Видимо, в силу вступили новые законы социума, которые до сих пор почти игнорировались нами при изучении философии.

То тут, то там раздавались мольбы о помощи:

— Ребята, это же не настоящий взрыв, куда вы все так спешите?



— Да стойте же, а то сейчас будут настоящие жертвы!

— Бараны! Ваш вожак уже попал под поезд!

Ну, и так далее... Конечно же, возгласы эти не могли возыметь никакого воздействия. После получасовой борьбы за жизнь фактически весь контингент вуза уже был в спасительном подвале.

Как стало известно позже, наши представители гражданской обороны сразу заметили досадную ошибку во времени боевых действий, открытых вахтером Степаном Семеновичем. Все они сразу бросились в коридоры выправлять положение, но увлекаемые неуправляемой студенческой толпой были через силу увлечены в убежище.

В подвале было не менее страшно. Тесный, с низкими потолками и редкими тусклыми лампочками, он напоминал нечто среднее между тюремными застенками и братской могилой. Особенно плохо было тем, кто вбежал в него первым, так как по неумолимой логике вещей, он мог покинуть убежище только последним. Вот когда мы все осознали свою ошибку.

Стоя вплотную друг к другу мы подсчитывали свои убытки. Лично у меня был оторван рукав пиджака, потеряна пуговица и болезненно ныло в правом боку. В этом смысле я очень легко отделался. Например, значительно хуже было стоявшей рядом миловидной девушке в зеленом платье. Она потеряла каблук от новых туфель, осталась без сумочки с документами и тихо всхлипывала, держа в дрожащей руке чудом спасенную золоченую оправу с потрескавшимися стеклами. Эх, кто только придумал эту войну! Успокаивала лишь одна мысль: «хорошо еще, что у нас нет детей».

Тем не менее, рано или поздно всему приходит конец (как говорил пьяный гусар, допивая бутылку «Бордо»). Угодившие нечаянно в подвал организаторы катастрофы стали понемногу приходить в себя.



— Прекратить панику! Немедленно дать команду «Отбой!» Пропустите нас к выходу! — кричали они.

Стоит ли говорить о том, что пробиться к выходу у них почему-то не получалось. Пыхтя и толкаясь локтями, они мужественно в течение долгих минут преодолевали сантиметр за сантиметром, стремясь выйти в зону повышенной радиации. В конце отчаявшись, они стали вопить:

— Отбой тревоги! Отбой! Всем разойтись по аудиториям!

Только тогда страждущий люд начал приободряться и постепенно выходить из мрачного заточения. Неунывающий народ — студенты, снова глядел на жизнь весело и начал расходиться декламируя злободневные военные лозунги.

Не менее удивительными события этого рокового дня представились и областному начальству, прибывшему в институт несколько позже зловещей катастрофы. Первым, что бросалось в глаза, была гробовая тишина и



отсутствие хоть какой-то живности. Вместо вузовской администрации их встречал строгий, стоявший навытяжку вахтер Степан Семенович, впрочем, беспрепятственно пропустивший важных персон для ознакомления с ходом учений. Аудитории и коридоры института пустовали.

Но, в то же время, везде царил беспрецедентный хаос. Битое стекло, сорванные учебные стенды, обрывки бумаги и разные прочие предметы были разбросаны так искусно, что у комиссии возникло подозрение: а не было ли у институтской администрации реальной бомбы? Кто-то из проверяющих саркастически пошутил:

— Что, взрыв уже произошел?

— Так точно! — вдруг громко отрапортовал за спиной комиссии Степан Семенович, — почти уже час назад.

— Да как же так, ведь еще нет 10-00.

Тут-то и выяснилось досадное недоразумение с переводом часов. Члены комиссии не успели еще как следует возмутиться плохой организацией дела, как увидели новые беспорядки.

Из подвала выбежал жутко помятый и прихрамывающий заместитель начальника гражданской обороны вуза и начал было оправдываться, но это оказалось бессмысленным. Из подвала стали появляться не менее мятые и оборванные студенты, страшно ругающиеся и выкрикивающие разнообразные лозунги примерно следующего содержания.

«Требуем оградить нас от вероятных грязных инсинуаций вероятного противника!»

«Условному противнику — условную смерть!»

«Позор вероятному противнику, подло взорвавшему учебную атомную бомбу у стен лучшего вуза нашей Родины!»

«В ответ на условную агрессию ответим условными взрывами во всех штатах вероятного противника!»

«Каждому гражданину Родины по индивидуальному условному общевоинскому защитному комплекту!»

И почти неуместное: «Мойте руки перед едой и после атомной катастрофы!»

Последними покидали подвал самые изможденные и более всех пострадавшие учащиеся. Хромая и покачиваясь, они нестройно пели:



«Наверх, вы, товарищи,

Все по местам. Последний парад наступает!

Врагу не сдастся наш гордый «Варяг».

Пощады никто не желает».

Эти слова были обращены к Степану Семеновичу, пристыжено опускавшему глаза, и изредка обескуражено почесывавшему затылок.





Не упустил своего шанса высказаться и я. Глядя в глаза одному из представителей областного начальства, я гордо декламировал:

— Напрасно ждал Наполеон, последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной...

В глазах комиссии все показалось настолько реальным, что все ее члены застыли с широко раскрытыми глазами, буквально остолбенев. Что там у них было дальше, нам, естественно, неизвестно. А мы, студенты, надолго запомнили этот черный день своей жизни.

Да, и кто только придумал эту проклятую войну!





ДОЖДЬ И ГРЯЗЬ, А МЫ НА ЛЫЖАХ

На третьем курсе мы уже справедливо считали себя состоявшимися, умудренными опытом студентами. Уже был сдан сопромат. Приближалась весна. Вернее, весна уже стояла на дворе, то есть на улице всюду разгуливал нелепый ветренник март, но снега и холода пока было достаточно, чтобы ждать весны настоящей. С ее приходом оканчивался один из важных этапов наших мучений — физкультура. Это вовсе не означает, что мы ее не любили. Сказать же, что студентам нашей группы не нравился этот предмет — это значит вообще ничего не сказать. Мы его просто ненавидели. Я уже вижу, что при этих словах у читателя на лице застывает немой вопрос, граничащий с презрением.

Однако не торопитесь делать поспешные умозаключения.

Кто же не любит футбол, волейбол, да и многое-многое другое, что дает расслабление утомленным от лекций нервам и привносит в молодое мускулистое тело здоровый и бодрый дух?

В нашем случае дело было совсем в другом. Мы не любили не столько физкультуру, сколько ее преподавателя. Человека недалекого, злобного и во всех отношениях нелепого. Даже его имя, Петр Петрович Блохин, которое могло бы сделать честь многим достойным людям, казалось, соответствовало полностью его внутренней сути, как по форме, так и по содержанию. Он был маленький, черненький, в вечном лыжном костюме 1930-ых годов с теплым начесом. При всей своей внешней костлявости,



сутулости и скукоженности Петр Петрович был на редкость надоедливый и вредный.

Вот почему, когда другие группы занимались волейболом или стрельбой, гоняли мяч или разучивали приемы классической борьбы, мы занимались исключительно лыжными кроссами. Все занятие было рассчитано на два часа, и эти часы чаще всего были посвящены изнурительному многокилометровому пробегу на лыжах. «Ну а почему бы не побегать на лыжах?» — спросите вы. И я полностью с вами соглашусь. Но согласитесь и вы, совсем другое дело, когда бежать нужно на время, и это время должно каждый раз улучшаться.

Кроме того, если по каким-либо даже не зависящим от спортсмена причинам, он не сдает норматив, скажем, третьего разряда, то попросту лишается зачета на текущее занятие. Три таких незачета ведут к незачету по предмету в период сессии и ставят неудачника перед необходимостью обработки дистанций во внеурочное время. А это уже целая беда.

На лыжах мы не занимались только при наступлении поздней весны или же самой ранней осенью по банальной причине отсутствия в наших широтах в эти времена снега. Все наши уроки физкультуры в такую пору были задействованы на изнурительные забеги по стайерским дистанциям без лыж. Нет сомнений, что это несколько разнообразило сам предмет физкультуры, но в этот период многие из нас, как ни странно, уже отдавали предпочтение лыжам.

Про то интересное время на третьем курсе я еще расскажу, но сначала нужно вспомнить более раннее время. Итак, все по порядку. Сначала обратимся к нашим более ранним лыжным урокам.



Первое упоминание о лыжных пробегах в нашем институте я услышал еще на первом курсе, вернее, при зачислении на него. В деканат стояла длинная очередь будущих студентов, жаждущих получить студенческие билеты и зачетные книжки.



Среди всех выделялся весьма упитанный шатен с черными, как у цыгана глазами. Он шутил направо и налево, то и дело осыпая будущих студентов экзотическими прибаутками. Я не хочу здесь цитировать всего его репертуара, отмечу лишь ту, на первый взгляд, нелепую фразу, которую мне потом пришлось вспомнить и оценить по достоинству. Это были следующие слова: «Что, молодежь, учиться хошь? А не хотите — дождь и грязь, а мы на лыжах?». Помнится, тогда я спросил его:

— Что ты имеешь в виду?

— А просто, — отвечал он, заливаясь счастливым смехом, — увидишь, меня вспомнишь. Дождь и грязь, а мы на лыжах!

Вообще оказалось, что этот весельчак уже учился в институте целый год, был за что-то там отчислен, а теперь снова восстанавливался на первый





курс. Узнав об этом, все в тот день стали относиться к нему с уважением и пытались, прислушиваясь к его словам, угадать в них какой-нибудь смысл. Наверное я скажу правду, что этого никому так и не удалось.

Но вот наступили дни нашей учебы, а вместе с ними и занятия по физкультуре. Группы по этому предмету формировались отдельно от обычных студенческих групп по принципу пригодности человека для того или иного вида спорта. Мой жребий попал на лыжную группу. Не скрою, это мне сначала показалось странным, ведь я никогда всерьез не увлекался лыжами. Мало того, у меня был спортивный разряд по борьбе и я не плохо играл в волейбол, о чем, собственно и сообщил сразу в комиссию по формированию спортивных групп.

Мудрую логику комиссии удалось понять и оценить несколько позже. Думается, своими решениями она проявляла заботу о гармоничном и всестороннем развитии студентов, ведь в группе со мной оказались не только те, кто не отдавал лыжам предпочтения, но и те, кто в силу своего прежнего географического местожительства просто знал о существовании лыж только по книгам и фильмам.

Наиболее интересным такой предмет, как лыжи, показался трем ребятам из Таджикистана. Смуглые и черноволосые, они с полным изумлением изучали доставшиеся им дюралевые палки и деревянные дощечки. Необходимо, справедливости ради, добавить, что восхищения в их взглядах при этом не чувствовалось. Лыжи были с институтской базы: старые, основательно потрепанные и клеенные в нескольких местах. О том же, как пользоваться этими непонятными предметами, таджики совершенно не представляли.

Вася Хмара, высокий и полный украинец, хоть и посмеивался над южанами, но временами тоже с грустью смотрел на свой спортивный инвентарь. Было видно, что он-то знает, что к чему нужно пристегнуть, но чисто теоретически.

Мой товарищ по общаге, Миша Катков, тоже попал в нашу группу, и хоть был он из деревни, стоял на лыжах неплохо. Единственное, что в нем не вязалось с зимними видами спорта, была его коряжистая крестьянская фигура. Казалось, что поперек Мишка значительно шире, чем в высоту. В процессе занятий также выяснилось, что ноги во время бега так и хочется поставить на ширину плеч. Во время забега это обстоятельство придавало Каткову причудливое сходство с цирковым канатоходцем.

Лучше всех выглядел паренек из Рязани Толя Семуков. Совершенно очевидно, он не только знал назначение лыж, но и питал к ним определенную привязанность. В то время, как большинство «спортсменов» из нашей группы влачило свой инвентарь на снежные просторы городской

рощи — постоянное место наших физкультурных занятий, Семуков уже махал палками, скользя по лыжне.

Два брата - белорусса были среди нас чем-то не очень понятным. Они быди близнецами, и мало кто мог разобраться, кто из них есть кто. Имена их были Саша и Олесь. Правда, это было не очень важно, т.к. обращаться по этим именам было бессмысленно. Их поначалу звали примерно так: «эй, бульбаш!». Бульбаш для белоруссов не очень обидное прозвище, происходящее от слова «бульба», или по нашему — картошка. В Белой Руси всегда ее почитали, умели возделывать и прекрасно готовить. Скажем, рязанцы с удовольствием называли себя «косопузыми». Было это прозвище от того, что ходили в старину бригады плотников-крестьян в соседние деревни и даже губернии рубить бревенчатые срубы. Кроме топора и точила с собой ничего не имели, совали тапор под теплый зипун за пояс, от того и «пузо» со взгляда издали казалось косым. Спустя время, к косопузым начали причилать себя почти все плотники разных губерний, видя в таком прозвище только некую профессиональную марку.

Бульбаши тоже почти не обижались на свое прозвище, но чувствовали себя при этом не очень ловко. Как-то раз Толя Семуков, «без задних мыслей», решил пошутить над братьями. Он по-дружески пообщался с ними по разным вступительным поводам типа погоды и тяжелой студенческой жизни, а потом вдруг внезапно выдал :

— Бульбаши, давайте мы будем звать вас как-нибудь проще и чтобы было не обидно, например Олесьсаша? Скажем, я кричу «Олесьсаша!» ну, или даже «Алекасаша», а каждый из вас поймет, что это окликают тебя?

Братья поморщились, смутились:

— Так ведь мы совершенно разные и по характеру и по даже по внешнему виду. Одеваемся мы и то всегда в разную одежду.

— В разную, — с недоверим сказал Толя, — сегодня Саша в сером свитере, а Олесь — в балоневой куртяге, а завтра наоборот. А мы что, веди календарь ваших переодеаний?

И тут Олесь выдал сногсшибательную фразу:

— Да что же мы виноваты, что мы — однойцевые близнецы?



Семукова сказанное поразило, как молнией. Он даже переспросил:

— Однойцевые?

— Ну да, — подтвердил Саша.

Семуков был сердобольным малым и поэтому не только не улыбнулся, а даже наоборот, как-то сразу смутился:

— Ну ладно, всякое бывает, — не обижайтесь, попробуем сами разобраться.



Он медленно отошел от ребят и направился к нашей остальной группе. Правда, как он не сдерживался на первых порах, весть о «недуге» бульбашей быстро облетела всех нас.

– Да, это дело невеселое, — говорили некоторые.

– Им бы в танцоры идти, в два раза меньше шансов стать хреновыми, — говорили другие.

Ребят сразу все стали жалеть и обращаться с ними с предельной обходительностью. С другой стороны, однойцевые — не самое плохое, ведь все остальные органы у них, как мы надеялись, были в полном комплекте.



Но хватит об этом. Студенты над калеками никогда не издевались. А вот профессионалом у нас считался только Семуков. У остальных доставка лыж с базы была не самым приятным, весьма обстоятельным и трудоемким делом. Мало того, что идешь на непривычных скользких ботинках с длинными кантами на носках, как у клоуна, так еще и нужно нести четыре длинных загогулины с приделанными к ним железяками. Причем вся эта «хабанъера» устроена таким хитрым образом, что нет никакой возможности удержать это все вместе параллельно друг другу на протяжении более пяти шагов. Если при этом учесть, что наша внешняя одежда также была невероятно далека от обмундирования российской сборной по зимним видам спорта, нашу схожесть с клоунами можно было считать идеальным.

Достаточно сказать, что почти ни у кого из нас не было легкой лыжной шапочки, не говоря уж об однотонных спортивных костюмах. По извечной студенческой бедности головные уборы были те же, что мы просто носили на улице. Главным образом это были ушанки чрезвычайно разнообразных возрастов и фасонов. Костюмы обычно состояли из брюк и свитеров, также весьма пестреньких по расцветке.

Первое цирковое представление происходило в ноябре. Расположив нас по широкой окружности вокруг себя, Петр Петрович сам разместился в центре и стал показывать основные приемы бега на лыжах, которые мы должны были по его задумке тут же повторять.

Принимая во внимание наши первоначальные навыки, позволявшие вносить в действия обучающихся весь блеск гротескной пародии на телодвижения Блохина, и учитывая общее расположение «в круг», вся сцена со стороны действительно приобретала поразительное сходство с цирковой ареной. Мало того, у нас даже нашлись зрители в лице местных мальчишек и некоторых взрослых — случайных прохожих, которые надолго задерживались возле импровизированной арены и от души покатывались со смеху при каждом новом движении, осваиваемом будущими спортсменами.

С течением времени ряды зрителей пополнялись, свидетельствуя о нашей растущей популярности.



Это было то совсем недолгое время, когда студенческой братии начали было нравиться занятия по физкультуре. Мы увидели в них много привлекательного: можно вдоволь посмеяться и попридуриваться. Но студенческое счастье чаще всего бывает кратковременным. Эта суровая истина полностью подтвердилась и в нашем случае.

Буквально через два цирковых представления на арене, наши хореографические способности были перенесены на трассу, где очень быстро, даже если смотреть со стороны, воплотились в коллективные драмы и личные трагедии.

Первый настоящий лыжный пробег нам, тогда еще первокурсникам, предстояло осуществить совместно с группой второго курса, уже имевшей немалый опыт, а главное, досконально знавшей основные маршруты пробегов. В целях передачи этих географических знаний Петр Петрович и объединил на одном из занятий два разных курса. Он выстроил нас в боевой порядок и коротко изложил план маневров:

— Вот так, ребятаки... Побежите, значить, сначала прямо, до Сыроевского оврага, затем мимо Скорбящей церкви и дальше вокруг городской рощи. Через полтора часа я жду вас здесь, на этом самом месте. Младший курс заодно узнает маршрут? Все понятно?

Но все было не так-то просто. Ушлые второкурсники сразу попытались выклянчить льготные варианты и загомонили наперебой.

— У Скорбящей дорога перекопана. Лыжи придется снимать. Дайте трассу попроще.

— Первачки устанут. Мы от них быстро оторвемся. Придется идти шагом.



— Сегодня мазь не ту под колодки заложили, толчок совсем не получается.

Ну, и далее в том же духе. Аргументы старших показались нам сразу весьма весомыми и толковыми. Они показывали, что ни выбранный маршрут, ни погодные условия, ни состояние спортивного инвентаря ни как не отвечали элементарным стандартам. Безусловно, пробег стоило отложить. Но не таков был Блохин. Он саркастически ухмыльнулся, добавил со смехом еще несколько аргументов против начала гонки и, наконец констатировал:

— А бежать все равно надо. Так то вот ребятаки.

Как и перед любым другим пробегом, как мы выяснили впоследствии, он сказал еще несколько убийственных напутственных фраз такого типа:

— Нужно бежать. Нужно. Я знаю, будет трудно. Да..., значить. Будет очень трудно. На середине дистанции вам покажется, что вы вообще умираете. Это ничего. Нужно бежать, бежать. Терпеть, терпеть. Будет шуметь в ушах. В глазах потемнеет и появятся желтые круги. Может



открыться «второе дыхание». Еще раз повторяю. Не смотря ни на что бежать, бежать, терпеть, терпеть.



После таких напутственных слов всем нам стало сразу как-то не по себе. Настроение из веселого и жизнерадостного быстро деформировалось в упадническое и безвольно траурное. Мысли о жизненных радостях стали мыслями о безвременных кончинах. Каждый мысленно копался в недрах своего организма, вспоминал о перенесенных в детстве болезнях и подвергал гнетущему сомнению устойчивость своей сердечно сосудистой системы.

Вспоминались родные и близкие, удобная теплая кровать. Сурово меркли надежды на светлое многообещающее будущее. А ведь сколько мы еще всего могли бы осуществить в этой жизни! Но тут...

— На старт! Марш! — сквозь мрачные мысли вдруг стеганул по ушам радостный боевой клич Петра Петровича, — пошли, ребятки, бежать, бежать, терпеть, терпеть!

Этот клич был настолько резок и повелителен, что наше стадо начинающих спортсменов, как подхлестнутое кнутом сразу пришло в отупленное бездумное движение. И хоть скорость наша была поначалу невелика, ужас происходящего стал очевиден моментально. Начать с того, что вовсе не всем удалось сразу стартовать, в особенности, нашим южанам—таджикам. Они скользили лыжами на месте, практически не удаляясь от стартовой позиции.

Добрая половина новичков сопровождала свои первые шаги проклятиями, падениями и стонами. Оставшиеся наезжали на задники лыж передних студентов, из-за чего передние если и не падали случайно, то, по крайней мере, эффектно спотыкались и приседали на колени. Снаружи это выглядело феерическим спектаклем на темы не то восстания Спартака, не то Куликовской битвы. Кто-то еще держался на ногах, кто-то пал и не мог подняться, кто-то стонал и ругался. В воздухе мелькали то лыжи, то лыжные палки. Бойцы сталкивались друг с другом, хрустя лыжами и звеня скрещенными палкам. Украинец Вася Хмара бился особенно отчаянно. Он был настолько же велик ростом, насколько неустойчивым. В силу этих обстоятельств именно Вася был центром импровизированного ристалища, чаще всех поднимаясь, падая и увлекая за собой «неприятеля». Казалось, что «бойцы» восстают из пепла и снова ложатся костью. Битва показалась нам довольно продолжительной. Но вот кому-то удалось встать и начать движение. Сначала одному-двум, затем еще небольшой группе, в общем, минут через 10-15 группа более или менее вразумительно расположилась на трассе. Как и следовало ожидать, второкурсники с минимальными потерями поспешили оторваться от нас и уже маячили вдали на относительно безопасном расстоянии.



После первых ретивых попыток бега мы еще лучше поняли всю опасность предстоящего мероприятия: если нам и не удастся погибнуть от спортивного перенапряжения, то можно запросто остаться калекой, попав при падении на какой-нибудь сук дерева или захлебнувшись в канаве с нечистотами, буде таковая встретиться на пути.

Стоит ли говорить, что мысли эти настроили нас не столько на быстрый лыжный бег, сколько на осторожную флегматичную ходьбу с двумя палками. Всего двое спортсменов нашей группы — Катков и Семуков, пытались изображать элегантно движение классическим ходом, устремляясь за группой старших. К чести последних стоит сказать, что они оказались довольно сострадательными. Не успели мы проковылять и двух километров, как наткнулись на группу второкурсников, мирно поджидавших нас безо всяких признаков суетливости и стремления к лидерству. Они стояли, широко расставив лыжи, опершись подбородками на палки, и слегка посмеивались, наблюдая измученных ходоков.



— Ловчей скрипи костями, салаги. Сейчас наш опыт переминать будете! — встретили нас они дружным смехом, — так и быть, научим, чему можем.

Мы только грустно улыбнулись на эти слова, чему они нас могут научить? Тоже выискались, педагоги без подмоги. Однако, все вышло намного интересней. В лыжной гонке, дело, оказывается, совсем не в том, с какой скоростью пройти дистанцию, а в том, чтобы в приемлемое или даже рекордное время выйти к финишу. Если принять этот постулат за основу, то самым рациональным способом добиться цели будет способ экономии движений. Он заключается в кардинальном спрямлении дистанции раза этак, в полтора-два. Обязательным условием при этом является мастерский выбор маршрута таким образом, чтобы ни разу не попасться на глаза преподавателю в середине трассы.

— На этом маршруте есть четыре возможности ее геометрической рационализации, — раскрыли нам секрет бывалые лыжники, — судя по вашему «бегу», вам нужна самая короткая дистанция. Начало ее совершенствования берется с вот этой дырки в заборе яблоневого сада. Вторая часть забора, с той стороны, выходит ровно на последнюю четверть дистанции. Так что, с Богом! Смотрите, не придите к финишу слишком рано, Блохин — ушлый валенок, враз все просечет.

Подарив нам свою блистательную идею второкурсники двинулись дальше, благородно выбрав для себя менее выгодную рационализацию трассы. Проводив их преданными благодарными взглядами и чуть не прослезившись от умиления образчиком студенческого братства, мы немедленно приступили к осуществлению полученной инструкции. Как всегда бывает в таких случаях, осуществить намеченное было немного сложнее, чем нам показалось сразу. Доска, оторванная от забора, безусловно







давала путь к избавлению, но образовавшийся проем был настолько узок, что протиснуться туда можно было лишь одному человеку.

Если же учесть, что этот человек стоит на лыжах, то задача и вовсе становится сложной. Несколько раз примерившись к заборному проему и испытав при этом несколько различных, а иногда очень оригинальных методов, мы пришли к выводу, что на лыжах этот трюк даже теоретически выполнить невозможно. Ну что ж, пришлось временно снять лыжи и поодиночке пролезть в сад. В саду нам пришлось снова надеть спортивный инвентарь, так как тут же выяснилось, что снежные сугробы непроходимы уже без лыж. Наконец, группа успешно справилась с трудной задачей, причем вся процедура заняла у нас около 20 минут. Время еще оставалось и можно было не спеша любоваться красотой зимнего заснеженного сада.

Я заметил, что любоваться природой лучше всего именно в такие минуты, когда большое дело уже сделано (прошу понять меня правильно) и есть время для неспешного созерцания. Маленький чарующий оазис заснеженного хоровода яблонь завораживает своим спокойствием и грацией. Изящные ледяные иголки инея в тихой неге заботливо окутывают дремлющие ветви. Умиротворенно мы углубляемся все дальше и дальше. Чу, пролетела мимо ворона. Где-то хрустнула от мороза тонкая веточка. А вот довольно близко застрекотала испуганная и удивленная сорока. Таким родным и близким кажется далекий собачий лай. Боже, как же хорошо... К лаю одной собачки присоединяется другой, затем третий, почти как в деревне. Но вот этот лай становится все громче и громче. Первые тревожные подозрения уже закрадываются к нам в душу. Вполне естественно, такое большое счастье не бывает слишком долгим. Через несколько секунд становится абсолютно очевидным, что собаки брешут вовсе не от того, чтобы поддержать в нас поэтическое настроение, а скорее, совсем наоборот. Сторожевые псы со всех закоулков сада устремляются к нам, злобно оскаливая безобразные негостеприимные зубы.

К нашей чести следует заметить, что мы не только не струсили, но даже быстро сориентировались в этой, казалось, безвыходной ситуации. Четкое стратегическое решение было принято всеми, как одним. Совершенно без слов и какого-либо тяготящего промедления было решено вернуться к дыре в заборе, организованные вылезть через нее наружу, оставив собак, таким образом, в дураках. Как при этом выяснилось, на лыжах мы научились кататься не так уж и плохо. По крайней мере, наша скорость на этом отрезке дистанции, по-моему, могла сделать честь даже спортсмену—разряднику. Лыжная группа летела, как на крыльях. Тела стали внезапно упруги и легки, движения максимально экономны и скоординированы.

Мне даже показалось, что в нас проснулась некоторая жилка соревновательности. Предвижу читательский вопрос: «А как же с узким



проемом в заборе?» Вопрос, возможно и справедливый, но совершенно неуместный. Дело в том, что мы его сами не раз впоследствии задавали друг другу. Как же нам удалось быстро и организованно, не снимая лыж, преодолеть это препятствие? Не знаю, никто этого хорошенько не запомнил, но только достоверно известно, что на это ушло не более полутора минут!

Единственным, кто успел высказаться по поводу произошедшего был украинец Хмара, громко продекламировавший что-то национальное:

— Як зийшов Мыколо в гай, там и взяв его бугай.

Эх, видел бы нас в это время Петр Петрович! Думается, вопрос о зачете по физкультуре был бы положительно решен прямо на месте.

Оставшийся участок трассы группа прошла в приличном для нас темпе и мыслей о рационализации в тот раз больше, почему-то, не возникало.

Однако, зима тянулась медленно и похожих пробегов было более, чем достаточно. Достойным упоминания на этих почтенных страницах может быть еще один случай. Это было первое и последнее занятие по физической культуре, посвященное Блохиным катанию с гор.



Сразу стоит сказать, что с горы кататься значительно проще, чем просто по пересеченной местности. Тут не нужно прилагать больших физических усилий, и речь может идти только о сохранении равновесия. Да и то, сказать по правде, даже если его и не удастся удержать, с горы спортсмен все равно так или иначе скатывается. То есть, для того, чтобы спуститься с крутой горки, вам достаточно только решиться на первый шаг, все остальное сделают за вас вездесущие законы физики.

Конечно, то занятие, о котором идет речь, нельзя назвать в достаточной степени успешным, но о нем, тем не менее, иногда бывает приятно вспомнить. Началось оно, как обычно, с построения. Грустные, обветренные на предыдущих лыжных гонках лица с оттенком ненависти внимали новому заданию Петра Петровича.

— Сегодня у нас необычное занятие, — сказал он почему-то поморщившись, — по программе мы обязаны освоить горный спуск.

Мы сразу поняли, почему поморщился наш физрук, — ведь кататься с горы намного легче, чем бежать по трассе. Следовательно, заветное блохинское «бежать, бежать, терпеть, терпеть» он сегодня произнести не сможет. А значит, в свою очередь, садистические наклонности Петра Петровича не будут в полной мере удовлетворены. Интересно, будет ли он после этого спокойно спать следующей ночью? Эти мысли начали согревать нам душу и весьма быстро подняли настроение.

Путь к Сысоевским оврагам, где и находилась в нашем городе лучшая часть горных склонов, был не слишком долог, километров шесть или семь. Туда вела хорошая, неразбитая лыжня, и шли мы вслед за физруком,





который в этот раз и сам встал на лыжи, не очень быстро. Блохин шел первым.



Вне зависимости от трассы, настроения или здоровья наша группа всегда бегала по трассе в строгой последовательности мест. Так было и сейчас. Если бы не Петр Петрович, то первым бы шел Семуков. Он обладал не самой лучшей техникой, но был поразительно суетлив и вынослив и не мог двигаться иначе, как бежать. В силу этого обстоятельства за ним никто особо не гнался и ему без возражений отдавалось первое место.

Вторым всегда полушел-полубежал Мишка Катков. Второе место он получил в группе не сразу. В скорости бега с ним могли бы сравниться еще несколько человек, но каждый из них поборовшись за лыжню с Мишкой в свое время, понял всю кучу неудобств с этим связанных. Дело в том, что Катков был широкоплечим деревенским здоровенным парнем, имевшим, ко всему прочему, на редкость негибкий характер. Ему трудно было бежать по лыжне среди деревьев и кустарника.

Там, где среднестатистический человек проходил между кустами совершенно свободно, Катков обязательно задевал кусты, ломал ветки и сметал на своем пути менее значительные, чем он сам, предметы. И все было еще ничего, когда кто-нибудь бежал вслед за ним. Это было просто забавно. Правда при обгоне, когда нужно кричать: «Лыжню! Гоп!», Мишка никогда не уступал, еще более наращивая темп и производя еще больше шума. Не было никакой уверенности, что обгоняя Каткова вы не получите случайно в глаз или ухо лыжной палкой, ибо стиль мишкиного бега был этим вполне чреват. Значительно хуже обстояло дело, если Катков по какой-либо случайной причине шел за кем-нибудь следом. В этом случае вам неминуемо казалось, что огромный дикий сохатый вышел следом за вами в период гона. Он шумно дышит, издает нечленораздельные звуки и, мотая ветвистыми рогами, начинает пробираться с треском через чащу, чтобы прогнать со своей территории непрошеного гостя. При этом сходство было настолько поразительным, что преследуемый поминутно а то и чаще начинал оглядываться в поисках страшного зверя.

Но вот через некоторое время, беглец догадывается, что весь этот сумасшедший шум производится его преследователем и немного успокаивается. Но зря. Звуки приближаются и становятся невыносимыми. К ним примешивается звон железных палок и шипение вырывающегося пара, что как нельзя точнее напоминает приближающийся паровоз. Когда же Мишка в буйном порыве выдавливает из себя крик «Лыж-ж-жню-У-У-У!», преследуемый в ужасе теряется и неминуемо сходит с рельсов. Как вы, конечно, понимаете, дальнейшего желания обогнать Каткова после подобной стрессовой ситуации просто не может возникнуть. Один только Семуков





своим легким бегом не дает Мишке приблизиться на опасное для жизни расстояние.

Что касается третьего и прочих мест, они распределяются между остальными членами нашей группы по разному. Неизменными остаются только последние места. Третьим с конца всегда идет, не прибегая к резким неосторожным движениям, чтобы не упасть, Вася Хмара. Вторыми идут однойцевые братья близнецы. Замыкают процессию торжественным похоронным шагом таджики, чьи лыжные способности давно уже не оспариваются даже Блохиным.

Но вот он — заветный овраг. Физрук останавливается, и, оглядывая окрестные горы, поджидает основную группу лыжников. Рядом с ним уже стоят Катков с Семуковым и целеустремленно глядят вниз с горы. Постепенно Блохин подбирает более или менее пологую гору, подводит нас к ней и начинает учить:

— С горы, значить, надо ехать слегка присев, подобрав палки подмышки и, немного наклонившись вперед, слегка отклоняетесь назад.

— Почему назад? — начинает недоумевать народ.

— Очень просто, — поясняет Петр Петрович, — если вы упадете назад, у вас меньше шансов сломать институтские лыжи, а вот если, не дай бог, упадете вперед, можете сломать не только лыжи, но и собственную дальнейшую судьбу, не говоря уж о зачете по физкультуре. Ясно?!

И хотя этим объяснением мы не очень удовлетворены, мы с пониманием киваем головами, потому, что слово «зачет» не может вызывать у студентов каких-либо пререканий.

— Итак, перед вами вот эта пологая гора, — указывает вниз Блохин, — сначала с нее съезжаю я, затем вы. Приготовились, пошли.



С этими словами он медленно скатывается в овраг и делает нам отмашку лыжной палкой. Ну что ж, не ломая сложившегося порядка, по одному спускаемся и мы. Причем, делаем это довольно успешно, если не считать предсказанного и вполне прогнозируемого падения Васи Чмары. Вася упал по всем правилам, ничего особенного не сломав и вызвав этим явное одобрение нашего физрука. Что же касается белоруссов и таджиков, они поступили еще более просто, оставшись стоять выше всех, видимо изучая спуск с горы с чисто теоретической точки зрения.

Не обращая на теоретиков особого внимания, Блохин похвалил нас и повел к другой горе, как он выразился «более серьезной». Однако, как оказалось, гора была еще более серьезной, чем он сам думал.

А произошло все так. Как только вся группа забралась на более серьезную гору, Петр Петрович посмотрел вниз, и, видимо ужаснувшись, с колебанием в голосе произнес вслух:

— Вот это горка, так горка.





Ну как, спрошу я вас, мы, студенты, должны были отнестись к такому напутствию преподавателя? Нам и в голову не могло прийти, что физрук в это время уже принимал отрицательное решение по покорению новой высоты.

Первым лихо, даже как-то залихватски, подпрыгнув, устремился в бездну неустрашимый Семуков. За ним навстречу своему несчастью бросился Мишка, ну, а уж потом и остальная группа. Три пары лыж, оставшиеся целыми после спуска, принадлежали Васе Хмаре, одняйцевым близнецам и двум таджикам, которые не до конца прониклись чувством солидарности и оставались гордыми и неподвижными рядом с Блохиным.

Снизу, когда мы разбирались в остатках своих лыж, фигуры наверху горы казались нам маленькими и убогими. Но даже на таком расстоянии был отчетливо виден раскрытый в ужасе рот физрука и его нелепо выкатившиеся из орбит глаза. До самого конца нашего горного спуска он, по-видимому, будучи в трансе, так и не смог найти ни одного подходящего слова. Слова нашлись гораздо позже, причем в достаточном количестве и редко встречающемся колорите. С тех пор мы стали относиться к Петру Петровичу более благосклонно, узнав этого молчуна с новой, ранее неведомой нам стороны.

На следующем занятии мы учились клеить сломанные лыжи, но это было совсем не так интересно и, на мой взгляд, не заслуживает внимания широкой интересующейся общественности.



Теперь самое время рассказать о событиях, произошедших с нами на третьем курсе, то есть о том самом времени, с которого и начиналось наше повествование про физкультуру. Наступило последнее зачетное занятие по лыжам, ведь на дворе стоял месяц март. Зачет мы получали только в том случае, если могли пробежать десятикилометровую дистанцию со временем третьего спортивного разряда. Стоит ли говорить, что в это время мы уже имели весомые преимущества перед своим первоначальным состоянием на первом курсе, а именно:

— мы неплохо владели техникой лыжного бега и вполне могли выполнить норматив третьего разряда;

— наша физическая выносливость позволяла бегать даже на длительные дистанции, причем значительно подтянулись даже не знавшие ранее лыж таджики;

— мы владели разнообразным арсеналом рационализации как самого бега на лыжах, так и формы дистанции.

Последнее преимущество было, на наш студенческий взгляд, наиболее важным. И вот наступил долгожданный момент, когда нам предстояло наконец продемонстрировать все перечисленные способности.



Группа организованно расположилась на старте, совершенно ясно представляя себе предстоящую трассу и владея бесспорными навыками контролирования зачетного времени. Уже зная наши возможности и правильно оценивая их, Петр Петрович на сразу предостерег:

— Никаких сокращений дистанции! Учтите, что я знаю сорок способов симуляции, к которым могут прибегнуть студенты! Если что — пощады не ждите!

Команда «Марш!» прозвучала из уст Блохина уже как-то буднично и бесцветно. Группа не рванула вперед резко, а не спеша взяла со старта средний темп, экономя силы и не сбивая дыхания. Просто любо—дорого было глядеть. Отбежав средненьким темпом километра на 2—3 мы перешли на шаг и стали совещаться. За исключением Семукова и Каткова, которые решили бежать дистанцию честно и были уже далековато, все остальные приняли важное решение — изобрести сорок первый способ симуляции, неведомый нашему всезнающему наставнику.

Предпосылки для этого были налицо — Блохин стоял на финише без лыж, а значит никак не мог «перехватить» нас на половине трассы. Мы не очень-то доверяли рассказам старших, в которых утверждалось, что на зачетные занятия Петр Петрович приезжает на своей «Волге», которую прячет неподалеку от финишного пункта. Это было настолько невероятно, что никто из нас даже не мог представить себе такого. Вот почему было решено разумно сократить трассу, пройдя полупригнувшись по небольшому овражку, выходящему не очень близко от финиша возле старой кочегарки. За кочегаркой можно было спокойно подождать Семукова с Катковым и, по справедливости отдав им первенство, пристроиться сзади в нашем обычном порядке.



Сначала все шло великолепно. Овраг мы успешно миновали и очень скоро вышли к намеченному пункту. В двухстах метрах от нас были сосновые посадки, из которых через некоторое время должны были показаться наши благородные чемпионы. Ни впереди, ни сзади по трассе не было видно ни души. Вот когда сияющая богиня Виктория простерла над нашими головами свои синие крылья! Победа дурманила головы. Мы громко смеялись и шутили в предвкушении грядущего зачета:

— Ну, где же блохинская «Волга»? Бензина не хватило? Может, ему уголька с кочегарки привезти, вон и дверь открыта.

— А представляете, сейчас из кочегарки выходит физрук, весь грязный, в угле, и грозно говорит: «Что вы тут делаете?»

— А мы скажем: «Как и вы тут? Вот оказывается кто отключает в институте отопление?!»

— О, смотрите, наши чемпионы уже показались.



Мне кажется, читатель уже предугадал страшную развязку. В этот момент дверь кочегарки открывается и из нее выходит... У нас оборвалось сердце... Маленький, скукоженный, в старой телогрейке, истопник. Он грязно ругается и кричит:

— А ну марш отсюда, шантрапа. Я вам покажу «уголька привезть», сейчас лопатой как ахну!

Мы весело расхохотались и стали строиться вдоль лыжни, чтобы пропустить вперед уже подбегавших Семукова с Катковым. Этот момент нам запомнился надолго, ибо именно в ту же секунду из за кучи угля выехала белая «Волга». За ее рулем горделиво восседал Петр Петрович. Перегородив автомобилем лыжню, он неспешно вышел навстречу нам и принялся методично и озлобленно стыдить своих подопечных.

Больше всего досталось, конечно, Семукову с Катковым, ибо они, по словам Блохина, «продолжали артистично симулировать учащенное дыхание и рвались продолжать гонку».

— Да мы в самом деле честно бежали! — не унимались наши лидеры, — если хотите, можем рассказать вам особенности всей дистанции!

— Это, значить, хватить делать из меня дурочку. Еще одно пререкание и я напишу на вас докладную в деканат.

— В самом деле, бросьте, ребята, — стали все остальные наперебой успокаивать взбунтовавшихся спортсменов, — Петра Петровича на мякине не проведешь.



При этих словах Блохин немного стал успокаиваться и почему-то пристально посмотрел на таджиков, которые сразу радостно стали улыбаться и усиленно закивали головами:



— Нет—нет, не проведешь, не проведешь.

— Ну что же. Вы наказали себя сами. Я хотел, как лучше, — заявил физрук, — на следующем занятии побежите всю дистанцию по малому двухкилометровому кругу, причем при любой погоде, иначе никому зачета не поставлю!

В этой ситуации нам пришлось согласиться. Душу согревало только сознание того, что среди нас были такие, кому досталось хуже всего, и, кроме того, не за что.

На следующем занятии погода, как и предсказывал Блохин, оказалась «любой», а еще вернее, «никакой». Бабахнула оттепель, снег подтаял, и на двухкилометровом круге местами образовались лужицы, кое-где переходящие в откровенную грязь. Перед самым стартом на радость злобного физрука вдруг пошел моросить мелкий весенний дождичек. Достаточно было первого взгляда на лица студентов нашей спортивной группы, чтобы понять всю полноту счастья, привалившего Петру Петровичу. Судя по его глазам, он был в зените педагогической славы и внутренне





кричал: «Остановись мгновенье, ты — прекрасно!» и так далее. Однако, счастливые мгновенья рано или поздно проходят, и он сам начал отсчет им, нажав на кнопку секундомера и скомандовав: «Старт!».



Именно тогда, в то памятное занятие, вспомнились мне обидные слова «дождь и грязь, а мы на лыжах». Думается, что слова эти, даже если их раньше кто-нибудь из нас не знал, напрашивались в голову сами и вызывали в нас прилив затейливых искренних пожеланий физруку и его родственникам. И хоть были эти пожелания далеко не праздничными, но шли они от всей души, а по своему разнообразию, поэзии и подробностям могли, наверное, соперничать с иными строками трагедий самого Шекспира.

В молчаливой злобе группа бежала очень медленно и ровно. В ней, как это ни странно, практически не было лидеров и отстающих. Расстояние между неистовым Семуковым и замыкающими таджиками определялось только числом студентов в группе плюс минимальной дистанцией, необходимой для того, чтобы не наступить идущему впереди на лыжи.

Через несколько кругов выяснилось, что ранее установленный опытом порядок следования группы в этой «гонке» становится не очень удобным, поскольку всем приходится часто оглядываться назад, чтобы подождать замешкавшегося товарища. Не сговариваясь, мы предприняли полную структурную перестройку, почти такую, какую обычно любят время от времени затевать «политики-реформаторы». Ребята-таджики были единогласно пропущены всеми вперед, вслед за ними запустили украинца Хмару и так далее. Вполне естественно, группу замыкали Катков и Семуков. Нужно заметить, что, как это ни странно, но в отличие от результатов, которые обычно приносит политика реформаторов, наша группа после кардинальной перестройки стала передвигаться значительно быстрее, процентов этак на 25-30. Собственно говоря, произошло следующее.

Наши таджики, не до конца поняв суть произошедшей перемены, впервые почувствовали себя лидерами весенней гонки и приложили определенные усилия, чтобы уйти «в отрыв». Лучше всего им это удавалось на тех участках трассы, где снега почти не было. Лыжи не скользили и бежать становилось намного удобнее. Близнецы несколько запаздывали. Конечно, остальная группа без труда выдержала бешеный темп, взятый южанами, но гонка все-таки несколько оживилась.

Нужно заметить, что, как это ни покажется странным, Блохин тоже не выказывал никаких признаков разочарования, ведь все очень походило на правду. Те, кто лучше бегают по снегу, должны хуже бегать по грязи и наоборот. Если же посмотреть на лидирующих в группе таджиков, сразу становится понятно, какими страшными усилиями дается это лидерство. Ребята перебирали ногами так быстро, что остановить внимание на какой-то отдельной ноге не представлялось возможным, тела их вспотели, дыхание



было шумным и частым, а лица выражали такую редко присущую смертным целеустремленность, что они просто не могли не возглавлять гонку.

Весьма правдоподобен был и бег Василия Хмары. Руками и ногами он работал значительно реже лидеров, но зато и держался только третьим. Конечно, остальная группа несколько портила впечатление, так как выглядела довольно вяло и сонливо. Должное надо отдать однояйцевым близнецам. Они шли ровно классическим лыжным ходом, совершенно не различая фрагменты трассы с остатками снега или полной непроходимой грязью. Совсем непонятен был бег замыкавших Каткова и Семукова, которые не только почти не переставляли ноги, а вовсе вынуждены были периодически останавливаться, чтобы, по-видимому, передохнуть.

Ну, да что долго говорить, наконец дистанция была окончена. Все жарко поздравляли победителей, удивлялись их мастерству и энергии. Без доли иронии мы искренне были рады за них, глядя на их счастливые улыбочивые лица. Оказывается, даже такие, подчас нелепые случаи дают человеку возможность поверить в себя, полюбить ранее не дававшуюся деятельность, а затем достигнуть в ней действительно нешуточных результатов.

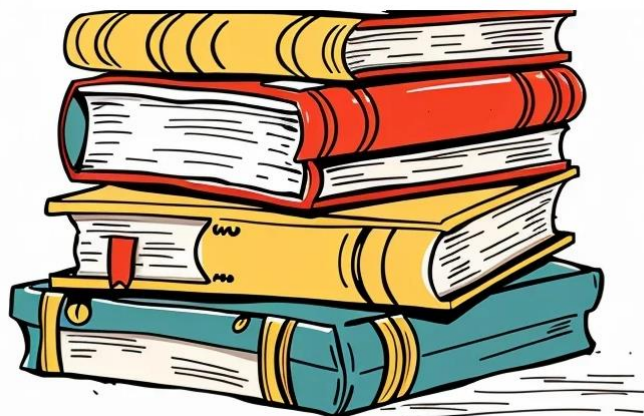
Блохин поинтересовался только одним:

– А почему Саша и Олесь не стали первыми? У них был такой хороший ход!

Но его вполне удовлетворил ответ Семукова, который шепнул что-то Перту Петровичу на ухо. После этого Блохин с недоверием посмотрел на близнецов, устремляя свой взор чуть ниже их пояса, но вслух сказал:

– Кто знает, может, из них еще выйдут настоящие паралимпийцы.

Зачеты нам были поставлены, и все мы были не менее счастливы, чем однояйцевые близнецы и южные героини этой последней гонки. Занятия по физкультуре уходили от нас навсегда. Теперь можно было не думать о лыжах, изнурительных дистанциях и не очень любимом физруке. Так рассуждали мы в тот день. Ах, как часто наша молодость выносит умные и оптимистичные суждения, которые в зрелости меняются на мудрые и более пессимистичные. Уже на следующий зимний сезон мы с ребятами абсолютно случайно, но очень часто встречались на лыжне. Лыжи мы брали на институтской базе по собственной инициативе и в погожие зимние деньки с великим удовольствием носились с ветерком по кривым лыжням городского лесопарка, после чего не раз добрым веселым словом поминали незабвенного Петра Петровича.



СПЕЦИФИКА СДАЧИ ЭКЗАМЕНОВ ПО ГУМАНИТАРНЫМ ДИСЦИПЛИНАМ В ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗАХ РОССИИ



Как бы вы поступили, если чувствуете себя прекрасно подготовленным по философии, на экзамене, как вам кажется, прекрасно отвечаете, а вам, тем не менее, ставят «неуд»? Предлагаю варианты:

- 1) спрашиваете преподавателя задать еще какой-нибудь дополнительный вопрос;
- 2) выхватываете из под себя стул и с коротким замахом осуществляете давнюю мечту всех студентов-неудачников в отношении все того же преподавателя;
- 3) изо всех сил пытаетесь проснуться.

Скажу сразу, что чаще всего помогает последнее. Если честно, то начинать пробовать варианты имеет смысл именно с него. И действительно, ни перед какими предметами не бывает такого количества кошмарных снов, как перед гуманитарными. Кстати, если вам действительно удастся проснуться, то можно попробовать заснуть вновь и на этот раз попробовать вариант со стулом. Это может принести вам ряд положительных эмоций, всегда так необходимых при подготовке к экзамену.

Гуманитарные дисциплины в технических вузах настолько же страшны по своему садистскому содержанию, насколько, например, математика в гуманитарных институтах. И дело тут не столько в том, что знание этих предметов вряд ли пригодятся специалистам в их будущей практике, сколько в антагонистических отношениях, складывающихся к экзамену между преподавателями и студентами.

Я здесь не напрасно употребил слово «антагонистический». Ведь нет правил без исключений, а это пусть и длинное, но красивое слово было мною своевременно усвоено именно на известных лекциях по истории КПСС. Конечно, его можно было бы заменить более коротким понятием, например, «поганый», а короткое слово «империалисты» — более понятным



«проклятыми буржуями». Только разве тогда можно было бы назвать историю компартии наукой? Теперь, я думаю, читатель видит, что тут не все так просто, как кажется на первый взгляд. Вот и получалось так, что этот предмет приходилось весьма серьезно учить.



Бог бы еще с ними, с понятиями, ведь они хоть какому-нибудь содержанию да соответствовали. Значительно труднее было с зазубриванием содержимого двадцати семи съездов и неподдающихся счету пленумов и конференций. Вполне разумно, что начиная с десятого съезда, они стали нумероваться, начиная с буквы «X».

Где-то к семнадцатому съезду эти цифры уже писались как «XVII», что выглядело уже очень близко к сермяжной человеческой жизни, особенно, если учесть, что на печатающих машинках того времени не было ни римских цифр, ни даже латиницы. Римская цифра V просто заменялась заглавной «У». Впрочем, все эти наблюдения мало способствовали пониманию истории партии. Заучить весь тот набор терминов с едва уловимым смыслом, который был беспорядочно разбросан по страницам гроссбухов с названием «Материалы <такого-то> съезда КПСС», было практически невыполнимым трудом.

Было совершенно очевидно, что все съезды занимались попытками подъема народного хозяйства СССР (для сравнения, у империалистов — экономики). Правда, в реальной жизни граждан всегда чувствовалось, что все это хозяйство никак не поднималось, а наоборот почему-то падало и не вставало. И как не утверждалось в официальных средствах массовой информации обратное, дескать хозяйство крепнет и вот-вот встанет, никому из рядовых членов социалистического общества это было незаметно. Хотя, как знать, может это случалось по ночам, когда все спали? Днем же этого было совсем незаметно.

Чувствовалось, что и некоторые партийные деятели иногда сомневались в «могучем потенциале соцхозяйства», потому что на каждом съезде предлагалось сделать что-нибудь кардинальное с его отдельными частями. Что предлагалось «расширить», что-то «углубить», а что-то «поставить на прочную основу», затем все это надо было куда-то внедрять и т.д. В любом случае, что бы ни происходило, участники съездов сходились во мнении, что при всем еще при том обязательно «нужно идти вперед». Нам, студентам, видимо в силу своей молодости, многое в этом хаосе не было понятным, хотя и чувствовалось, что во всем должна существовать пусть еле уловимая, но все-таки система.

Что бы как следует разобраться в перипетиях коммунистических идеалов мы педантично посещали библиотеки и практические занятия. И, хоть государство как могло боролось с пережитками прошлого вообще и с религией в частности, практические занятия почему-то назывались



семинарскими. К слову сказать, из всех духовных семинарий к тому времени в стране действующей оставалась лишь одна — в г. Загорске Золотого Кольца России, и конкурс для поступления в нее исчислялся десятками человек. Вряд ли наши занятия напоминали, то, что происходили за стенами семинарии, поэтому их, наверное, лучше было бы назвать антисеминарскими.



Ну да бог с ними. От наших набегов просто ломились библиотеки. Самыми потрепанными, а стало быть читаемыми книгами были многотомники К. Маркса и Ф. Энгельса, не говоря уж о В.И. Ленине. Число томов трудов этих талантливых ученых доходило до 150шт. и более! Даже Большая Советская Энциклопедия была в пять раз меньше по объему и потому даже в подметки не годилась классикам марксизма—ленинизма. Вот и подумайте: следует ли после этого называть классиками неких Л.Н. Толстого или А.С. Пушкина? Именно поэтому Толстого наизусть учили мало и редко выписывали из него цитаты. С Пушкиным в этом отношении дело обстояло несколько лучше.

А вот некоторые произведения *настоящих* классиков переписывались нами почти полностью. Конечно, нельзя сказать, что студенты делали это всегда по своей инициативе. Просто преподаватели с усердием, если не с пристрастием, поощряли эти нашу деятельность. Чем лучше был почерк, которым записывались конспекты и чем толще была исписанная тетрадь, тем более шансов было рассчитывать на положительную оценку в период сессии. Горе было тому, кто написал мало или небрежно, или же, не дай бог, пропустил какое-то из дорогих произведений. Вот почему при их переписывании у нас просто не было физической возможности хоть сколько-нибудь вдуматься в тщательно копируемый текст, а ведь очень может быть, что эти ценные знания нам не раз пригодились бы потом в быту.

Так или иначе наша общажская комната затихала перед сложным партийным экзаменом. Не было слышно шуток Шуры Бадацкого, хмуро поминутно плевался и чертыхался перелистывая брошюры классиков Сережка Демушкин, натужно сопел над марксовским «Капиталом» Миша Катков. Я же сидел на скрипучей койке, кусал мягкий колпачок пластмассовой шариковой ручки и выдумывал сложные математические формулы.

«Как? — скажете вы, — «Какие там формулы по истории партии?»».

Отвечу. Очень просто. Мне пришло в голову систематизировать мешок замылившихся партийных словечек и изобрести сложную формулу, по которой можно было бы определить, какие из них чаще всего встречались на том или ином съезде КПСС. Оказывалось, что почти полный словарь терминов запутанной исторической науки состоял из небольшого числа маловразумительных слов и словосочетаний, которые приводились в



различных падежах или склонениях в итоговых материалах каждого съезда. Однако, в зависимости от номера съезда можно было с низким процентом ошибок определить, какие именно из словосочетаний повторялись на этом форуме чаще.



Было даже удивительно, почему наши ученые до сих пор не нашли этой закономерности. Ведь знай они эту теорию, они могли бы довести ее до совершенства. Тогда не пришлось бы долго думать о том, что должно быть в отчете следующего съезда, или, скажем, съезда, который будет в следующем тысячелетии. Достаточно просто вычислить его номер и воспользоваться безупречной формулой. Конечно, после этого можно было бы что-нибудь подкорректировать, но насколько бы облегчился труд историков. А как удобно было бы самим участникам великих форумов, ведь решения съездов могли высылаться им по почте заблаговременно! Мало того, при известной доработке математической теории каждому участнику несложно было бы отправить его будущий собственный доклад. Несколько разгрузились бы и типографии, — то, что им приходилось печатать колоссальными тиражами в сжатые послесъездовские сроки, можно было начинать выпускать за три—четыре года до аврального срока.

Однако, я чувствую, что немного увлекся. Ведь некоторым читателям уже не терпится узнать ноу-хау отрекламированной здесь теоретической концепции. Ко всему прочему, полученные лично автором за четыре дня подготовки к экзамену результаты могут пригодиться и сейчас в различных отраслях современной научной демагогии.

Вполне естественно, что весь метод на этих страницах изложен не будет, — высокие технологии так просто не раскрываются. Но свойственная мне природная мягкосердечность, человеколюбие и прозорливость не могут удержать от изложения вам основных набросков. Кстати, эти последние слова не являются оригинальными и навеяны речами генеральных секретарей партии. В остальном же гарантирован авторский приоритет.

Итак, начнем с терминологии. Вот небольшая выдержка из исторического словаря, на основе которого строится дальнейшая математика:

- «Дальнейшая электрификация»;
- «Дорогой генеральный секретарь»;
- «Интенсификация сельского хозяйства (агропромышленного комплекса)»;
- «Мы будем идти вперед»;
- «Необходимо еще более улучшать»;
- «Подъем культуры»;
- «По пути к коммунизму»;
- «Поставить на прочную основу»;



«Расцвет науки и образования»,
«Требуется осудить отдельные недостатки»;
«Углубление индустриализации»;
«Ширится соревнование»;
и т.п.

Этот список не полон, но дает четкое представление об имеющемся словаре. Если добавить сюда некоторые предлоги, такие как: «в», «по», «к», можно составлять довольно точные доклады и решения всех съездов. Математическая часть теории носит триадный характер. Он заключается в следующем.

Рассмотрим некоторый съезд КПСС с номером N. Предположим, что на нем предлагалось «Поставить на прочную основу» + «Подъем культуры». А еще «Требуется осудить» + «Углубление индустриализации». Для этого будет сделан вывод: «Мы будем идти вперед».

Тогда на съезде N+1 нужно будет «Еще более улучшить» + «Интенсификацию сельского хозяйства» и «Требуется осудить отдельные недостатки» + «Расширения соревнования». Необходимо сделать вывод: «Мы будем идти вперед».

До сих пор закономерности не было видно, но она появляется лишь на съезде N+2, поскольку на нем полностью опровергается съезд N: «Поставить на прочную основу» + «Углубление индустриализации». А еще «Требуется осудить» + «Подъем культуры». Однако, будет сделан вывод: «Мы будем идти вперед».



Если продолжить рассуждение дальше, становится ясно, что съезд N+3 опровергнет решения съезда N+1, съезд N+4 — съезда N+2 и т.д.

Тороплюсь напомнить, что здесь приведена лишь общая схематика полной теории, и то не лишенная некоторых недочетов, но в целом, в результате ее апробирования позволяющая получить на экзамене оценку «хорошо». Иными словами, 80% из 100% возможных, а это уже не так и плохо.

К счастью, эксперимент с этой теорией проводился мной один раз в жизни. Выглядел он приблизительно так.

Косые лучи утреннего солнца с трудом пробивались через давно невымытые стекла старой институтской аудитории на втором этаже, создавая уютный закатный полумрак. Неровные ряды студенческих столов стояли, словно усталые блокадники, за осмущенной суррогатной буханкой хлеба. Сырая, облупившаяся во многих местах штукатурка серых аудиторных стен придавала всему натюрморту антикварную тоску и загадочность.

Студенты, засев над билетами по истории КПСС, застыли в неистовых позах античных мыслителей. В это время, пожалуй, сам Роден позавидовал бы уникальному позирующему материалу и усомнился в правдивости



мыслительных мук своих прошлых немеркнущих изваяний. Ох, вряд ли он смог бы передать ту неповторимую загадочность выражения одухотворенных неисчерпаемыми знаниями глаз Русского Студенчества. Не скрою, одним из лучших типажей, скорее всего, был я сам.

В билете мне достались два серьезных вопроса:

- 1) XXIV Съезд Коммунистической партии Советского Союза;
- 2) Основные законы социализма.



Экзаменатором была старинная доцентша нашего вуза — Вилена Вилоровна Степанюга. Не скрою, студентов всегда шокировало необычное имя нашей преподавательницы, все три составляющие которого казались нам предельно экзотическими и отдающими колючей несуразностью терминов ее любимой науки. Особенно мрачной выглядела фамилия «Степанюга», созвучная не очень добрым эпитетам, таким как «Забулдыга», «Ворюга» или сленговому «Садюга».



Когда человек впервые слышал эту фамилию, он думал, что ослышался, но обычно не решался переспросить, чтобы, не дай бог, не обидеть Вилену Вилоровну своими неуместными подозрениями. Однако, после нескольких взглядов на нее или, что еще лучше, непродолжительного разговора со Степанюгой, становилось ясно, что никакой слуховой ошибки не могло быть. Действительно, пожилая упитанная дама, как это часто бывает, чем-то неувлимо соответствовала своей фамилии.

В свои немолодые годы она носила модную в 1930-е годы молодежную рабфаковскую прическу, имела седоватые всклокоченные брови, курчавившиеся прямо над дужками круглых очков с большими диоптриями. Очки поддерживал рыхлый картофельный нос, который все время подергивался вместе со щеками, из-за чего маленькие глазки за толстыми линзами, казалось, скакали в разные стороны, пытаясь, в конце концов, выскочить и проткнуть насквозь душу нерадивых юношей и девушек, протирающих штаны и юбки на институтских скамьях. Гармоничным дополнением живописного портрета был высокий пронзительный голос, который с оттенком хрипоты срывался, как можно было подумать, у Вилены Вилоровны прямо с презрительно оттопыривавшейся бледной нижней губы.

Но вот экзаменационный билет у меня в руках, а это означало, что процентов на 80 моя судьба была уже решена. Я зачитал вопросы вслух и по возможности преданно заглянул в глаза Степанюги, ожидая от нее каких-либо подбадривающих слов, как это обычно у меня получалось с другими преподавателями.

Но тут я был озадачен. Экзаменаторша не только не выказала во взгляде никакой поддержки, а напротив, на ее лице было написано явное недоумение, граничащее с негодованием. «Разве могут быть такие странные вопросы по моему предмету, вы *что* сюда пришли сдавать?» — такой смысл





можно было бы прочесть в ее пронзительных глазах. Я сразу смешался у снова посмотрел в билет. Как ни странно, но вопросы были именно те, которые я сам только что озвучил. Давно не приходилось чувствовать мне такую растерянность. Однако, после неловкой паузы мои сомнения развеялись:

— Вы что, не готовы? — подозрительным голосом вывела меня из транса Вилена Вилоровна.

— Готов, готов. Еще как готов, — поспешил остудить я удивленную даму.

— А что же тогда уставились на меня, как буржуй на штык красноармейца?

— О нет, я того..., я не буржуй, я наоборот, за наших, — почему-то вырвалось у меня.

— Ну так садитесь и готовьтесь, скоро посмотрим, за каких вы там за ваших, — добила меня революционным натиском Степанюга.

Неловко повернувшись и чувствуя необъяснимый стыд, я на подгибающихся ногах кое-как доковылял до свободного стола, и только убедившись, что Вилена на меня уже не смотрит, стал понемногу успокаиваться и принялся за подготовку ответов.

Первым делом необходимо было вспомнить выведенные ранее формулы. Это удалось сделать без особого труда. Далее, записав словарик мудрых словосочетаний, нужно было составить основную канву решений XXIV съезда. Тут пришлось попотеть, но дело потихоньку налаживалось. И тут я снова почувствовал на себе чей-то пронзительный взгляд.

Оказывается, увлекшись вычислениями, я не заметил, как Степанюга подошла ко мне. Она прогуливалась между рядами столов, заглядывая в рабочие материалы готовящихся к ответу студентов. Любопытство Вилены Вилоровны было настолько велико и искренне, что она внимательно рассматривала не только то, что уже было написано экзаменующимися на своих листках, но и даже исследовала все пространство вокруг них, не гнушаясь даже дерзким высматриванием всего того, что могло находиться под столом или в студенческих карманах.

В один из таких рейдов она подошла и ко мне. Заглянув в мои листы, Степанюга удивилась еще больше, чем тогда, когда я зачитывал ей вопросы из билета. Тогда еще мне показалось, что большего удивления не ее лице уже нельзя было добиться. Но сейчас стало очевидным, что это было далеко не так. Вперившийся в меня взгляд просто парализовывал: немедленно пересохло во рту, бешено заколотилось сердце и от неожиданности я даже икнул.

— Математику мне будете сдавать? — с ехидной неистойвой веселостью уколола меня Вилена, — Я не проходила вашей математики и буду задавать



другие вопросы — вопросы *по существу*. Математика нужна совсем в другом месте, молодой человек!

— О нет, Вилена Вилоровна, — продрожал я срывающимся голосом в свое оправдание, — я пытаюсь посчитать процент прироста продуктов на душу населения к XXV-у съезду в сравнении с 1913 годом.

Я прекрасно знал, что все, производимое в СССР после 1917 года всегда сравнивалось с 1913-м, который принимался за расцвет капитализма в России. Сравнить достижения с этим годом было престижно, да и цифры получались весьма внушительные, ведь с тех пор прошли десятки лет и российский капитализм отставал с каждым годом все больше и больше. Этой любовью к 13-му году я и поспешил прикрыться от нападков пытливой дамы. Мой аргумент подействовал не в полную меру, но все же дал положительный результат: Степанюга с сомнением покачала головой и перешла к следующей жертве.

Спустя некоторое время мне удалось прийти в себя и более или менее успешно завершить начатое дело. Ответы на вопросы были написаны настолько подробно, насколько я вообще мог быть способен. Весте с этим и настало неотвратимое время моего испытания Всесильной Судьбой, временно доверившей свой золоченый штурвал бескровным крючковатым пальцам Вилены Вилоровны. Я скромно примостился на стуле рядом с экзаменаторшей и стал собираться для штурма научных вершин.

— Ну что ж, я готова, — неожиданно крикнула прямо в мое ухо после непродолжительного молчания Степанюга, чем сразу сбила меня с толку, поскольку именно эти слова секундой позже я хотел сказать сам, — почему вы такой нерешительный? В чем историческое значение XXIV съезда?

И тут, как подстегнутый вожжами, я бойко стал излагать исторические решения, дескать съезд решил «еще более улучшить интенсификацию сельского хозяйства» и «потребовал осудить отдельные недостатки расширения соревнования», «единодушно одобрил линию партии» и т.д. и т.п. С каждым моим словом лицо Вилены Вилоровны все более успокаивалось и к концу моего спича даже стало утрачивать свойственное ему выражение отвращения.



— Оказывается, вы все-таки кое-что читали... — почти без злости сказала она, — а ошибку, тем не менее допустили грубую.

— Как так, какую ошибку? Не может быть? — я сразу стал вспоминать свои расчеты, неужели что-нибудь пропустил?

— Ведь вы сказали «съезд постановил еще *более* улучшить интенсификацию сельского хозяйства», так?

— Да. Ведь это тогда было очень своевременно.

— Так да не так. На самом деле «съезд постановил еще *решительнее* улучшить интенсификацию сельского хозяйства». Выходит, вы искажаете



исторические решения. А знаете, что ждет поколения, которые забывают или искажают историю? — с интонациями прокурора изрекла Вилена.

Мне сразу представилось многое страшное, что могло произойти с моим поколением: наводнения, атомная война, столкновение планеты с кометой и другие, правда, более легкие случаи.

— Что вы, что вы, — испугался я, — ведь нет особой разницы между словами «еще более» и «еще решительнее».

— Нет, молодой человек, — назидательно сказала Степанюга с упором на слово «нет», — «более» — это почти ничего не значит, а «решительность» — это как раз то, что позволяет добиться настоящего успеха. Вы знаете, что сыграло решающую роль при штурме Зимнего дворца?

— Что? — с притворным интересом подыграл я Вилене Вилоровне.

— Именно ре-ши-тель-ность. Так-то вот. Представьте себе, что было бы, если бы большевики в 1917 году делали бы революцию не решительно, а «еще более»?

— У них бы ничего не вышло, — попытался я изобразить глубокое понимание преподавательской мысли.

Однако непреклонный дух антагонизма снова възграл в Степанюге. Она, видимо, сама представила, что было бы, если в семнадцатом большевики «еще более...», и внутренне ужаснулась. Вслух же она сказала:

— Вышло бы, молодой человек, все равно бы вышло. Таков объективный ход истории. Куда бы кто ни шел, все равно все кончится коммунизмом.

— Лично у меня, — усиленно закивал я, — на этот счет никогда не было сомнений.

— А ничего не изменится, если у вас и будут эти сомнения, — Вилена бросила в меня еще один уничтожающий взгляд.

«Да», — подумалось мне, — «эти мелкие штучки с «решительно», «неуклонно», «неотступно» в моей теории были явной недоработкой».



И тут последовал еще один вопрос, который меня несколько приободрил:

— Ну а какой же из всего на XXIV съезде следовал вывод?

— Был исторический вывод: «мы будем идти вперед», — гордо отчеканил я.

— Ну хоть это вы знаете, — Степанюга взяла в руки экзаменационный билет и, нервно вздохнув, попросила меня перейти к ответу на второй вопрос.

Поскольку в этом случае нужно было говорить о законах социализма, и их было не так уж много, я довольно быстро их перечислил, не забыв упомянуть, что эти законы лучше всех остальных, действуют неотвратимо везде и всегда, и несмотря ни на что все кончится коммунизмом. Мне



показалось, что последняя фраза насчет коммунизма достигла своей цели и несколько смягчила мою экзаменаторшу. И это было действительно так, поскольку Вилена впервые одобрительно кивнула головой, но дополнительный вопрос я все же получил:

— А какой закон социализма действует в области цен на товары первой необходимости? Цены при социализме падают или растут?

Не скрою, вопрос несколько сбил меня с толку. Какой же там мог быть закон, ведь «цены определяются спросом и предложением», но нужно было ответить четко — они «падают» или «растут»?

Поскольку мы жили как раз при социализме, а в магазин за продуктами я ходил часто, мне достаточно было просто вспомнить последние пять лет истории магазинных цен. У меня получилось, что цены очень медленно, но все-таки растут, хотя бы за счет изобретения пищевой промышленностью продуктов с пониженным содержанием муки, масла, мяса и т.п. Однако, в самой постановке вопроса чувствовался какой-то подвох. Не могли же по закону социализма цены расти. Мне так и представилось новое удивление Вилены Вилоровны: «Тогда за что же мы боролись?!», и я твердо ответил:

— Конечно же, цены падают.

— Не угадали, молодой человек, — с радостью произнесла Вилена, — этого закона вы, оказывается, не знаете.

— Так что же выходит? — на этот раз уже удивился я, — все-таки они растут?



— Тьфу на вас, как вы только могли такое подумать! Цены при социализме ста-биль-ны, — продолжила радоваться достигшей своей цели уловке Степанюга.

— Ах да, конечно, — изобразил я озарение, — то-то я и смотрю, что у нас цены давно уже не меняются.

— Они *никогда* не меняются и меняться не будут, в этом и есть закон, — с очередным вздохом подытожила Вилена Вилоровна, — Ну что ж, хоть вы и не заслуживаете, ставлю вам «хорошо».

Вообще то я не очень любил оценку «хорошо», по некоторым причинам предпочитая ей все же «отлично», но в данном случае можно было даже радоваться, ведь история КПСС сдана! Ну а слова «хоть вы и не заслуживаете» были просто пустым звуком, ведь эти слова Вилена говорила почти каждому студенту. Практически всей группе были выставлены незаслуженные оценки.

В результате как бы получалось, что Степанюга была редкостной благодетельницей, и если бы не законы ее любимой дисциплины, можно было бы смело заказывать в церкви здравицу в ее честь.



Как бы то ни было, экзамен сдан, а это означает, что всю мою теорию и непосильный багаж гуманитарных знаний по истории КПСС можно было навсегда забыть, ведь в вузе дважды одно и то же не сдают.

Несмотря на кажущуюся обиду по поводу полученной мной четверки я спешу разубедить читателя в своем негативном отношении к социалистическим временам. У властей того времени действительно был очень серьезные недостатки, главным из которых я считаю нежелание и невозможность при однопартийной системе услышать голос народа. Ошибкой этой власти было то, что понятие «народ», вопреки ее убеждению не подразумевает чего-то единого целого.

Народ, как это ни странно, состоит из людей, очень разных и порою очень грамотных личностей. В центре внимания должен быть каждый человек, а в качестве максимальных общностей можно было рассматривать, например, семью или один трудовой коллектив. Сколько прекрасных деловых предложений, сколько страдающих вопиющих голосов стучалось в глухие двери властей разных уровней: «Мы не требуем денег. Разрешите... Разрешите нам сеять то, что у нас дает большой урожай. Позвольте... Позвольте нам убирать мусор там, где он действительно накопился. Дайте... Дайте нам задание разрабатывать те приборы, которые насущно нужны отечеству. Разрешите, позвольте, дайте». Но в ответ: «отказать», «отказать», «отказать». Гигантская, ржавая, коптящая небо бюрократическая машина подминала под себя и перемалывала в жалкую пыль молодые, рвущиеся к солнцу ростки народной мысли.

Однако, положительного в плановом научном управлении экономикой было значительно больше. Это положительное дало возможность нашей стране первой выйти в космос, построить уникальный робот-луноход, запустить орбитальную станцию «Мир». Это при социализме были построены все, на момент написания этой книги, электростанции страны. Это тогда была возведена знаменитая Останкинская телебашня. Это умом того поколения создан мощнейший подводный атомный флот! Именно в то время СССР превзошла Америку в электронике и обладала, как это не представляется сегодня нелепым, лучшим в мире компьютером. Наконец, это тогда все страны мира завидовали нашей системе образования.

Могучий, ни с чем несравнимый потенциал заложен в каждом Русском человеке. Студенты прошлого, настоящего и будущего, верьте в свои силы, «Мы будем идти вперед!».